АВИНЬОНСКИЙ КВИНТЕТ

ЛОРЕНС ДАРРЕЛ

QUINX,

ИЛИ РАССКАЗ ПОТРОШИТЕЛЯ

ВСЕЛ-ПРЕСС

QUINX, или Рассказ Потрошителя

Лоренс Даррел

Аннотация
Лоренс Даррел. QUINX, или Рассказ Потрошителя
Глава первая. Опять Прованс
Глава вторая. Палец о палец ударяя
Глава третья. Приезд принца
Глава четвертая. Визит к генералу
Глава пятая. Опадающие листья, разрозненные заметки
Глава шестая. Возвращение
Глава седьмая. Что бы ни было
Глава восьмая. Минисатирикон

Аннотация

«Quinx, или Рассказ Потрошителя» (1985) — пятая, заключительная книга цикла «Авиньонский квинтет» признанного классика английской литературы XX столетия Лоренса Даррела, чье творчество нашло многочисленных почитателей и в России. Используя отдельные приемы и мотивы знаменитого «Александрийского квартета», автор завершает рассказ о судьбах своих героев. Вопреки всем разочарованиям и трагедиям, подчас окутанным мистическими тайнами, они стараются обрести душевное равновесие и утраченный смысл жизни. Ответы на многие вопросы скрыты в пророчествах цыганки, порой довольно причудливых.

Так же как и прославленный «Александрийский квартет» это, по определению автора, «исследование любви в современном мире».

Путешествуя со своими героями в пространстве и времени, Даррел создал поэтичные, увлекательные произведения.

Сложные, переплетающиеся сюжеты заво-

раживают читателя, заставляя его с волнением следить за развитием действия.

Лоренс Даррел
QUINX, или Рассказ Потрошителя

...должно само формировать вкус, согласно которому его и следует судить...
Вордсворт, dixit[1]

Перевод «Авиньонского квинтета» посвящается памяти Александра Иосифовича Гантмана, директора издательства «Б.С.Г.-ПРЕСС»

Л. Володарская

[1] Примечания: 1
Сказал *(лат.)*.

Глава первая
Опять Прованс

Поезд вез их все дальше и дальше, оставляя позади шлюзы и водоемы, принявшие избыточные воды Роны, пересекая сонную равнину в направлении Папского города, где на бледном весеннем солнышке кружили голуби, словно конфетти, и звонницы изливали свою вину в звуках священных колоколов. Небо стало цвета «мертвой розы» и багряной марены, а когда проехали Валенсию, уже зацвели багряник и фуксия, появились шелковицы и мудрые серые оливы.

Их встретили близнецы Бруно и Сильвейн, с которыми они давно расстались и которых из-за фамилии прозвали «великанами»,[2] в сопровождении верного Дрекселя. Все трое уже созрели для того, чтобы воплотить в жизнь давний план и поселиться в отдаленном шато, который получили в наследство брат с сестрой. Там они собирались уединиться, посвятив себя «любви втроем», ко-

---

[2] Примечания: 2

Фамилия близнецов, Леногр, созвучна французскому слову «les ogres», означающему «великаны». Эти персонажи упоминаются в романе «Констанс, или Одинокие пути». *(Здесь и далее, не оговоренные особо, примечания переводчика.)*

гда-то настолько заинтриговавшей Блэнфорда, что он начал писать о ней роман. Увы, из этого ничего не вышло. Подобно реальности, идея была слишком гностической и, как в реальности, не оправдала себя. Но в данный момент прекрасные «великаны» были счастливы и полны веры в будущее. Блэн нежно поздоровался с ними.

Сами же приехавшие несколько напоминали захудалую актерскую труппу, которая возит по театрам популярную пьесу: две светловолосые женщины с мальчиком, лорд Гален, Кейд, Сатклифф, Тоби и прочие. Блэнфорду пришло в голову, что они должны быть как единое тело, «потому что мы члены друг другу».[3] Действительно, если у всех есть роли в пьесе, то почему бы им не быть разножанровыми актерами, которые все вместе создают некий единый персонаж? Солнечный свет задремал, прикорнув среди роз, где-то пел сам себе соловей. Блэнфорд сделал жест, весьма точно отразивший его ощущение того, что жизнь начинается заново: он выкинул все наброски к новой книге, вытряхнув портфель в окно поезда, а потом смотрел, как листки рассеиваются и их уносит ветром из долины

[3] Примечания: 3
Послание к Ефесянам (4:25). *(Прим. ред.)*

Роны. Похоже было на то, как падают лепестки с цветущего дерева — всех цветов и размеров. Накануне вечером он решил, что если вздумает еще что-нибудь написать, то больше никаких предварительных заметок и планов. Он просто сядет и начнет писать, спонтанно, как поет, греясь на летнем солнце, цикада. Толстяк Сатклифф, его alter ego, молча наблюдавший за ним, лишь с сомнением качал головой, глядя на кружащиеся бумажные лепестки, похожие на огромную стаю голубей, летящую над городом. Вот, подумал он, такая картина человеческой памяти будет после атомного взрыва — клубы памяти заполонят все. Разрозненные обрывки кружат в смертоносном хороводе истории, жалкие пылинки в пространстве солнечного луча.

Неожиданно Кейд засмеялся и хлопнул себя по ляжке, однако не поделился ни с кем причиной своего веселья. Может быть, это никакое не веселье?

Сатклифф с раздражением произнес:

— Мы ведь не позволим «великанам» повторить чудовищную историческую ошибку, которая стала темой вашего великого эпоса — героического сказания с тремя влюбленными персонажами? Ну же! Признайте, что это не срабатывает ни в

жизни, ни в литературе!

Обри признал, но неохотно.

— Из троих не получается одно целое, — сказал он, обращаясь к своему alter ego. — Хотя один Бог знает, почему… Надо спросить у Констанс, возможно, каноны старика Фрейда дадут нам ответ. В любом случае, раз это было хорошо для Шекспира, хорошо и для меня!

— То есть?

— Сонеты. С таким сюжетом это была бы лучшая из его пьес, а он не написал ее, так как инстинктивно чувствовал, что ничего хорошего не получится. Нам надо спасти несчастных «великанов» от той же участи — нельзя позволить им угодить в капкан тройственного союза в компании со злополучным Дрекселем, что уже не раз бывало в прошлом. Их надо спасти! История, память, вы обещали обойтись без этих капканов, иначе получите еще одно дополнение к *caveau de famille*[4] бесхитростного повествования, а Сильвия навсегда останется в сумасшедшем доме, будет лежать под своим гобеленом и сочинять…

— Она пыталась написать мою книгу, ту самую, в которой я с самого начала собирался опреде-

---

[4] Примечания: 4
Фамильный склеп *(фр.)*.

ленным образом соединить разрозненные факты в логически выстроенном языковом лабиринте, чтобы каждый и каждая нашли свое место без спешки и толкотни. Но теперь мне ясно, если у человека нет врожденных признаков имманентной[5] добродетели, как ее описывает, скажем, Эпикур, то он рискует стать законченным пуританином-моралистом и компенсировать это нечистыми помыслами, даже явственной жаждой крови, сдобренной сентиментальностью. В то же время, следует ходить на цыпочках, держаться весьма осторожно, продвигаться вперед *au pifomètre*,[6] памятуя о Судном дне.

И Блэнфорду и его alter ego было очевидно, что задуманная ими книга не должна повторять злоключения Пьера и Сильвии, ибо им хотелось вызвать к жизни, реанимировать архаическое представление о паре, которая своим соитием творит прекрасное. Случилось чудо — благодаря Констанс, ее массажу и ее физическому заступничеству, его позвоночник вдруг очнулся и с ним вся сеть нервных узлов, которая оживила и тонизировала его сексуальную энергию.

---

[5] Примечания: 5
Философский термин, означающий — внутренне присущий.

[6] Примечания: 6
Наугад *(фр.)*.

Чудотерапия! Смертельные прыжки в момент священного оргазма, как у идущего на нерест лосося: двое-в-одном, соединенные колоссальной, всеобъемлющей амнезией, забытье, которым они постепенно учились осознанно управлять. Удерживаться на уровне слепящей медитации, а потом медленно растворяться друг в друге со страстью, которая была таинственной бездной… Тот, кто отрекается от себя в любви, получает все! «Сад Гесперид» в пределах достижимости… Поцелуй — чистое соединение полностью разделенной мысли.

— Я люблю тебя! — проговорил он с искренним изумлением.

— Господи! — продолжал он. — Благодаря тебе я наконец проснулся. Отвратительный спящий манекен проснулся! Леди Совершенство, счастлив вас видеть! Что привело вас ко мне?

Ничего не говоря, она поудобнее устроилась в его объятиях, совершенно уверенная, что полученная информация пришла к ней от ее покойного возлюбленного, от Аффада. Он всегда повторял: «То, что можно объяснить, теряет силу, способность к воплощению, умирает. Никогда не говори о любви, только если смотришь в другую сторону. Иначе обреченная на поражение «по-

стельная музыка» собьет тебя с нужного пути».

А Блэнфорд все говорил и говорил: — Дорогая моя, ты можешь выставить меня на обозрение в стеклянном ящике у дверей вашей приемной и наклеить этикетку: «Человек, вернувшийся с того света — примат прямостоящий!»

Ах! Ей ли не знать, что науке не интересен счастливый исход — это привилегия искусства! Сатклифф частенько напевал:

> Слов не хватало для любимых тем,
> Похоже, что одеты темы не совсем.

Когда интуиция облечена в жесткие рамки догмы, она исчезает, поэтому они не стремились к устойчивости, хотя и молились о большей, еще большей проницательности, которая хорошо тренирует сердце. До чего же скучным казалось теперь все, что было «прежде», все эти неуместные страсти и обветшалые привязанности. В Камарге на веранде своего домишки они молча наблюдали за приходом ночи и за светлячками, мелькавшими, словно мысли, которые мгновенно вспыхивают и столь же быстро исчезают. Заодно она делала заметки для статьи — как специалист по психоанализу — о забытом романе «Сексобезумец» (закоснелая наивность любовных

сцен придавала ему курьезно порнографический налет). Чтение романа очень повеселило обоих. Очевидно, что написан он был женщиной, и Констанс собиралась доказать этот факт (нигде не подтвержденный) единственно на основании психоаналитической — то есть сексуальной — подоплеки текста. Блэнфорда поражало, стоило ему задуматься об этом, сколь многому она научила его, даже в физическом смысле. Ей было известно, что приапический союз, то есть соитие — это сила, подготавливающая поле, на котором для будущего, например, для будущего ребенка, гарантирована опора в реальной жизни. Она могла сказать полушутя: «Теперь ты знаешь, что делаешь, когда мы с тобой совокупляемся, и отныне ты не сможешь бросить меня, ибо это опасно для твоей интуиции! Для твоего искусства, для торговли дыханием, *кислородом!* У нас это есть, дорогой! Одновременный оргазм дает тебе место между смертью и возрождением, где творится прошлое и будущее. Суть в том, чтобы поймать это ощущение одновременно. Ну а между рождениями — оргазм по сути театр теней на стадии куколки — мы существуем в форме пяти

сканд,[7] что представляет некую совокупность, партию, серию, скопление… Сканды соединяются для формирования человека, который получается в результате и создает *quinx* в силовом поле, то есть пятиэлементное существо с двумя руками, двумя ногами и кундалини!»[8]

— Ладно, — отозвался он не без иронии в голосе, — в грядущем будет актуальна сказка о Спящем Красавце, и его разбудит женщина! Их тропинки соединятся и раздвоятся по приказу природы. Истина в нашем, человеческом, понимании, будь она проклята, должна, к тому же, проникнуться исконной беспечностью природы, чтобы чудо произошло. То есть нужно перестать тревожиться и начать импровизировать! Естественно, любовь может быть сведена к приятному времяпрепровождению, однако тогда ни длина волн, ни масштаб взрыва не разбудят творческую активность души или ее интуицию. Разрядка сама по себе не может ничему научить!

— Оставь меня. Только не очень надолго. Ты

---

[7] Примечания: 7

Сканды — совокупности *(санскр.)* — составные элементы бытия, а также воспринимаемые на чувственном уровне объекты; пять психофизических составляющих личности человека.

[8] Примечания: 8

Кундалини — духовная энергия; свернута, подобно змее, в основании позвоночника, отчего ее называют «энергией змеи».

должен сосредоточиться на том, что собираешься сделать.

— Знаю, — отозвался он. — Не видать мне счастья, пока у меня не получится то, чего я добиваюсь — стать серьезным, но без излишней ходульности. (Надо бояться злобности излишней добродетели!) Если бы я мог соорудить стройное здание системы, то она указывала бы пальцем на обособленную личность как на нечто весьма сомнительное — «потому что мы члены друг другу», становитесь «частью друг друга», *pièces détachées!*[9]

— Что еще? — спросила она в любовном упоении.

— Произнеси речь в защиту сосуществования разных временных отрезков в человеческой фантазии. *Наконец-то* поработай серьезно с любовью человека, которая есть йоговая мыслительная форма, рулевое колесо человеческого корабля дураков, ибо в блаженной амнезии, которую мы только что с тобой испытали, скрывается пятиэлементная правда о человеческой сути. А тем временем текст явит высокую изобретательность и выскажет мольбу о блаженстве как объекте ис-

---

[9] Примечания: 9
Разрозненные куски, фрагменты *(фр.)*.

кусства. Я мелю чушь? Что ж, тогда это эйфория!

На самом деле он был прав насчет нарушенной хронологии — история ведь не прошлое, а то, что должно вот-вот произойти. *Колеблющаяся* часть реальности! Он бы лишился рассудка из-за всех этих разговоров о другой версии реальности, если бы не ее притягательная красота и не поистине уникальная духовная сила.

— Хочешь сделать что-нибудь хорошее без морализаторства, — сказала она, — тогда пиши стихи.

Он как раз и сам подумывал о том, что, возможно, вскоре решится это сделать.

— Скоро вам захочется написать о женщине как некой разновидности плацебо[10] — терапевтическое воздействие очевидно, даже если она не богиня, а обыкновенная женщина! (Это прозвучало немного ревниво, но, наверно, Сатклифф действительно ревновал.)

— Она сказала: это костюмная репетиция для чего-то более глубокого, скажем, смерти, которая становится все ближе и ближе, потом настает и в одно мгновение возрождает в нас вселенную. Если знаешь это, то знаешь, что все можно про-

---

[10] Примечания: 10
Имитация лекарственного препарата.

стить, и не будешь принимать слишком серьезно никакие из прегрешений. В сущности, каждого промывают ради золотых песчинок.

— Ненавижу такое морализаторство, — отозвался он, — потому что оно отдает лицемерием. Я хочу быть плохим, да, плохим. В этом тоже заключена своего рода любовь — разве нет? Я знаю, ты думаешь о философе Демонаксе,[11] но был ли он прав, когда сказал, что никто не хочет быть плохим? Надо спросить Сабину.

Словно по заказу, Сабина оказалась неподалеку, сидела за столом на балконе, как всегда с колодой карт, по которым читала будущее. За работой она курила манильскую сигару — гадание в самом деле тяжелая работа. Она сказала:

— Все обстоит лучше, даже если принять во внимание вселенную, ведь Процесс в целом, пока он происходит естественным путем, обходится без боли, опасений, напряжения. Лев может миролюбиво лежать рядом с овечкой — лишь опасения вызывают страх, приводят к войнам. То же и у нас. Любовь и страсть — это формы духовного притяжения, которыми девушка — ин-

[11] Примечания: 11

Демонакс — греческий философ второй половины I — первой половины II в. Принадлежал к школе циников. Дожил до ста лет и, чтобы избежать старческих болезней, обрек себя на голодную смерть.

стинктивно — знает, как управлять, — атаки и толчки сексуального и бисексуального чувства, милая старая Эдипова компания. Но стоит это понять, и печаль обеспечена — ужас от осознания бессмысленности всего сущего только возрастает. Но реальность может обернуться настоящим блаженством, если вы сами этого захотите. Констанс следует вычистить из вас детские желания, активизировать стремление достичь Просветления, позаботиться о вашей интуиции, пророческом даре и вдохновении и вселить радость в ваше сердце!

— Да! — задумчиво произнесла Констанс. — И рождение вовсе не травма, а апофеоз, в этом я согласна с моими венскими коллегами, ибо они были рождены для греха. Изначально человек рождается для счастья — это мы сами наносим ему травму дурацкими доктринами, основанными на вине и страхе. Патология начинается в семье!

— У инстинкта своя логика, которой мы должны подчиняться, иначе нельзя. Надо, так сказать, действовать по наитию. Это не имеет отношения к количественному методу, который дает лишь образчики для анализа, только части несоразмерного целого.

Тогда-то она рассказала историю Хулио, цыганского поэта, историю его ног. Он был единственным ребенком у Матери табора, и никто не знал его отца, потому что никто не видел, чтобы Она «принимала» в своей кибитке мужчину. Ясно, что такая вот чувственная слабость не могла не сказаться на ее «провидческом» даре, не могла не сузить границы ее предсказаний. Хулио вырос прекрасным, как бог, великолепно сложенным физически и до того невозмутимым, словно он уже когда-то жил на земле. Это не считая *une sexualité à tout va ...*[12] Он как бы компенсировал изъяны своей матери, и все красавицы табора страдали по нему. Со временем он стал бардом своего табора, если так можно выразиться, потому что у цыган нет такого понятия. Он пел под гитару, и слова его песен были настолько хороши, что потом их повторяли как поговорки. И, если так можно выразиться, он все еще живет в них.

— Однако не только в любви Хулио был первым, — продолжала она. — Он был настоящим атлетом и получал удовольствие от всех видов боев, точнее, игр с быком, которые исстари существуют в Провансе. Ему нравился вкус опасности

---

[12] Примечания: 12
Здесь: невероятной сексуальности *(фр.)*.

в схватке за кокарду, и он даже стал чемпионом, первым из цыган. А потом его настигло поражение. — В тихом голосе Сабины послышалась боль. — Ему пришлось сразиться со знаменитым быком по кличке Бирюк, тоже чемпионом. Они сошлись в жестоком поединке. Хулио едва не летал по арене, да и старый бык использовал все известные ему трюки, а трюков он знал множество, ведь он не один год защищал маленькую красную кокарду. Наконец наступила кульминация. Хулио поскользнулся, приблизившись к барьеру, и потерял превосходство над быком. Бирюк погнал его к заграждениям и со злобой, накопленной за долгие годы, стал безжалостно бить копытами. Когда вы будете бродить по Камаргу и вам попадется памятник этому героическому животному, достойному гомеровских персонажей, помолитесь о тени Хулио, у которого были так переломаны ноги, что пришлось их отрезать. Мы думали, он умрет от тоски и унижения. Но, пережив отчаяние, когда он то обдумывал, как лучше покончить с собой, то превозмогал это желание, Хулио зажил по-новому. Его стихи стали мощнее, трагичнее. Он попросил отдать ему его

ноги и отлично забальзамировал их — *ex voto*[13] святой Саре.[14] Их, в качестве дара, поместили в грот около Пон-дю-Гар, где бьет родник — вот так возник здешний культ плодородия. Однако это произошло уже после смерти Хулио, который несколько лет прожил как обрубок; правда, что удивительно, он стал пользоваться еще большим успехом у женщин. У него не было недостатка в любовницах. Говорили, что бесплодные женщины зачинали после одной близости с ним. Вся сексуальная сила его ампутированных ног перешла в детородный орган. Он стал огромным, и, похоже, постоянно находился в состоянии готовности. Пару раз я сама из любопытства ходила к Хулио, и он был потрясающим. Казалось, он научился достигать самой сердцевины оргазма — духовной стадии исцеления, стадии сексуального здоровья. Понятно было, что при отсутствии ног, низ позвоночного столба у него походил на гигантскую плотину, порог самопостижения, в трактовании йоги — кундалини, свернувшееся, как змея, желание. Хулио впитал это с молоком матери. Я и сама тогда в первый раз осознала,

---

[13] Примечания: 13
По обету *(лат.)*.

[14] Примечания: 14
Святая Сара — заступница цыган.

что секс совсем не умирает, а с незапамятных времен он таится в свободе женщины. На Западе его настоящие тайны еще только начинают открываться. Математические тайны сексуального акта мы, европейцы, пока не постигли. Мощь цифры пять — вот загадка Quinx[15] — решайте, если осмелитесь! Так вот, Хулио для нас фигура очень важная на данном этапе. Пока его ноги не начнут снова исцелять и нам не возвратят святилище Сары, цыганское племя не сможет ни путешествовать, ни производить потомство!

«Два вниз и пять по горизонтали,
всепоглощающая страсть».

«Та, что поглощает душу, говорят греки».

«Нет. Нет. Пять букв, любовь моя. Люблю тебя!»

«Конечно же, поглощает, ведь любви
Четырехбуквенное слово[16] мы вспоминаем,
даже когда скучаем или решаем кросс-

[15] Примечания: 15

Quincunx, или quinx — расположение предметов по углам квадрата с пятым предметом посередине.

[16] Примечания: 16

Английское слово «love».

ворд. Две
По горизонтали и одна по вертикали — слово, не ведающее злобы!»

Кодификация аппетита йогой — и поцелуи, и сладкие волнения, и сладкое напряжение, и дыхание, поддерживающее работу мышц и сосудов. Потом медитация, как прогулка в темном саду сознания с прикрытой ладошкой свечой, которую может задуть случайный порыв ветра. А вы защищаете ненадежный огонек, словно сокровище. Очень медленно медитация разжигает и усиливает пламя, и вот уже вы несете его по темному саду победно поднимающимся ввысь — такова эрекция, как требует йога, у адепта даосизма, или нет? Да, в терминологии даосизма даже любовь — неудобное положение из-за неправильного угла наклона по отношению к вселенной.

Он не видит противоречия в противоречии, и понимание этого знаменует начало новой, причудливой достоверности. В своей поэзии он стремиться передать малейшие намеки, дыхание высшей интуиции, из-за которой в глубине души вечно живет смех!

— Я благодарен Египту за то, что моя спина вдребезги разнесена взрывом. Наверно, иначе

мне никогда не пришло бы в голову заняться похожей на жестокий розыгрыш йогой, и я бы не получил очень важного опыта, изменившего мою жизнь. В этой религии нет места «если» и «но», нет даже намека на «может быть». Нет милых неврозов, нет духовной хлороформной анестезии! Формальная логика теряет силу, и, настраивая тело, вы получаете кислород и отдаете жир. Испытывать голод не значит владеть или иметь, а значит принадлежать.

Части и целое
Целое и части
Частные части и
Всеобщие дыры
Священные полюсы
Дьявольские полюсы
Целостное целое.

«Если страдаешь от Приапа, пораженного Сатурном, то надо как-то свести концы с концами». (Сатклифф)

Он мечтал о чем-то не менее сладостном и неспешном, как поцелуи прелестных турецких наложниц из шербетового рая. Обилие улыбчивых гримасок, алфавит прерванных вздохов,

восточный кодекс секса. А вместо этого он получил девицу вроде птеродактиля, которая захомутала его в автобусе, шедшем из Гарвика, с криком: «Благословенны отдыхающие!» Без послушания мы ничего не получаем.

САТ И БЛЭН

= прототипы любви
и безрассудства
находятся там и

ДУША И ТЕЛО

играют на вашем
Вертикальным Банджо!

Puella lethargica dolorosa[17] Даже простой поцелуй был словно телефонным звонком от Бога! Почему ты покинул меня и поехал к собакам? Не-мужчина хуже мужчины-мошенника. Он замораживает чувства и выпивает все соки. «Для женщины не знать своего разума есть начало мудрости!» (Надпись на персидском ночном горшке.)

---

[17] Примечания: 17
Скорбящая летаргическая дева *(лат.)*.

Проезжая вдоль серо-зеленой реки, они увидели знаменитый разрушенный мост, все еще грозящий пальцем (облаком, похожим на палец) над водой — безводной *пустоши* на другом берегу. Блэнфорд и Сатклифф не могли не пропеть:

Sur le pont d'Avignon
On y pense, on y pense…
Sur le pont d 'Avignon
On y pense, tout en rond![18]

— Сколько нам еще быть вместе? — спросил Блэнфорд.

И его alter ego ответил:

— Еще одну книгу, еще одну реку. После этого тело и душа должны разорвать связь между собой. Я знаю. Слишком скоро. Это единственное критическое замечание, которое можно адресовать жизни. Она слишком коротка, чтобы успеть чему-нибудь научиться.

— Констанс выглядит больной.

— Она поправится. Обещаю.

---

[18] Примечания: 18
Парафраз известной французской песенки:
На Авиньонском мосту,
Поразмыслим, поразмыслим,
На Авиньонском мосту,
Поразмыслим, встав в кружок.

Rose de la poe'sie, O belle nevrose![19]

Даже Бог, если он существует, подвержен энтропии. Или он научился получать удовольствие и использовать смертельный поворот от совершенства к испорченности? Неужели он живет, подобно даосисту, в постоянном священном пренебрежении суетой?

убери его постель

возможно, несколько
пассажей в стихах
из первой

забери его жизнь

сцены? Наверное,
Сатклифф разделит

пометь его подушку

ласки с alter ego?

«жена отсутствует» но штопает носки

Сцена эпилепсии,

---

[19] Примечания: 19
О роза поэзии! О дивная невроза! *(фр.)*.

перламутровая слюна,

курит его табак

Почти откушенный
язык, едва не

делает всё

проглоченный.

что делают другие
охотится за тапкой

«Кибела! Что на обед?»

охотится за душой

«Матка!» — отвечает она.

Эрос, научи его
управлять дыханием!

Неси яйца высоко, брат, *les couilles bien haut! Recuser, accoler, accuser, raccolez!*[20]

Когда-то я был юн и член мой напоминал та-

---

[20] Примечания: 20
Неси яйца высоко! Отвергнуть, обнять, обвиняйте, соединяйте! *(фр.)*.

ющую свечку под ее ласками; однако годы и медитация укрепили его, и теперь она знает, как добыть трофей пещеристой ткани, чтобы член мой вел себя как полагается. Мне кажется, сегодня я мог бы даже подписывать им чеки. (Сатклифф)

Старый герой встает и держится, словно приглашенный в гости священник, который с бесконечной вежливостью служит бесконечную службу. Но все зависит от женщины. Ей ничего не стоит задуть его, как спичку! (Блэн)

Слон, если его проглотить, учит, что искусство является одновременно лечением и нравственной конструкцией. Его калибр и значимость могут меняться. Его расчеты герметичны. Нечто переходит в ничто лишь однажды. Любовь!

Ах! Умереть от геморроя или *d'une obésité succulente*[21] или подавиться бананом — достойно и артистично. И, вообще, почему бы непредсказуемой прозе не отразить диссонанс в сердце природы? Закуйте в кандалы глаголы, дайте крылья существительным, придумайте семирогое прилагательное. Вперед!

Частенько, стоило только выпить больше обык-

---

[21] Примечания: 21
Здесь: от приятной тучности *(фр.)*.

новенного, ими овладевала иллюзия, что сейчас они наконец доберутся до сути вещей. Они вели примерно такие диалоги:

БЛЭН: Что вы сделаете, если кто-то обвинит вас в несоответствии жизни? А? Отвечайте!

САТ: Меня это очень расстроит. Я захандрю.

БЛЭН: Видите ли, в наш век, век кино, реальность понятна и определяема лишь в пределах двадцати восьми кадров в секунду. Но промедлите, и изображение не будет похоже на жизнь, потеряет четкость, словно его видит сумасшедший, шизоид или параноик, выбирайте на свой вкус.

САТ: Вот в чем причина! Говорите, не соответствую жизни? Значит, меня есть с чем сравнивать? Я медлю и горячусь? Значит, простая Относительность уготовила для нас это? Катапультировала нас в Условность, а из реальности сделала мир теней?

БЛЭН: Когда я спрашивал о вас у Эйнштей на, о том, какой мерой реальности я могу наградить вас, он сказал: «Вы имеете в виду того розового человека, который похож на свинью? Передайте ему от меня, что у любого человека есть лишь *тенденция* к существованию. Я не могу зайти дальше, неправомочен ничего утверждать на-

счет его реального существования: я не получил телекса от Бога, вот так!»

САТ: Ну и дилемма! Значит, я не более чем символ? Символичен, как плюшевый медведь с икрой? Люди, которые так говорят, похоже, не осознают, что они лишь временные обитатели своего тела, они как куколка в оболочке. Потом пуфф! — и появляется мотылек, который прогрызает эту оболочку. В один прекрасный день я обрету значение. Как в традиционном романе, «тщательный анализ Ничто показал, что… Скорая помощь всю ночь напролет верещит о крови, о плоти и крови. Как тут поспишь?»

БЛЭН: Тогда проснитесь и пишите нашу книгу-о новом Улиссе, умирающем от литургической слоновой болезни. Или от мечтаний о девушке с длинными ногами, от которых пересыхает во рту, но скромной, как банный лист. У искусства есть позиция, но нет собственного кредо.

САТ: Можно своровать, если очень надо. Но лучше уж изобилие девиц. Понимаете, мы живем лишь в промежутке между вдохом и предыдущим вдохом. Эта точка во времени по канонам йоги и есть история. Но представьте, мы улучшаем, очищаем, укрепляем эту крошечную вспышку реального времени, тогда мы восстанавливаем

вечность, геральдическое воображение, панорамное предвидение!

БЛЭН: Ну и что?

САТ: А там я. Что тогда?

БЛЭН: Философатр и Психолопа

Соединятся у Берега Надежды

Как королевские лебеди в безнадежной Страсти

Как грязные утки в безнадежной дурости

Разбудят Психею от долгого сна

Чтоб в самоуничиженье не умерла она

Возьмут урок у череды умерших

Потому что история — бегущая петля.

САТ: Значит, я в самом деле ничего не значу? Символ без смысла?

БЛЭН: Такое начало у всех символов. К счастью, у смысла есть тенденция нарастать вокруг тайны. Не знаю уж почему. Словно природа не может отдохнуть, не создав обманчивую видимость. В поэзии мрак постепенно рассеивается, наполняясь смыслом, словно по закону природы.

Великие тайны искусства, всего лишь из-за своего долгого существования, в конце концов накапливают самооправдание, благодаря критической проекции. Например, Командор в «Дон Жуане» Моцарта считается мистической фигу-

рой, потому что он до сих пор живет, получив от автора такой электрический заряд, что день ото дня становится все более значимым. Когда-нибудь его «значимость» станет понятна нам.

САТ: Согласен. Однако эта значимость доступна женщинам — помогает женская интуиция. Пусть ее суть не сформулирована в словах, но в глубине души женщина осознает свою роль в поэзии мужчины, свое предназначение распознавать и освобождать редкого мотылька, который прячется, возможно, в самой невзрачной гусенице. В сексуальном акте, в акте узнавания, раскрывается оболочка. Presto! Наступает освобождение поэта-мотылька!

БЛЭН: Ура!

САТ: Присоединяюсь. Ура!

БЛЭН: *Touche-partout, couche-partout,*
Bon à rien, prêt à tout.[22]

А как насчет любви?

> Девица в сером с единственным черным пятном,
> Нечто среднее между лисой и голубкой,

---

[22] Примечания: 22
Везде-хватай-ка, везде-валяй-ка. Никчемный, доступный *(фр.)*.

Чутка, как телевизора антенна,
Как прочие любимые, подвластна тлену.

Надо подумать о других, кто прошел тем же путем. Страсть как средство всеохватного зрения, которую смерть вознаграждает во прахе. Николя де С. Приятнее стать отличным торговцем и провести жизнь, лаская влажную плоть Богини Богатства! Э. А. П. — его мозги взрывались на работе. Рискованный подъем артистического ихора[23] в кровотоке, панорамное видение — это было слишком для него. И поглотило его. Утащило за волосы в пещеру океанического сознания, в пещеру Гренделя, откуда исходит искусство; питие выпило его.

(Сатклифф налил себе выпить.)

А что же наш квинтет? Пока его мозги истощались, он становился все желтее и слабее, светясь, как восковая свечка, еврейская тоненькая свечка, горящая в гробу. Его руки покрылись гноящимися бородавками. Он глядел в утробу еврейского суперэго.

---

[23] Примечания: 23

Жидкость, заменяющая кровь в жилах богов *(греч. миф.),* а также сукровица, злокачественный гной.

Tone lege, tolle lege.[24] Голоса, которые слышал святой Августин и которые принадлежали детям, в каком-то забытом саду певшим в честь дня рождения ангела. Императив поэта. Тише, вы их слышите?

Судьбоносный корабль нашей культуры заполняется — корабль дураков. Но он лишь выглядит таким. На самом деле, если вы, так же как и я, верите, что все люди потихоньку становятся одним человеком, а все страны становятся одной страной, одним миром, то вам неизбежно придется воспринимать всех так называемых персонажей как иллюстрации имеющейся тенденции. Их надо изучать по их слабостям, из которых самая очевидная и самая сильная — предрасположенность к любви и воспроизведению во плоти своих психических потребностей. Понятно?

Б. думал: «Смерть как будто разнообразна и вполне определенна, потому что наши друзья умирают по очереди, один за другим, ускользают из декорации, оставляя в них дыры. В качестве принципа это так же универсально, как любое

[24] Примечания: 24

Возьми, читай *(лат.)*. По преданию, эти слова послышались блаженному Августину во время прогулки в роще, таинственный голос велел ему читать Послания апостола Павла. *(Прим. ред.)*

преображение — *semper ubique*,[25] старина. Хотя все воспринимаешь, как при замедленной съемке. Корабль раскачивается, потом почти замирает, прежде чем утонуть. Опытные моряки замечают опасное сотрясение и кричат: «Идем ко дну!» — задолго до того, как в небо поднимается крик: «Тонем!» Весна в Авиньоне будет бесконечной, как когда-то. Констанс, я люблю тебя и хочу умереть».

У Сатклиффа был друг, который умер во время соития, и его эрегированный член так и застыл, в *rigor mortis*.[26] Вот было зрелище — оно привело в восторг толпу медицинских сестер, которые были на скудном рационе и жаждали новизны. Подобный розовато-лиловый дружок мог бы насытить целую армию таких девиц, и они возвращались опять и опять, чтобы еще раз полюбоваться им. Однако на закате, когда его обладателя стали готовить к погребению, он поник.

Блэн сварливо заметил:

— Мы закончим свои дни, как какой-нибудь старый пес, и поковыляем в Собачий рай в Дис-

---

[25] Примечания: 25
Всегда вездесущ *(лат.)*.

[26] Примечания: 26
Трупное окоченение *(лат.)*.

нейленде или на кладбище Форест-Лаун,[27] откуда телеграммы направляются Маленькому Фидо,[28] когда он пересекает Стикс. Харон отдает их, не говоря ни слова, с усмешкой прячет в карман доллар и берется за весла.

Скамья для всякого найдется,
Но мисс Маффит[29] не всем дается.
(Все званы, но мало кто готов гореть,
А кому-то нужен Бог, чтоб затвердеть.)

Мертвящим раздумьям Европа верна,
Парням и девицам нужна игра.

Fruit de mer[30] не сравним ни с чем:
Отведай назло страхам всем.

К праху прах и к страсти страсть,
В союзе их блаженства всласть.

---

[27] Примечания: 27

Форест-Лаун — мемориальное кладбище в Голливуде. *(Прим. ред.)*

[28] Примечания: 28

Имеется в виду пес Фидо (Верный), который 14 лет ходил встречать к автобусной остановке хозяина, погибшего в 1943 г. Ему был сооружен памятник с надписью: «Фидо. Образец преданности». *(Прим. ред.)*

[29] Примечания: 29

Героиня детского стишка, сидящая на скамье.

[30] Примечания: 30

Дар моря *(фр.)*.

Ему урну украшать, ей изваянье оживлять.

Тот день, когда Аристотель решил *(malgré lui),*[31] что пришел конец правлению колдуна-шамана (Эмпедокла), стал днем Д[32] его души. Тропинки ума заросли травой. С того момента началась охота за поддающимися измерению, якобы достоверными данными. Смерть стала константой, родилось эго. Месье пришел, чтобы управлять состоянием человека:

Убить, чтоб съесть, природы был закон.
Убить, чтобы убить — такой людьми изобретен.
С грехом смириться не сумели,
Поверили в Христа и в поцелуе млели,
Глотая кровь и преломляя плоть,
Чтобы с умершими сравнить себя, Господь!

Знаете, САТ ничего не мог бы сказать такого о

[31] Примечания: 31
Помимо воли *(фр.).*

[32] Примечания: 32
День высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г. (День открытия второго фронта.)

БЛЭНЕ, что стоило бы принять всерьез, ведь он был всего-навсего творением последнего вместе со своим *Ты Quoque*,[33] существовавшим как бы по доверенности. Значит, БЛЭН был королем? Да, в своем роде, однако его власть несколько уменьшилась, он не может видеть того, что далеко впереди, тогда как САТ несет функцию, так сказать, третьего глаза. Его пупок провидит будущее в качестве всевидящего ока времени. Неужели это отравляло жизнь уединившегося автора, когда он полировал ногти и наблюдал, как снег покрывает некое графство Блэндшир? Какого черта он выбрал профессию, которая заставляет его производить бумажные артефакты — персонажей, пивших его кровь, так что он сам себе частенько казался одномерным, как будто творением своих творений? Ну как? После публикации автобиографии САТА, в которой он также фигурировал, известность не заставила себя ждать, правда, и тот и другой стали ощущать себя как бы в посмертном состоянии. Постепенно САТ до того прославился, что обособился, как сетчатка, оторвался, как мыльный пузырь, чтобы

[33] Примечания: 33

Ты тоже (часть выражения: «И ты, Брут»; *лат.)* — название предполагаемого романа Сатклиффа, который упоминается в романе «Месье, или Князь Тьмы».

существовать в общественном сознании в качестве некоего мифа. Он творил английский язык, он творил старика Потрошителя, тогда как Блэнфорд лишь с натугой мог накропать справочник «Кто есть кто».

«О Anax[34] — Великий Господин, чье святилище в Дельфах, и не говорит и не утаивает, лишь предрекает и намекает!»[35]

Точно так же все писатели суть один писатель, и Блейк наспех переписывает Ницше, руководствуясь тем же жизненным опытом… Просачиваясь сквозь огромную плотину человеческих чувств, составляя карту глубин и пустот. Очень часто шероховатые тесты более достоверны, чем доведенные до совершенства.

Вся оригинальность Розанова зиждется на том, что он успевает поймать самую суть мысли, до того как она лопается, будто пузырек, ударившись о поверхность нашего сознанья, до того как обретет четкие очертания. Это не плохо и не хорошо, просто что есть то есть. Обычные намеки. В высшей степени патологическое и сомнительное

---

[34] Примечания: 34
Царь *(греч.)*.

[35] Примечания: 35
Почти дословная цитата из Гераклита. *(Прим. ред.)*

искусство — вот результат такой практики, но это в западной интерпретации. В восточной же — он писал исключительно коанами,[36] но не эпиграммами. Это как бы начало религиозного поиска — сомнение, волнение, напряжение. Работа души!

САТ получил открытку от Тоби, который преподавал в Швеции: «Немедленно приезжайте на север! Шведки великолепны. У них души, как мягкие ягодицы, и ягодицы — как твердые подметки».

Он обрек себя на неудовольствие своими описаниями *nouveau roman*,[37] к которому они относятся с суеверным благоговением, такими как: *«Les abats surgelés des écrivains qui refusent toute jouissance».*[38]

В парижском метро ему на глаза попалась одна из тех новых женщин, к встрече с которыми мы

---

[36] Примечания: 36

Коан *(яп.)* — в дзен-будцизме — особый метод обучения адептов, основанный на решении нестандартных задач, что способствует развитию интуиции.

[37] Примечания: 37

Новый роман *(фр.)*.

[38] Примечания: 38

Промороженные потроха писателей, которые отказываются от всякого наслаждения *(фр.)*.

все уже были готовы — Розеттская Стелла,[39] только что прибывшая из Соединенных Штатов. «На ней был надет надувной жилет, сворованный у авиакомпании «Эр Франс». Брюки — на подкладке из газеты «Трибюн». В руках она несла дорожный знак «Уступи дорогу», вырванный из асфальта где-то рядом с Пятой и Шестой улицами. И сосала большой палец, сначала до мяса обкусав ногти, когда ей нечем было заняться. Еще она курила марихуану. Отборная юная клитерократка».

Сперма не старится, в отличие от мужчины. Даже старик может зачать юное существо.

> От одиночества озлобившись, в тщеславии
> наделал шуму он, хоть был
> в душевном здравии.

САТ: *(Своему зеркалу, когда брился.)* Ах, милое старое лицо, костистое убежище для двигательных мускулов и нервов, для глаз, носа, рта, жестоких унциальных усмешек, диакритические дуги бровей. Загрубевшее от бурь и ветров, зака-

---

[39] Примечания: 39

Намек на Розеттский камень с трехязычной надписью, найденный в 1799 г. в Египте, высечен в 196 г. до н. э. *(Прим. ред.)*

ленное мыслью, выдержавшее многочисленные тяжелые вздохи. Его следует подновить. Глаза кричат: «На помощь!» Глаза молят об уменьшении ответственности.

Веря, желая, провидя, мы поступаем вопреки природе. Я *мыслю,* значит я существую, еще сойдет, а вот *надеюсь* делает человека из Аристотелева бесцветного животного, сбившегося с пути стараниями прозэнцефалона.[40]

CAT: *«La femme en soi recherchée par l'âme.*
La femme en soie, brave dame.
Boule Quies d'aramanthe et camfre
Une veuve de Ciguë
Trinquer avec la mort!
Cliquot Cliquot Cliquot
Trine trine

[40] Примечания: 40

Прозэнцефалон — передний мозг, отключается при подавлении эмоций. *(Прим. ред.)*

La Veuve Cliquot!»[41]

БЛЭН: В отчете о вашем браке я предполагаю усилить тон в интересах моей прозы и добавить то, что подметила Констанс, говорившая о вас с симпатией и грустью. Я объясняю со всей присущей моему стилю живостью, как все было невыносимо сложно и отравлено неудачной женитьбой на капризной маленькой королеве, невероятно очаровательной и стильной, которая хитроумно скрывала свои наклонности, так как спала в открытую с мужчинами, но в той же мере — тайно — с женщинами. У нее не возникало трудностей, ведь вы были самым настоящим интеллектуалом — то есть дураком!

САТ: Наверно, мне тогда не хватало опытности, ну и, естественно, когда человек влюблен, на нем стоит «печать» объекта его желаний, он становится похожим на утенка, влюбленного в ботинок своего хозяина. И все-таки. Порази-

---

[41] Примечания: 41
Как шелка ее хороши,
Как изысканны тайны души.
Храбрая вдова цикуты,
Мир послушай хоть минуту.
Дзынь-дзынь!
«Вдова Клико» в бокале:
Чокнись со смертью -
И в дальние дали… *(фр.)*.

тельными были сухие удушающие поцелуи со вкусом соломы, ласки самки богомола. Сухой карман, как у сумчатого животного, карман редко посещаемого влагалища должен был бы привлечь внимание к большому и прекрасному клитору. Войти в нее было трудновато, но во всем остальном она была нормальной и даже отважной. Потребовалось время, прежде чем я понял, что она инсценирует оргазм, а также (судя по некоторым непроизвольно вырывавшимся у нее словечкам) думает о ком-то другом, когда мы вместе. Она долго не выходила замуж, так почему она решила выйти за меня?

БЛЭН: Не знаю. Возможно, активные лесбиянки имеют слабость к молодым замужним женщинам, их возбуждает обручальное кольцо, ведь эти лесбиянки одновременно обманывают мужчин и подделываются под них. Экскалибур! Они испытывают радость, унижая мужа и предавая его!

Неожиданно ему стало понятно все, в том числе и наличие целой гурьбы подружек, очень женственных и неудовлетворенных (если верить им) семейной жизнью. Как она говорила, они сначала «бросались» на Тома, Дика, Гарри. Естественно, свою роль сыграли принятые традиции общения. Никто не обращает внимание на женщин,

которые целуются и обнимаются друг с другом, немного «материнского» отношения считается в порядке вещей, и, уж точно, нет как будто ничего дурного, если жены вместе отправляются в дамскую комнату, предоставив своим мужьям возможность важно попыхивать трубками и беседовать о священном банковском ремесле!

Сама не больше понюшки табаку, а сколько пренебрежения! *Une belle descente de lit.*[42]

С: Господи, ну и французский!

Б: Знаю. Опять позерство. Продолжайте.

Итак, он обнаружил, что постепенно стал как бы пародией жены, своего рода травести. Мыл посуду и торчал дома, чтобы проследить за кухаркой, она же вместе с одной подружкой убегала к другой подружке составлять гороскоп. Телефон раскалялся от шуток, не предназначенных для чужих ушей, и планов на будущие развлечения. Однажды он случайно вскрыл адресованное ей письмо, перепутав почерк (ему никогда бы в голову не пришло следить за ней), и сразу все встало на свои места. Неожиданно ему подумалось о так называемом «мужском протесте» — тоненьких усиках, которые с болью удаляются восковым

[42] Примечания: 42
Блистательный подъем с постели *(фр.)*.

депилятором или обесцвечиваются перекисью водорода. Зеленые тени, амулеты, ожерелья — и *одна серьга!*

Amo, amas, amat. Je brûle, chérie, comme une chapelle ardente! Baise-moi![43] Самодовольство, жажда успокоения, тщеславие, ханжество — Сатклифф: «К вашим услугам, старина: на ваше усмотрение».

Прибавлю, пожалуй, анекдот, рассказанный кем-то — Фатимой, если быть точным. «Давай переспим, поучимся болтать по-французски». Получалось не очень, потому что ее не отпускало отчаянье — отчаянье безнадежной толстухи. Но, в конце концов, все наладилось, а потом она плакала от ужаса и неистового наслаждения. Что мне нравилось в ней? Она была на редкость земной, с обыкновенным, как персик, лицом. Зато от ее бедер исходил жаркий аромат пота, напоминающий мускус; ее кожа, когда я касался ее языком, была влажной, как роза, покрытая росой. И я лизал и лизал ее, как *drogué en état de manque!*[44] — по ее собственному выражению.

---

[43] Примечания: 43

Люблю, любишь, любит *(лат.).* Я горю, милая, как погребальный костер! Возьми меня! *(фр.).*

[44] Примечания: 44

Наркоман в состоянии ломки *(фр.).*

Разглядывая себя в зеркале, Тоби воскликнул: «Подлый гном! Если бы не твоя красота, я бы тебя бросил!» Его объявление все еще регулярно помещали в «Трибюн». Оно гласило: «Пожилой вампир (рекомендации имеются), проживающий в старом мрачном особняке около Авиньона, ищет благоразумных удовольствий».

Еще он сказал: «Другие люди пьют, чтобы забыть, а я пью, чтобы помнить!»

Поэтическая субстанция, выделенная из прозаической строки, печальный монорельс сюжета и персонажа. Пусть уж неразвившиеся зародыши рассказа растворятся в сознании. В качестве несчастного случая — смерть из-за снежных заносов около Загреба. Огромный автомобиль похоронен в сугробе. Она — в вечернем наряде, рядом меховое манто, в рукаве которого спит котенок Дымок. В лучах от фар блестели хрупкие кристаллики, словно светились изнутри. Они забыли выключить печку. Белый «мерседес» с погребенными под снегом огнями. Зачем продолжать? Они медленно задыхались в ожидании спасателей, которые не могли пробиться к ним до рассвета. Выжил лишь Дымок. Его громкое мяуканье, казалось, заполнило весь салон.

Письмо из далекого Лондона. Серое небо. Мочиться надо в писсуар фирмы «Твайфорд Адамант». БЛЭНУ пришлось написать на открытке: «Имейте в виду, что вздремнуть днем — не значит медитировать. Любознательность — не любопытство. Будьте осторожны с черными карандашными копиями — это демоническая культура. Делайте фотороботы мужей и жен!»

Эклер, который написал обзор, был старым благородным французом, скопидомом, как многие французы, горевшим беспощадным лживым пламенем. Он написал о поэте, словно тот был лестничным ковром, размякшим в шотландском тумане. Он завивал волосы горячими щипцами и ел убедительно много чеснока во время изысканных, возвышенных развлечений. Тем не менее, он все понял и все назвал! Это было ужасно. «Хорошему художнику должно хватать ума наслаждаться неотвратимостью смерти — иначе его жизнь не что иное, как скандальное пренебрежение жизнью!»

Б.: Где завершается реальная жизнь людей? И где начинается их воображение? Я был лунатиком в литературе. Мои книги случились *en*

route.[45] Из-за них я в убытке и не приписываю им какой-то особенной ценности. Разве что они пригодятся другим лунатикам — в качестве дорожных атласов. Как знать? С социальной точки зрения я — пожиратель фиг. Я всегда верил в себя — *credo quia absurdum!*[46] Склонный к барочным оборотам речи, в своих опусах я хотел заменить обыденное и плотское чем-то изысканным и сложным.

Ступай и шлюху подцепи,
Ее утешь, поторопись.
В беде красотка просит лучшей доли,
Но Дженкинса она лишает воли.
Как розу ты ни назовешь,
Все будет розой, коли запах ты вдохнешь.[47]
Любовник, робкий шут, готов
Навек остаться без штанов,
Дабы спасти живое чувство

---

[45] Примечания: 45
В пути *(фр.)*.

[46] Примечания: 46
Верую, потому что абсурдно *(лат.)*. Высказывание Тертуллиана (ок. 155 — ок. 220) — раннехристианского писателя и богослова. *(Прим. ред.)*

[47] Примечания: 47
Парафраз реплики Джульетты. (У. Шекспир. «Ромео и Джульетта», II; 2.)

От пут мертвящего искусства…

Любовник нынче принадлежит к исчезающему виду, дотошность ученых мужей может истребить его окончательно. И тот же Штекель[48] скажет последнее слово по поводу вашего брака: «Очевидно, что в этом браке культивировалась садистская атмосфера. Тот факт, что оба супруга гомосексуальны, привел к любопытной форме инверсии. Супруг играл роль женщины, у которой связь с женщиной, а супруга играла роль мужчины, у которого связь с мужчиной. Это удерживало их вместе. Движения, возбуждавшие его во время соития, напоминали предсмертные конвульсии. Удивительно то, что вопреки жажде насилия, которое он лелеял в своих фантазиях, как только женщина начинала двигаться, у супруга возникали проблемы с эрекцией. Партнерша должна была лежать неподвижно, бледнеть, в общем, как можно больше походить на труп. Тогда в нем пробуждался садист, и к нему возвращалась мужская сила».

Почему-то у Сатклиффа это вызвало раздражение, и он сказал:

---

[48] Примечания: 48

Штекель Вильгельм (1868–1940) — австрийский психоаналитик, ученик Фрейда.

— Мне часто кажется, что мы похожи на двух старых шлюх, которые, перепившись, ковыляют ночью к Мраморной арке, случайно помочившись в сумки друг дружке.

Очевидно, что, подобно многим из нас, они искали непосредственность, спонтанность, которая когда-то была им присуща, но ключи от которой они потеряли.

Несмотря на весеннюю погоду, продуваемый насквозь авиньонский вокзал не располагал к долгим дискуссиям по поводу того, где кому жить. В конце концов было решено, что разумнее всего поехать к лорду Галену, так как его вилла была самой удобной, — погостить там, пока Констанс будет приводить в порядок свой дом в Тюбэн. Благодаря визиту к Галену, у них появилось бы несколько бесценных дней, чтобы наладить водопровод и провести малярные работы, совершенно необходимые после нескольких лет запустения. Удивительно, что за годы войны дом не отсырел и крыша не протекла. А остальное можно было поправить за лето; несомненно, это в какой-то степени вернуло élan[49] довоенных каникул — доисторических, как казалось теперь, — когда

[49] Примечания: 49
Порыв, вдохновение *(фр.)*.

все были очень молоды. До Войны?

Поцелуй Иуды, отравленная стрела нашей истории, стал чем-то таким, чему можно научиться для домашнего употребления. С точки зрения Папского города, это подтверждает справедливость утверждения, что вся наша цивилизация — убедительный пример чудовищного духовного провала. С колоколен голуби своим воркованием зовут верующих помолиться, хотя это и перестало быть необходимым, как воздух, превратившись всего-навсего в общепринятое действо.

> «Я пишу в защиту намеков»,
> Иду «Намеков на что?» умираю
> Иду «На абсолют, глупышка», умираю
> Ушел «И что же это будет?» умер
> «Намек».

САТ сказал:

— Я выбрал свою, менее непохожую на другие дорогу. С тех пор, как я основал свою группу, названную «Милосердный секс для испытывающих давление», мне больше не нужны клиенты. Все делает робот.

Лорд Гален, потихоньку вошедший в комнату, чтобы пригласить всех на обед, навострил уши и спросил:

— Мне не послышалось слово «робот»? Я и сам об этом думал. Вы же знаете, у меня большие планы на послевоенный период — хочу рационально распорядиться капиталом, причем освоить сразу несколько направлений. Одно из них — поддержка института брака. Это потребуется, как никогда. Я пытаюсь организовать для некоторых благословение папы в качестве рекламной кампании. Сейчас мне кажется, что у меня все как будто получается.

Оба мужчины, если их так можно назвать, с непритворным жаром его поздравили и проследовали в большую кухню, где уже были накрыты столы, сооруженные из козел и столешниц, и животворные ароматы жареной свинины и имбиря витали в воздухе, подобно голубям, принесшим Благую весть. Естественно, не удалось избежать неловкости — из-за Констанс с ее молчаливой подругой! Мальчик разыскал двух дочерей четы, присматривающей за домом и, страшно довольный, уселся между ними. Остальные продолжили незаконченную беседу за едой, которую подавали старая фермерша и ее молодая племянница.

До чего же Блэнфорд своей робостью и болезненной любовью сердил Констанс: стоило ему взглянуть на нее, она, опустив глаза, смотрела

на свои руки, обиженная его неодолимым целомудрием. А сам Блэнфорд испытывал отчаяние Прометея, прикованного к унылой скале своей нравственной чистоты. Она ненавидела его! Самодовольный хлыщ!

— Мой учитель йоги говорил, что одна из самых больших проблем герметических школ[50] не допустить превращения ламы в робота, чтобы не дать ему заснуть во время радения. Вам не кажется, что это отличный комментарий к поддержке института брака лордом Галеном? Между прочим, даже простой поцелуй прочерчивает некую траекторию в человеческом сознании, потому что он горячит кровь и заставляет организм вырабатывать особые вещества, как, скажем, сахар и инсулин. Будьте уверены, Иуде это было известно.

— Жаль, вы уничтожили все записи. Вам они понадобятся.

— Не беспокойтесь, у меня все вот здесь. — Он постучал себя по лбу. — Вы сразу заметите, когда я буду использовать их в разговоре, потому что они касались самых интимных проблем, кото-

---

[50] Примечания: 50

Имеются в виду школы, изучающие наследие Гермеса Трисмегиста, легендарного египтянина, автора ряда трактатов по оккультным и по общим наукам, и его последователей. *(Прим. ред.)*

рые мне не удалось разрешить, а без этого я не мог продвинуться вперед. Например, проблемы формы и стиля моей новой книги. Меня очень вдохновили смелость Розанова и истеричные пассажи Стендаля в его «Воспоминаниях эготиста» — не совсем вразумительные, как это часто бывает. Однако в них прослеживается присущий только ему язвительный, полный каламбуров стиль. И Розанов, и Стендаль помогли мне в поисках формы. Я сказал себе, что никто не ищет особой правды в фарсе, однако весьма занятно обнаружить ее именно в нем, разве нет?

— Я современный человек, — отозвался САТ, — и думаю, что люди в принципе прекрасны, но самым прекрасным кажусь себе я сам. Я — наивысшая точка. Природа истощилась, создавая меня. Другие — легко понять, что у нее не осталось идей, — в сравнении со мной — головастики. И вы сейчас скажете мне, что йога избавляет от таких убеждений?

— Да, скажу. Точно так же, как она избавила меня от болей в спине, она избавляет от стресса, вызванного чрезмерно раздутым «эго». Гипертрофированное «эго» может довести до беды, хоть и не сразу.

— Вы говорите так, как будто я настоящий.

Сами же все сделали, чтобы я чувствовал себя бесплотным, иллюзорным, а теперь говорите обо мне как о реальности.

— Вы такая же реальность, как указатель в молитвеннике; но ведь вам не спеть ни одного псалма, мой милый.

Метафорой нетрудно описать
Все тайны, что другим не нужно знать,
Как одалиска, ты, метафора, глупа -
В отличье от меня. Как ты слаба:
Поймаешь ветер, парус развернешь,
Поймаешь разум, но души не сбережешь.

Вино, прекрасное фиту, вскружило нам головы и оживило беседу. Все прониклись такой любовью друг к другу, о которой прежде и не подозревали; лишь Констанс и ее подруга продолжали пребывать в пещере тишины и не поднимали голову от тарелок. Лорд Гален бездумно веселился, как обычно, а Кейд наблюдал за всеми, насупив брови, и был похож на мышь, выглядывающую из невидимой норки.

А что же очаровательная распутница, изыскан-

ная подруга Констанс, что происходило с ней? Иногда, опустив голову, она плакала — но это от радости: ведь ей повезло, ей выпала удача. Блэнфорд наблюдал за ней с суеверным страхом и невольным сочувствием. Она носила широкие золотые пояса — в тон густым золотистым волосам и голубым глазам, в которых светился ум; из-за пытливого взгляда они напоминали огни поставленной на якорь яхты. Рисунок губ говорил о восхитительной податливости ее натуры. Однако она всегда выглядела несколько отрешенной, прислушиваясь к некоему внутреннему устройству, регистрирующему разлад в мыслях. Тайком на нее посматривая, Блэнфорд вспоминал ее записи, которые показывала Констанс, и с завистью осознавал, что она не только красива, но и талантлива. И мысленно повторял: «Я мечтаю написать о невыносимом счастье. Я хочу наполнить текст своими телеологическими терзаниями[51] и все же сохранить его фарсовую святость как нечто бесценное. Прорваться сквозь летаргическое оцепенение, леность, боль души. Однако меня убивает скука познания истины — неприятное ощущение, будто бы тебя лишают

[51] Примечания: 51
То есть раздумьями о смысле жизни.

младенческой невинности! Понимаете, время, в которое мы все верим, становится твердым, если долго стоит на месте. Время становится *массой* в математике. Потому что все упрямо и осознанно превращается в свою противоположность. Такова природа процесса, ведь существует закон космической инерции. Вселенная попросту делает очередной шаг развития; у нее нет программы, она ничего не продумывает заранее. В ней правит постоянная спонтанность!» Он ревновал к Сильвии. Как она смеет так много знать!

Неудивительно, что Констанс уступила мольбам такого сердца. Да и эпиграф, который она выбрала, как нельзя лучше отражал богатство ее интеллекта — это было восклицание Лафорга:[52] *«Je m 'ennuie natale!»*[53] И все же он сказал себе: «Я и не думал, что буду ни на кого не похожим; в глубине души я не считал себя «высшим классом». Тем не менее, я решил покорить вершины и стать по меньшей мере современным, восприняв все причуды, отравы и правды своего времени, осознавая опасность потерять все, если слиш-

---

[52] Примечания: 52

Лафорг Жюль (1860–1887) — французский поэт-символист, один из первых декадентов.

[53] Примечания: 53

Я с рождения скучаю! *(фр.)*.

ком этим увлечься. Но и просто прозябать, не добиваясь ничего существенного… невыносимо было даже думать о таком. Тем более закончить старостью с убийственным приапизмом — недееспособным, страшным, одиноким: когда не можешь одолеть муки неудовлетворенной похоти. Только не это!»

В страсти главное — глубинный фокус, как в прозе. Больше не будет, даст Бог, бесконечных, бесхребетных романов прежних времен, пропитанных розовой водичкой. Не будет отношения к любви как чему-то, отдающему обыкновенной случкой. Не будет прозаического стиля, известного французам как *genre constation de gendarme*.[54]

Реальность, которая кажется абсолютно безжалостной, на самом деле абсолютно справедлива, ибо она не может быть ни за, ни против. Иногда он глядел на ее профиль, на ее головку, повернутую к свету. До чего же щедра она в своем искреннем радостном внимании, до чего великолепно смугла. (Мертвые так и толпятся вокруг, когда мы пережили крах неоправданных надежд.) Единственный императив художника (любого человека) — *bricoler dans l'immédiat, c'est*

---

[54] Примечания: 54
Здесь: жандармский непререкаемый жанр *(фр.)*.

tout![55] Уменьшите рабочую нагрузку сердца, путешествующего сердца. По-видимому, Сатклифф следил за его мыслью, потому что сказал:

— Грубость в любви недопустима, и для тех, кому это претит, Овидий был груб! Сегодня он, наверняка, работал бы в рекламной компании и стал бы лауреатом Мэдисон-авеню. *Autre chose*[56] Проперций, Катулл. — Он поднес полный бокал к губам и выпил до дна. — Необыкновенное вино! — сказал он, ставя бокал на стол. — Я предпочитаю необъятных женщин с теллурическими[57] грудями в качестве центров притяжения.

Блэнфорду это не понравилось, так как он не сводил взгляда с Сильвии, которая, с дивной своей длинной белой шеей, была похожа на лилию в слезах.

Кто-то откомментировал необъятность пристрастий Тоби, и тот отозвался с обидой:

— Я не подписывал договор со Святым Духом на воздержание от свинины во время Великого поста.

---

[55] Примечания: 55
А сейчас браться за любую работу, и все! *(фр.).*

[56] Примечания: 56
Другое дело *(фр.).*

[57] Примечания: 57
Земными (от лат. Tellus — Земля).

Дом лорда Галена был построен на землях старого полуразвалившегося mas,[58] где был настоящий замок в привычном провансальском стиле, от которого осталось лишь несколько просторных подсобных помещений, на скорую руку переоборудованных в жилые покои, несколько подновленные (и страшноватые — на сельский манер). Во время уборки урожая и зимой в двух дальних постройках хранили сельскохозяйственный инвентарь: тракторы, бороны и комбайны. А тот дом, в котором они теперь трапезничали, в обычное время служил мастерской и гаражом для неисправных машин. На стене этой грубой, незатейливой столовой висела реликвия, напоминавшая о «механическом» прошлом. В этом настенном украшении было особое очарование, потому что это был плакат, выпущенный примерно через десять лет после появления бензинового двигателя. Знаменитый автомобильный завод предлагал такие плакаты своим клиентам — как пособие, необходимое для каждого гаража, чтобы механики могли в случае надобности посмотреть, что к чему. На плакате была подробная схема бензинового двигателя, развернутая и рассечен-

[58] Примечания: 58
Хутор, сельский дом на юге Франции *(фр.)*.

ная так, чтобы узлы и их функции можно было изучить по отдельности. Все сочленения плыли сами по себе в воздухе, так сказать. Этот плакат был как бы задником, на фоне которого сидели Блэнфорд и Сатклифф, и, глядя поверх их голов, Констанс изучала его с въедливостью медика — через призму своей профессии, так сказать. Как эмбриологию бензинового двигателя — как тело механического зародыша, где все аналогично человеческому телу: нога и рука в виде колес, коленчатый вал, как человеческий хребет. Маслосборник, сцепление, грязные легкие, кишки…

Кое-какие из этих мыслей принадлежали Блэнфорду, когда он садился на любимого конька: об устремленности «эго» в сторону запада. Констанс как будто слышала его голос, пародирующий его же размышления:

— Неожиданно человеческая воля пустила метастазы, «эго» вырвалось на свободу, удрало, ибо пожелало властвовать над природой, а не подчиняться ей! Важный момент, не менее важный, чем тот, когда Аристотель поставил подпорки под шамана Эмпедокла и сделался интеллектуальным отцом Александра Великого, будучи его наставником! Имейте в виду, древние алхимики знали, куда может завести этот неестественный

поворот в человеческом сознании — навязчивая идея познать сладость ускоренного движения. Насколько вам известно, Тибет отказался даже от колеса — словно желая по возможности задержать движение вперед. Очевидно, что культ «эго», породивший колесо, предвещал тотальное упоение — мушиную[59] культуру под контролем Мефистофеля! И все же до чего неодолимо поэтичен поиск, до чего прекрасна скачущая диаграмма закаленной стали, похожая на диаграммы медицинские, стали, которой движут искра, дыхание цилиндровых легких, горение кислорода, выделение окалины или дыма через почти человеческий анус. Огненная колесница, сочиненная нервно-психическим стрессом и жаждой нарциссизма, себялюбием и тщеславием. Она ввергла нас в невыносимое одиночество скорости, путешествия и, наконец, позволила познать оргазм полета. Как говорится, «по плодам их узнаете их».[60] Мира это не принесло, зато неуемная жажда золота, свойственная алхимикам, привлекла самых рисковых, то есть евреев,

[59] Примечания: 59

Намек на низшего демона Муху (одно из имен Вельзевула). *(Прим. ред.)*

[60] Примечания: 60

Евангелие от Матфея (7:16). *(Прим. ред.)*

и мы получили лорда Галена, Всемирный банк и марксистскую теорию прибавочной стоимости…

Тут на него словно бы нахлынуло отчаяние, потому что он прибавил вот это:

— О Боже! Я наверняка закончу свои дни в камере смертников какого-нибудь монастыря, обреченный за свои грехи считать спутники Юпитера и очищать свою репутацию сонетами.

Диаграмма не давала Констанс покоя, и она время от времени снова ее созерцала, путая уже с иллюстрацией из пособия по эмбриологии, где изображены диаграммы, характеризующие развитие плода на разных стадиях, и отдельные части тела в свободном парении на странице. И все же в душе она аплодировала Блэнфорду, когда он проговорил:

— Однако я сожалею о тех, кто хочет сделать из Веданты надежное укрытие или стену плача, каким бы жалким ни было наше теперешнее состояние и насколько желанной ни была бы перемена в избранном направлении, — пока еще не слишком поздно. Судьба есть судьба, и наша судьба должна состояться на западный манер, наша общая судьба. Возможно, нам удастся заставить себя не цепенеть от страха, возможно, не удастся. Лично у меня нет никаких надежд,

и свой оптимизм я черпаю в том, что не вижу никаких оснований для него. И все же у меня еще есть кое-какая вера. Например, в вас.

На это она не ответила и сразу же вышла из комнаты; однако на глазах ее выступили слезы, и у него, заметившего это, сердце встрепенулось от волнения.

Однако резкое замечание Сатклиффа было тоже вполне уместным.

— Грубое, опирающееся на антитезис, мышление, — заявил он, — признак второсортного ума. Губительно вести себя так, словно нам необходимо искупить какую-то особую вину — это было бы претенциозно. Если бы вы видели кашмирского торговца, или бенгальского булочника, или бизнесмена индуса, вы бы поняли, что у Запада нет монополии на материализм и культ «эго». Вот так!

Конечно же, он говорил правильно, и Блэнфорд в глубине души не мог этого не признать. Его версия была слишком сиюминутна. И он решил попридержать ее до лучших времен. Его беспокоило нечто более важное. На другой день ему удалось перехватить Констанс, пока Сильвия наслаждалась искусственным сном, дарованным снотворным.

— Вы были в Ту-Герц, но ничего не рассказываете. Я ведь не знаю, стоит ли еще дом. Даже боюсь спрашивать.

Неожиданно застеснявшись, она покраснела. Ей стало ясно, что присутствие Сильвии делало сомнительным возвращение к *status quo ante:*[61] сможет ли он выдержать обитание с ней под одной крышей? Непростительно было с ее стороны давить на него, и она понимала это. Охваченная раскаянием, Констанс с былой нежностью положила руку ему на плечо и сказала:

— Дорогой Обри, дом на месте и в хорошем состоянии. Это благодаря новым слугам, паре, которую Блэзы оставили вместо себя, когда решили отправиться на север, там им предложили больше денег за меньшие хлопоты. Все так, как было прежде.

Обри посмотрел на нее с любопытством и почти ласково.

— Он все еще там — вы поняли, о чем я?

Естественно, она поняла, что он имел в виду старый обветшалый диван Фрейда, «психоаналитическую кушетку», которую Сатклифф вывез из Вены тысячу лет назад.

---

[61] Примечания: 61
Положение, существовавшее ранее *(лат.).*

— Он почти такой же, как был! Мыши проели всего одну маленькую дырочку в обивке, но ее нетрудно заштопать.

Надолго воцарилась тишина, а потом последовал вопрос, которого она ждала и боялась:

— Мы все будем жить вместе? И как вы это себе представляете?

Ей не хотелось отвечать, по крайней мере, без предварительного извинения — по его голосу было ясно, как тяжко ему не выдавать своих чувств.

— Я думала поселить ее в комнате Ливии. Кажется, ей там очень понравилось, и еще она спрашивала, можно ли перенести туда диван, как только я рассказала его историю. Диван ей тоже очень понравился. Обри, все это стабилизирующие факторы, поэтому я рассчитываю на ваше понимание и помощь. Пожалуйста, скажите, что вы не против.

Обри посмотрел на нее и задумчиво кивнул.

— Мне надо еще подумать, смогу ли я жить с вами — пока я не уверен. Дорогая, мне трудно принять решение, ведь я слишком люблю вас. Но я так… так обескуражен. А Кейд может занять бывшую комнату Сэма?

Она кивнула.

— Почему нет?

— Гален не захочет отпустить нас, он не может без компании, ему сразу становится страшно и одиноко!

— Знаю. Но скоро приедут Феликс и принц и подменят нас. Обри, надеюсь, вы смиритесь и будете терпеливы.

— Я тоже надеюсь!

Однако в его тоне прозвучало сомнение. Но выбора не было, потому что ему не хватало денег на другой вариант. Втайне он клял свою судьбу, тем более несправедливую, что Констанс взяла на себя его лечение, включающее массаж, йогу и электротерапию. Некоторое время они просидели в беспомощном, бессильном молчании не сводя друг с друга взгляда. Она раздумывала, не рассказать ли ему о драматичной и фантастической привязанности, которая для нее самой была столь же неожиданна, как для всех остальных. Однако она не решалась. Все оказалось гораздо серьезнее, чем представлялось на первый взгляд — к личным примешивались и ее профессиональные соображения. Вероятно, все же придется съездить в лечебницу в Монфаве, с которой связано столько воспоминаний о войне. Там все еще практиковал ее друг, доктор Журден. Она

уже позвонила ему и сообщила, что приедет. И из уважения к ней (он ведь всегда любил ее, но был слишком робким, что удивительно для француза, и не смел признаться в этом) он наверняка наденет блейзер. Тот самый, который должен напомнить миру о студенчестве доктора в Эдинбурге. В его восхищенных возгласах не было фальши: он и вправду считал, что она помолодела и похорошела.

— Обманщик! — проговорила она, но он покачал головой и показал на свои поседевшие волосы. Он действительно немного постарел и очень исхудал с тех пор, как они виделись в последний раз.

— Ну садитесь, рассказывайте… обо всем, что с вами произошло, пока мы не виделись. — Понимая, что это невозможно, он улыбнулся. — Желательно в одном слове!

Это было как раз то, что нужно, и Констанс, едва заметно улыбнувшись в ответ, несколько приободрилась, хотя разговор предстоял совсем не веселый.

— Отлично, — проговорила она. — Это слово… Сильвия. Я сделала непростительную ошибку, даже профессиональное преступление. Загнала себя в угол. И теперь мне нужен совет, ваш

совет!

— Где она? С вами?

— Да. Но в качестве возлюбленной, а не пациентки.

В ее голосе послышались подавленные рыдания, поэтому он подался вперед и сжал ее руки, глядя на нее с удивлением и сочувствием. Потом тихонько присвистнул.

— Это после всех предосторожностей? А как же Индия? В общем-то, я считал…

Она покачала головой.

— Я должна все объяснить по порядку — хотя у меня нет оправданий для этого кошмарного, непростительного помрачения ума. Так с чего же начать?

И правда, с чего?

До чего же унизительно после стольких лет вернуться сюда не для работы, а за моральной поддержкой — за тем, что Шварц называл «грязным *baisodrome*[62] французской психиатрии»! Придется и ей пережить всю эту гадость! Она грустно усмехнулась.

— Что пошло не так? — с неослабевающим интересом спросил он. — В конце концов, когда

---

[62] Примечания: 62
Сексодром *(фр.)*.

ситуация начала выходить из-под контроля, мы все повели себя безупречно с профессиональной точки зрения. Вы придумали сказку, что уехали в Индию, и я занял ваше место. Потом вы перевели ее в Женеву под опеку Шварца. И что же?

— Все было более или менее в порядке до того дня, когда Шварц совершил самоубийство и ею пришлось заняться мне, из-за отсутствия более достойного специалиста. И после того как я, так сказать, вернулась из Индии, мы вновь встретились. Я пережила очень сильный, непреодолимый контртрансфер,[63] о каком даже подумать страшно. В основе, наверно, была дремавшая подавляемая гомосексуальная предрасположенность, однако двигатель завелся почему-то из-за смерти Шварца, который был моим близким, давним другом и коллегой, но не более того. Необъяснимо! Необъяснимо!

— Любовь! — только и произнес Журден, глядя на ее поникшую белокурую головку и опущенные глаза.

— Не любовь, а безрассудная страсть — впрочем, какое значение имеет наша дурацкая классификация? Просто я чувствую себя виноватой, и мне

---

[63] Примечания: 63

Контртрансфер — неосознанное перенесение отношения к значимой для психоаналитика личности на личность пациента. *(Прим. ред.)*

стыдно — нельзя было уступать, а я уступила.

— И что теперь?

— Худшее было впереди, — продолжала она, — потому что меня ждало нечто еще более странное, захватившее меня с такой неодолимой силой, что мне показалось, будто я схожу с ума. Без нее я не могла дышать, не могла спать, читать, работать… Вот так. Но все это (я вижу отчаяние на лицах моих друзей) — все это растаяло, как снег, стоило нам пересечь французскую границу. Словно я въехала на территорию, контролируемую той частью меня, которая все еще принадлежит Сэму — *прежней* мной, которая, как мне казалось, давно умерла и забыта. Ан нет. Меня как будто ударило, и я поняла, что по своей природе я совсем не лесбиянка, а настоящая женщина — женщина, которая должна быть с мужчиной. Моя нервная система была до того потрясена, что я едва не потеряла сознание. Моя любовь была очень сильной, но теперь я любила ее как подруга, а сексуальный компонент, как говаривал целомудренный дядюшка Фрейд, вылетел в окошко. У меня вдруг появилось стойкое неприятие женских ласк. Они слишком деликатные, слишком невесомые и простые, банальные, как прикосновение перышек. Неожиданно мне

снова стало ясно, что я предпочитаю волосатую мужскую расу. Кстати, Обри всегда говорил, что я довольно консервативна и боюсь любить без оглядки, огонь за *garde-feu*.[64] Теперь вам понятна моя дилемма? О, Боже! Констанс побледнела от ярости.

— Почему вы вернулись сюда?

— По нескольким причинам, среди которых одно личное дело, не доведенное мной до конца — я хотела узнать немножко больше о моей сестре, о Ливии, о ее смерти, и вообще… Кроме того, я подумала, что неплохо, с психологической точки зрения, вернуть Сильвию в знакомую обстановку — хотя мне все еще не хватает смелости привезти ее сюда. Но ей известно, что я поехала к вам, и она даже хотела передать, что помнит вас… Однако сейчас помощь нужна мне, потому что я никак не решусь сказать ей о своем состоянии. Мне приходится изображать страсть, которой больше нет, я боюсь снова расшатать ее разум, неустойчивый, как тележка с яблоками! Это было бы уже совсем нелепо, если не считать всю боль и унижение, на которые я ее обрекла. Понимаете, она очень нужна мне, нужна всем нам, нужен ее талант, может

---

[64] Примечания: 64
Каминная решетка *(фр.)*.

быть, даже гений. Мы не имеем права идти на риск — я, во всяком случае, никогда не посмею. Но при этом я чувствую себя как провинциальная домохозяйка, которая влюбилась в молочника, но боится уйти от мужа! Сатклифф имел право смеяться, когда я рассказала ему. Вместо сочувствия я услышала: «Думаю, ваши полицейские просто великолепны!» Словно он американец из давнего прошлого, оказавшийся в Лондоне! Полагаю, он прав.

— Все же не представляю, как можно выйти из вашего *ménage* и избежать стресса.

— Понятно.

— *Ménage* или *manège*![65] Вот в чем вопрос.

— Помогите!

— Как? Придется вам самой…

— Понятно. — Она встала и посмотрела на часы. — Пора возвращаться. Знаете, мне стало легче оттого, что я поговорила с вами, хотя очевидно, что решения не может быть — какое тут решение? Это мои проблемы, и ничьи больше. Но все дело в том, что так не может продолжаться вечно. Я просто тяну время.

— Бедная моя коллега, — произнес он сухо, но

---

[65] Примечания: 65
Отношения или осложнения *(фр.)*.

искренне.

В его голосе не было и намека на иронию — он ощутил ту же острую боль, что и Блэнфорд, увидев ее опущенную голову и отведенные в сторону глаза. Но Блэнфорду, по крайней мере, не пришлось услышать всего того, что она рассказала Журдену. Ей сложно было понять, что он думал — был в восторге, в ужасе, испытывал сочувствие? У человеческого сердца широкий диапазон, оно как вместительный шкаф, в котором чего только нет. Констанс оставила машину на маленькой площади с молчаливыми деревьями и белой церковкой, пробуждавшей множество воспоминаний. Журден взял с нее обещание, что она вскоре пообедает с ним в его «апартаментах».

Постояв некоторое время, Констанс впитывала атмосферу площади, всем телом, всей душой.

До чего же долгой кажется жизнь, стоит подумать о прошлом — особенно о бессмысленно потерянных годах войны, о всех этих бедах. Нэнси Квиминал, подруга Констанс, тоже любила бывать в этой церкви. Во время *fêtes votives*[66] она приносила сюда цветы от имени своей престарелой тетушки, родившейся в деревне Монфаве

---

[66] Примечания: 66
Праздники местных святых *(фр.)*.

и приходившей сюда на уроки катехизиса, которые ничуть не изменились с тех пор. Констанс толкнула дверь.

Она долго сидела на скамье, прислушиваясь к тихому биению своего сердца и почти не дыша. Отсюда еще не выветрилась невыразимая усталость военных лет, но и настоящее с его проблемами казалось безнадежно унылым. Наверное, они поторопились приехать — слишком рано искать в прошлом é*lan* и оптимизм — неужели они совершили роковую ошибку? Возможно, действительно не стоит возвращаться туда, где ты когда-то был счастлив.

Волна безысходности накрыла Констанс, и она уже была готова смалодушничать и произнести жалкую молитву, хоть и была язычницей. Улыбнувшись своему порыву, она все же перекрестилась, прежде чем встать под взглядами смотревших на нее со стен святых. На всякий случай. Это страна цыган, и благочестие может сработать как *grigri*...[67] Потом она вновь села в одолженную машинку и отправилась в обратный путь, собираясь сначала забрать Сатклиффа, которого оставила вместе с Блэндфордом в городе

---

[67] Примечания: 67
Африканский амулет *(фр.)*.

— им нужно было кое-что купить.

Но когда Констанс добралась до маленькой таверны на берегу реки, в которой была назначена встреча, оба уже были пьяными — не «мертвецки» пьяными, но перебрали хорошо. Блэнфорд бывал порой весьма неприятным, когда терял способность мыслить трезво, а Сатклифф попросту принимал таинственный вид. Они пили ядовитое пойло, которое крестьяне называют *riquiqui,* эта огненная вода состояла из сплошных токсинов.

— О боже! — с отвращением произнесла Констанс. — Вы оба напились!

Они стали это энергично опровергать, правда, не совсем связно, и возражения прозвучали неубедительно.

— *Au contraire*,[68] — сказал Блэнфорд, — так заканчивается моя жизнь, без всякого удовольствия, по-вертеровски. В первый раз пью такое. Плебейский напиток, но очень утешительный. *Vive les enfants du godmichet*![69]

Сатклифф тут же подхватил:

— Полностью поддерживаю тост. Вам известно,

---

[68] Примечания: 68
Напротив *(фр.).*

[69] Примечания: 69
Да здравствуют дети пениса! *(фр.).*

что уже несколько веков город славен хранением крайней плоти Иисуса Христа в качестве священной реликвии? Всего их двенадцать штук, но все они подлинные…

Они отложили в сторону карты, за которыми собирались убивать время в ожидании Констанс.

— Культура, сформированная смегмой,[70] — серьезно, будто размышляя вслух, проговорил Блэнфорд.

И его друг отозвался:

— Когда я слышу это слово, то бросаюсь за спасением к лаку для волос. Количество ничтожеств увеличивается с ростом численности населения. Кто будет умирать вместо нас? Когда-то мне довелось познакомиться со священником, который не мог видеть свежевыкопанную могилу, — у него едва не начинался нервный срыв. Врач решил его утешить: «Для прирожденного печальника нет ничего печальнее, чем отсутствие причин для печали». Бедолага священник бросился в реку.

Блэнфорд повертел в руках покупки.

— Но когда я вас утопил в своем романе, то нарочно напустил тумана. Вашу лошадь вместе с вами выбросило на берег в Арле. Однако поли-

---

[70] Примечания: 70

Смегма — секрет желез крайней плоти.

цейские выяснили, что отпечатки зубов вашего обмытого рекой трупа не совпадают с записями в карте у вашего лондонского дантиста. Вот вам и тайна!

Однако справедливости ради следует сказать, что Блэнфорд напился, потому что искал ложного утешения в алкоголе: он чувствовал себя брошенным и одиноким из-за отступничества (если это слово подходит) Констанс, из-за ее увлечения Сильвией. Что же до планов будущей жизни? *trois*…[71] то это было весьма проблематично.

Второй визит в Ту-Герц был мучительным, — признался он Сатклиффу. Большой росистый сад со сладкими, крепкими, как зад монахини, яблоками. По иронии судьбы, я приехал с первой кукушкой — и мне показалось, весна пришла в Авиньон только затем, чтобы объявить меня кем-то вроде обманутого мужа.[72]

С трудом, но Констанс все же удалось усадить приятелей в машину. Сатклифф ворчал, что от его подмышек несет *riquiqui.* Тем не менее, оба еще не утратили способности хоть что-то соображать

---

[71] Примечания: 71

Втроем *(фр.)*.

[72] Примечания: 72

Игра слов. Cuckoo — кукушка и cuckoldry — положение обманутого мужа *(англ.)*.

и вели себя послушно.

Глава вторая
Палец о палец ударяя

В эти первые дни несколько натужного веселья Констанс поняла, что Блэнфорда страшно пугала перспектива переезда и всего, с ним связанного. Он начал довольно сильно пить, и, естественно, его раб и двойник делал то же самое — отчего оба были отличной компанией для Тоби и настоящим испытанием для лорда Галена, у которого чувство юмора оказалось не беспредельным.

Однако, как ни парадоксально, алкоголь благотворно влиял на талант Блэнфорда, и рабочий блокнот вновь начал заполняться тем, что Сатклифф называл «наперстками» или случайными мыслями, а Блэнфорд — «ниточками». Он писал: «Жемчужины могут существовать и без нитки, но роман — это артефакт и ему требуется нитка, на которую нанизываются не столько жемчужины, сколько читатели! Неправда, что все великие темы уже исчерпаны. У каждой эпохи свои ракурсы этих тем. Мы больше всего озабочены, например, тем, что думали женщины, которые присутствовали при распятии Иисуса Христа? Считается,

что жена Будды была и первой его посвященной, подобно дочери Пифагора в его школе, похожей на секту. Такие были времена! Или, чтобы сменить предмет обсуждения: что сталось с одним из спартанцев, который пережил Фермопилы? Его бросили на месте битвы, посчитав мертвым, а когда враги уже ушли, он очнулся. Ему была невыносима мысль, что его возненавидят, так как он остался в живых, что его заподозрят в бегстве. И от отчаянья он убил себя. А как вам Дон Жуан, запуганный женщинами? Или еще тема: Робинзон Крузо, увиденный глазами Пятницы? Жизнь Иисуса по Фрейду и наоборот?»

— А любовь? — вмешался Сатклифф. — Что вы скажете о любви?

Пребывавший в новом для себя настроении печали и вынесший безоговорочный вердикт о виновности, Блэнфорд ответил:

— Это величайшее из человеческих заблуждений. Любовь не стоит поцелуев, на которых запечатлена! Зачем метать бисер перед свиньями?

— Я размышляю над любовной историей идеальной пары. Ее зовут Розальба, и она разовьет в себе способность к прозрениям, если эта способность в ней заложена. Он — я еще не придумал

ему имя, но это настоящий подарок смерти в виде нацеленного на любовь, шумного-и-визгливого мужчины. Тем не менее, их брак само совершенство. Каждое утро он рассказывает ей что-то такое, чего она не знает. Каждый вечер он кладет ей в руку нечто большое и теплое, отчего она становится мечтательно задумчивой. Они почти мертвые от своего согласия. Она наполнила его сердце великолепной слепотой.

— Это не современно, — возразил Блэнфорд. — Новый благоразумный облик литературы совсем другой. Каждый народ представляет собой часть людского сообщества и сам состоит из более мелких сообществ, больших и малых — в зависимости от обстоятельств. Все события по сути одинаковы, разве что на них смотрят с разных точек зрения. Приходится работать с палимпсестом,[73] аккуратно совмещая предыдущие характеристики явлений с нынешними. (Боже мой! Какая же это скука, но высокосортная и достойная наград! Тем не менее, *avec cela j'ai fait mon miel!*[74]

---

[73] Примечания: 73

Палимпсест — рукопись, написанная на писчем материале поверх смытого или соскобленного прежнего текста.

[74] Примечания: 74

Из этого я делаю мед *(фр.)*.

— Жители Фив в четвертом веке славились мужскими сексуальными сообществами — не считая важных военных нововведений. Священный легион состоял из ста пятидесяти гомосексуальных пар под командованием Пелопида. Это было элитное войско пехоты и единственное постоянное. Возможно, ваш выживший в битве при Фермопилах легионер совершил самоубийство по другой причине; возможно, он потерял возлюбленного?

— Не исключено. Мне вспомнились строчки из Шекспира: «Любимый, не играй так ягодицей //А то ведь мне кошмар приснится».

— Пелопид.

— Встав утром, я первым делом перебираю свое обмундирование и осматриваю украшения, всегда начиная с Большой ленты Внешней Монголии, где мне пришлось быть консулом в течение недели. Художник украсил ее самым жутким образом. Нужно ли поэту производить утешительное урчанье? Мня-мня, пожалуйста.

— Морская раковина — это мистический телефон. Лишь в ней можно услышать мистическое *toc sonore*[75] и полностью осознать то, что в ис-

---

[75] Примечания: 75
Звучное постукивание *(фр.)*.

кусстве правят методические скудные шаблоны, а ведь величие не может быть ограниченным, но не может быть и чрезмерным. Наконец, важно еще и то, что с каждым вдохом, с каждым биением сердца, с каждой мыслью вселенная снова и снова вкладывает силы в реальность. Мой друг, эти смелые мысли были внушены мне во время сна.

— В грядущую эпоху, эпоху пластмассовых кариатид, нам будет позволено менять женщин в момент вскрика и таким образом воздавать честь тайной богине в килте из дохлых крыс! Ах, лучше бы вам разорвать письмо сразу, не читая, Констанс; вдохновенное состояние, к которому вы относитесь с недоверием, достигается без особых усилий. Я просочился в мою жизнь, как пузырек воздуха в старую аорту. В один прекрасный день он лопнул и умер ради нее. Взорвался, как аневризма.

— Спасибо Господу за топливо. Арабы — чувствительный народ, и они покупают женщин, как другие покупают картинки. Если бы картинки могли раздвигать ноги, они покупали бы картинки!

Однако эта озорная шутка не могла подавить глубокое отчаяние наставника.

— У меня такое чувство, будто я постоянно

испускаю сексуальный жар — как куча навоза! — произнес неисправимый Сатклифф. — Я нашел способ заставлять Галена плакать, когда он особенно мне досаждает. Любое упоминание о его умершем коте, этом его диком «вомбате», доводит его до слез. Когда я, поигрывая ножом, говорю о «старых временах», он тотчас хватается за носовой платок и просит: «Не надо, ведь мы были так счастливы тогда. А теперь я чувствую себя потерянным. О-хо-хо!» Наш великий Координатор очень впечатлителен.

— Есть и другие проблемы. Как защититься от своего самомнения? Как не выглядеть самодовольным, когда ты самодоволен? Должен же быть какой-то механизм. Христианин стремится быть добродетельным, а буддист — быть свободным. У них разные цели. По мере того как смерть подбирается все ближе, все чаще отнимает друзей, эта разница становится очевидней, ибо человек стремится приобрести больше страховок на случай пожара. Загадочная мощная корневая система, которая дает бессмертие искусству, еще может быть осмыслена и описана в терминах архитектоники, однако природа и суть искусства остаются непознанными, как черная река, несущая свои воды из ниоткуда в никуда. Ручка,

касающаяся бумаги, всего лишь указывает на точку пересечения. Но когда немолодые художники нещадно используют архитектонику, нас поджидает опасность потерять нить, которую они спряли. Вагнер, Пикассо — они как механические муэдзины, чьи молитвы записываются и транслируются в эфир почти на политическом уровне. Больше нет близости, нет обмена чувствами. Мешает микрофон. Ну а художник… бедняга, едва родившись, испытывает ужас самоосознания, приливы благоговейного страха, заворачивается, чтобы избежать неудачи, в защитные чувства, слой за слоем, как луковица в свою шелуху. Именно этому старый бедный Будда пытался противостоять, избрав стратегию избавления бедного «эго» от пелен, похожих на те, в которые заворачивают мумию — от нервно-агрессивных реакций. Он сделал важное открытие, однако трудно убедить людей в том, что опасность природы иллюзорна. Тем не менее, когда-нибудь они осознают тот факт, что мир расходится кругами вокруг них, будто волны. Но весь главное в искусстве — делать себя уязвимым, даже идти навстречу смерти. Да, как только поймешь, что ничто на свете не имеет значения, что деньги — обесценены. Поймешь, что высшее благо — как

раз безопасность природы.

— Хорошее искусство никогда не было прямолинейным и ясным.

— Ничего удивительного! Оно не содержит этических категорий. Нельзя разгадать код красоты, воплощенный в розе. Ах! Священный принцип Непредопределенности делает каждую секунду времени загадочной, потому что любое творение двойственно, капризно, спонтанно. В нем нет ни предварительного расчета, ни запоздалой идеи. Никаких пут обусловленности.

— Каждые две секунды рождается умственно отсталый ребенок. Тем не менее, я хлопаю вселенную по спине и кричу: «Отлично сработано, старая греховодница, отлично сработано!»

— Обезьяна перебирает гнид, священник — четки. И все же я уверен: Великий План где-то существует. Он пришпилен к огромной стене, и на нем указано все очень подробно: наши приходы, уходы, имена, стили, характеры, судьбы. Я уверен!

— Вы напоминаете мне несчастного Катрфажа!

— Да. Помните его грандиозную карту, посвященную тамплиерам? Теперь он заперт

в Монфаве — *la vie en rose*![76] Ему не удалось убедить Галена, что нет никакого сокровища тамплиеров, но он был близок к этому. Настоящим тайным сокровищем был Грааль, лотос прозрения. Сначала тамплиеры заразились древним гностицизмом, столь распространенным на востоке (на заморских территориях), а потом и йогой, и это абсолютно достоверный факт — о чем свидетельствовали нитки, спряденные из сорго, которыми были обвязаны их запястья. Католики не ошибались — они *были* еретиками, и их деятельность, *действительно,* представляла опасность для католической веры.

— Гален наверняка был в ярости, ведь он вложил кучу денег в пустые поиски. И принц тоже, потому что позволил уговорить себя. Увидим на следующей неделе, когда он приедет.

— Что они тут точно найдут — это вдов и сирот. После войны их столько осталось…

— Мир без человека — я часто думаю, а каким он был, пока не явились мы? Наверно, деревья были первыми людьми, нашими предшественниками. Человек появился из гумуса, смешанного с водой. Мистики хотят снова обрести неуяз-

[76] Примечания: 76

Жизнь в розовом цвете *(фр.).* Имеется в виду знаменитая песня Эдит Пиаф и полное название лечебницы «Монфаве-ла-Роз».

вимость растительной жизни — беззаботность лотоса — чтобы умерить скорость и снова пережить растворение мира,[77] таков отклик на силу, называемую гравитацией, которая воздействует и на тело, и на ум. Что скажете на это? Совершенство — само это понятие порождено редкостью чего-либо, скудостью, нехваткой. Устойчивые мутации в природе побуждают виды эволюционировать — от множества к чему-то уникальному. Ах! Знакомая нищенская сума мозга! Возможно, первая рыбина растворялась в воде, не могла устоять перед ее напором. Но постепенно, благодаря силе воли и любопытству, рыбы научились выживать. Да и слоны, подобно покорным космическим кораблям, наверняка когда-то летали, не касаясь земли…

— А потом пришел человек. Женщина выдула мужчину из своего чрева, как выдувают стеклянный стакан. Ее творение оказалось гораздо слабее, потому она и пишет его книги, хотя записывает их он. Однако самым главным документом для нее являются не книги его, а сперма. Если качество ее ухудшается, женщина заболевает, как

[77] Примечания: 77

Согласно индуистским представлениям, мир каждые сто лет исчезает, растворяется, распадаясь на изначальные прометериальные субстанции. *(Прим. ред.)*

при недостаточном питании, из-за душевного голода. И женщиной овладевает некое подобие вампиризма. Супружеская пара, основа основ нашего понимания жизни, подвергается риску. Выход тут один: сексуальное соединение, которое приходит с прозрением.

— Святой Августин был отчасти прав, когда писал письма своему предмету насмешек и дерзил Святому Духу. Он был прав — те, кто говорят, не знают, а те, кто знают, не могут сказать… Истинно так. В итоге те, которые ничего не знают, не могут, черт их подери, ничего сказать. Однако в наше время от них больше всего шума.

Тут появился, хлопая в ладоши, лорд Гален.

— Обри, хватит на сегодня высоких разговоров, — сказал он. — Ланч на столе. Будем есть грибы, которые сами собрали.

Глава третья
Приезд принца

Гален умолял Констанс не переселяться в Ту-Герц, и сердце ее дрогнуло: она сжалилась и пообещала дождаться принца. Тот явился, как и было условлено, а с ним — совершенно преобразившийся Феликс Чатто. Теперь это был человек мира, так сказать, завязь молодого посла, который ожидал назначения в одну из южноамериканских республик, чтобы налиться соком и созреть, если можно так выразиться. Из-за последних неприятностей принц пребывал в отвратительном настроении. Еще бы! Англичане арестовали двадцать пять человек из его тайного братства, предъявив им весьма неубедительные обвинения в политической, следовательно, подрывной деятельности. Однако, увидев Констанс, он нежно обнял ее, Расплакавшись от радости. Принцесса осталась в Каире — ей англичане не страшны, пояснил принц, так как она всегда сохраняла нейтралитет. К тому же она очень подружилась с теперешним послом, а посольство по обыкновению враждует с армией. На

этот раз в лице мерзкого бригадира[78] службы безопасности, который и затеял все эти слежки и преследования.

— Все из-за него и отвратительного человечка по фамилии Телфорд, который в мирное время был маркёром, а теперь, насколько мне известно, заискивает перед военными, снабжая их фальшивой информацией. А ведь он ни слова не говорит ни по-гречески, ни по-арабски. И он из Барнсли. Представляете, из *Барнсли*[79] — Принц весь кипел от злости. — Как же мне после этого любить моих дорогих англичан? Раз они позволяют подобным недостойным типам преследовать нас? — Он поцеловал Констанс обе руки, и она поняла, что он думает об Аффаде, хотя и не говорит о нем. — Как мальчик? — спросил принц, так и не упомянув его отца.

Мальчик был устроен отлично и уже нашел себе ровесников приятелей. Его с удовольствием принимали фермер с женой, и он чувствовал себя у них как дома. Есть ли что более притягательное

---

[78] Примечания: 78

Бригадир — младшее генеральское звание в британских сухопутных войсках и морской пехоте. *(Прим. ред.)*

[79] Примечания: 79

Барнсли — административный центр на юге графства Йоркшир, где находится много угольных шахт.

для ребенка, чем ферма со всякой живностью? К тому же он стал вроде бы как опекать Блэнфорда, явно предпочитая его общество любому другому. Стоило Блэнфорду прилечь отдохнуть или поспать, он являлся и просил ему почитать. Или предлагал поиграть, скажем, поучить его играть в триктрак. Блэнфорда это очень трогало, и он тотчас соглашался. Как будто сама Констанс просила его об услуге. Он даже полюбил мальчика, словно переносил на него свою любовь к Констанс, ведь тот был, в известной степени, соперником Сильвии. И еще он размышлял о том, каково это — иметь собственного ребенка. Он всегда считал, что нет в жизни ничего более странного и загадочного, чем появление нового человека. Однажды мальчик спросил:

— Ты останешься с нами, правда? — и его это поразило… Он решил, что мальчик слышал кое-какие из их разговоров, полных всяких сомнений и колебаний.

— А тебе бы этого хотелось? — не без волнения спросил он, чувствуя себя даже польщенным.

Мальчик торжественно кивнул в ответ.

— Ты знаешь много игр, — отозвался он, — и всегда все объясняешь!

Испытывая непонятную робость, он не расска-

зал об этом разговоре Констанс. Однако она сама все поняла — легкие ласковые прикосновения и общие секреты говорили об особых отношениях; например, выходя во Двор, мальчик мог, не раздумывая, взять Блэнфорда за руку или приостановиться, чтобы идти с ним в ногу. Тогда как порывистые объятия Сильвии ребенок принимал неохотно — старался поскорее высвободиться из ее рук. Это удивительное неприятие, возможно, было реакцией на своего рода дискриминацию, или даже прозрение, потому что Феликс Чатто тоже с первого же дня завоевал сердце и доверие мальчика. Блэнфорда это не удивило, так как Феликс стал теперь весьма обаятельным малым. Немножко профессиональной удачи и получение доступа в светское общество, где, вероятно, к нему благоволили дамы, внушили ему уверенность в себе — все это пошло ему на пользу, так что время он даром не терял. Обретя обаяние, он расширил границы своих возможностей; даже внешне переменился, и в лучшую сторону. Теперь он был стройным и загорелым, с отличным чувством юмора, как и положено дипломату, который всегда рискует слишком увлечься протоколом и вести себя чересчур осторожно. К тому же его мрачноватый юмор удачно сочетался

с природной застенчивостью и некоторой робостью. Но главное — ему удалось установить правильные отношения с лордом Галеном; его больше не угнетало и не умаляло в собственных глазах присутствие рядом великого человека. Он твердо стоял на ногах и всегда имел свой собственный взгляд на вещи. Теперь иногда лорд Гален сам чувствовал себя не совсем уверенно в присутствии Феликса Чатто и прислушивался к *его* мнению. Феликс вынужден был сделать несколько неприятных замечаний по поводу финансовых вложений в поиски сокровищ тамплиеров: стоит ли вообще их продолжать, или это бесполезно? Спор, разумеется, был неизбежен, и Феликс не мог не высказать своих соображений. Время способствовало тому, что в этих дискуссиях он как бы поменялся ролью со старшими партнерами. Это приводило Феликса Чатто в отличное настроение и, окончательно осмелев, он с невозмутимым видом поддерживал принца, тоже умевшего подпустить черного юмора. Было очевидно, что поиски вызывали у него больше опасений, чем надежд, несмотря на искусительные открытия Катрфажа, помеченные на карте перемещений тамплиеров. И хотя лорд Гален все никак не хотел забыть про сокровище, похоро-

ненное в склепе некоего старого замка, Феликс был полон сомнений.

— Мне не хочется выглядеть нудным скептиком, — признался он Блэнфорду, — но здравый смысл есть здравый смысл, тем более когда речь идет о деньгах!

— Опять деньги! — в тот же вечер, но чуть позже, воскликнул Сатклифф, когда они с Блэнфордом все это обсуждали. — А Феликс рассказал вам о своей миссии в Китае, куда его послали советником — учить их составлять план бюджета? Гален послал его туда из Женевы. Вот так.

Блэнфорд покачал головой. Сатклифф от волнения стукнул кулаками по вискам, но несильно.

— Тогда я расскажу. Господи, вот было приключение так приключение. Когда Феликс явился туда, все там были поглощены дзен-буддизмом! Да, знаю, знаю. В марксистском министерстве финансов о дзен-буддизме и не слышали. А помогал им тогда американский советник О'Швартц, между прочим, и он сказал, что у Китая в будущем все надежды только на туризм. Мол, надо создать условия, а он, О'Швартц (он назвался потомком старинного ирландского рода, из ирландцев с

Мэдисон-авеню),[80] гарантирует им приток туристов. Вся Америка поедет в Китай, однако пусть позаботятся не только об отелях, но и местах для занятий спортом — теннис, гольф, водные лыжи и так далее. И еще надо обязательно найти учителей дзен-буддизма. Китайцы очень удивились и спросили, что это, черт подери, значит. Они никогда не слышали ни о чем подобном. О'Швартц ответил, что все знают о дзен-буддизме, это что-то вроде религии, которая ничего не требует от людей. Он был уверен, что она может принести много денег, потому что Ротшильды уже занялись ею вплотную, и она распространялась все шире — с каждым пакетиком чипсов, проданным «Средиземноморским клубом». Американскому туристу требовалось именно это и в лучшем виде; если этого не будет в меню, то он сочтет себя обманутым. Китайцам ничего не оставалось, как покорно взяться за дело, и вскоре был найден профессор, который знал, что такое дзен-буддизм. Он рассказал об эпохальном

[80] Примечания: 80

Мэдисон-авеню — улица в Нью-Йорке, где когда-то располагалось большинство рекламных агентов. И поныне считается символом торговой рекламы. *(Прим. ред.)*

явлении Бодхидхармы[81] из Индии, где он был двадцать восьмым патриархом, чтобы стать первым в Китае. Пораженные, они слушали о долгом инкубационном периоде в пещере, где мудрец много лет сидел, глядя на белую стену, пока не пришел царь и не спросил, чего он достиг, на что мудрец ответил: «Ничего, ваше величество!» Китайцев это разочаровало, однако О'Швартц настаивал на своем, и они обратились к Феликсу: пусть тот подтвердит, что американские туристы почувствуют себя счастливее, если смогут, например, посетить ту самую пещеру и посмотреть на ту самую стену. Они отправили разведчиков отыскивать пещеру, где впервые практиковались приемы дзен-буддизма. Тем временем, в ожидании вестей, китайцы занялись решением более серьезных проблем, то есть строительством отелей и торговых центров, благоустройством пляжей, разработкой экскурсионных программ. В конце концов пещера — неизвестно, та ли — была найдена и, главное, стала доступна для обзора. Правда, находилась она далековато от

[81] Примечания: 81

Первый проповедник буддизма в Китае, прибывший туда в IV веке. Поселившись в монастыре, в течение 9 лет практиковал статическую медитацию при «созерцании стены». То, что поначалу казалось диким и смешным, со временем стало эффективным методом работы с сознанием. *(Прим. ред.)*

цивилизации, сначала надо было ехать на поезде, потом на джипе, потом на муле. Старый мудрец ничего не делал наполовину. Добираться до пещеры было слишком уж долго. У Феликса появились плохие предчувствия, однако О'Швартц был непреклонен. Необходимо хорошенько ее осмотреть — ради будущих туристов, толп туристов. Справедливости ради скажу, что чиновники в министерстве не очень настаивали на *«настоящей»* пещере, это О'Швартц стоял на своем. В министерстве думали, что для туристов сошла бы любая пещера и любая стена. Однако по настоянию О'Швартца профессор взялся за чиновников, и те снарядили долгую экспедицию по реке и первобытным джунглям, туда, где явилась на свет доктрина старого мудреца. Они попали в дикую страну, о да, где было много барсов с белоснежной шерстью, которых они видели время от времени, но нечасто, потому эти звери были пугливы и, к тому же, опасались возмездия. Дело в том, что барсы весьма неравнодушны к мясу собак, примерно так же, как люди — к мясу диких птиц. Поначалу путешественники лишь догадывались о присутствии барсов, поскольку начали исчезать собаки, по одной, изредка издавая стон или приглушенный лай. Они как будто

растворялись в воздухе, словно их уносил кто-то неведомый. Это очень всех волновало — ведь так акула заглатывает пловцов. Пару раз в зарослях промелькнули эти великолепные звери, словно сошедшие с древней гравюры или со средневековой акварели. По ночам все стали жаться к костру, который пришлось разводить в лесу, чтобы держать барсов на расстоянии. Теперь и людям, и собакам было не до сна. В джунглях ведь нет ни городов, ни гостиниц. Наконец, они добрались до того места, где должна была быть пещера.

Старый ученый, который возглавлял экспедицию, был обыкновенным скучным господином, не обладавшим обширными познаниями, да и в тех, что у него были, зияло немало дыр. К счастью, кое-что знал Феликс и кое-что — О'Швартц. Что до самого Бодхидхармы, то его единственное изображение ни в коем случае не могло быть прижизненным. Глаза мудреца косили от напряжения, и диплопия[82] создавала впечатление, что имеется и вполне развитый Третий Глаз. С изображения глядел чувствительный клоун с крупными слезинками на лице, похожими на

[82] Примечания: 82
Диплопия — двоение изображения.

раздутые ноздри разрисованных коней-качалок, возносящихся к небесным ветрам. Когда бедный маленький царь, жаждавший наставлений, спросил старого Бодхи, что ему дало сорокалетнее безмолвное созерцание стены, великий не сказал ему ничего интересного. «Забудь об этом, дурак». Это или что-то в этом роде ответил он. Ничего конкретного *нельзя* было утверждать по поводу опыта, который он пережил. Понял он что-нибудь или нет, даже этого нельзя было сказать о столь личном, хоть и смутном представлении об истине. Царь вздохнул. (Неужели память такая цепкая? Ключом к состоянию обычного человека были и есть напряжение, волнение, неистовство. Робкое пухленькое «я» и сейчас занимает центральное место на картине мироздания.)

Дзен, как он назвал это, было тем всепоглощающим и абсолютным, что помогало ему проникнуть в другой регистр восприятия — в открытое пространство, или поле, где все сознание в своей целостности парило высоко и вне всякой зависимости. Обнаруженная пещера удивляла довольно большими размерами и тишиной, стены были похожи на отлично сохранившиеся древние фрески на кроваво-красном камне — сложные переплетения линий наводили на мысль о творе-

нии человеческих рук. Но мудрец сидел не здесь, ибо эти граффити могли напомнить о разных вещах, а ему нельзя было допустить ни ассоциаций, ни воспоминаний. В его очищенном от всего привходящего взгляде не было даже намека на оценку увиденного! Он всматривался в «суть» вещей, в «суть» природы, если хотите. Он «ощипывал» стену, как другие ощипывают гуся или собирают фрукты, или обирают мох — отсутствуя, присутствовал. У такой реальности нет понятия «следовательно». Бестелесная, Бескостная, Беззвучная и Бессмысленная — она наполнена информацией для его пересохшей интуиции. Сокровенная реальность была сладкой, как персик, романтической, как свадебный торт среди неолитических прожилок великолепного камня, отвергнутого им ради скучной и бесцветной части пещеры. Ради дальнего угла, в котором не было помпезности, значение которого было в… в пышном убранстве из «ничего» — вглядываясь в него, он постигал все богатство собственного сокровенного знания. Сезам снова закрывался — это был просто мысленный прием, чтобы опять закрыть панелью зеркало истины! Место, столь обычное для него, станет чтимо, благодаря очевидной неуместности посетителей. Когда-

то здесь уже бывали туристы, наверняка. Они хотели посмотреть на кости, пока те не превратились в прах. Потом, послюнив палец, туристы слизывали эту пыль, предположительно, прах святого. Теперь пару веков можно будет смотреть на стену — по распоряжению министерства. Туристы спрашивают гида: «И это, *правда,* всё?» Почему бы не исследовать стену с помощью рентгеновских лучей — может быть, за ней спрятаны сокровища? Нет никаких сокровищ, поскольку человек, здесь живший, все более убеждался в несовершенстве и немощности обычного зрительного восприятия. Туристические агентства могут лишь вновь и вновь клясться в своей добросовестности. Но это не та стена — та стена очень далеко, поэтому было решено остановиться на пещере, до которой туристам легче добраться. Но та стена… — Феликс понимал, как важно то, что — стараниями О'Швартца — он увидел. И был искренне благодарен американцу. Он стоял в тихой пещере и считал удары своего медленно — в золотом регистре — бьющегося сердца. И мог думать лишь цитатами — ему вспомнилась мистическая, с тенями на стене, пещера Платона. Пещера Платона — это неочищенная пещера человеческого сознания. Отдел удешевленных товаров

души, который старик Бодхидхарма превратил в благотворительный базар! Fecit![83] Единственно своими глазами вместо щупов он опустошил белую стену — неослабевающим вниманием к ее сфокусированной красоте. Ощипывал пустую стену своим зрением — стену, одетую в музыку, как некая грубая отвесная скала. Это была собственная медитация[84] старика — его *до-ре-ми-фа-соль!* Наградой ему стало нечто, не растворившееся в тишине, не рассеянное ветром, не стертое смутьянами, не украденное шутами. Внутри этого сглаживаются противоположности. И неправедная любовь была этому не страшна.

В той самой стене он узрел зеркало, отражающее преодолимый хаос внутри человека. Он обуздал энергию, которую отдавал, в абсолютной уверенности, что когда-нибудь местная слава станет всемирной; однако критическое состояние человеческого счастья не могло измениться единственно из-за перемены метафор желания. Настоящий первородный грех аффекта стремился превратить временное в вечное, постоянное.

---

[83] Примечания: 83

Сделано, исполнено *(лат.),* перед подписью художника).

[84] Примечания: 84

Медитация, практикуемая в дзен-буддизме, так называемая статическая (сидячая).

Вода, древний символ чистоты, застаивается без движения. Вот то простое, что получил старый Б.! Охота за изначальной спонтанностью, которая когда-то была внутренней, неотрепетированной: тоска по повторной жизни, которая должна стать вечным, по возможности, безразличным существованием! Этого старик достиг, используя простой исследовательский природный инструмент — свои глаза. Прежний воинственный пафос слов TU QUOQUE уступил место покою и тишине. Как он сказал царю: «Подражай растениям в их беззащитности. Если ты дитя любви, то неважно, что твой отец всего лишь конюх. Искусство рыбной ловли состоит в том, чтобы рыба не поняла, как ты ее любишь! Боль увеличивает наслаждение. Высшее сладострастие заключается в подавлении голода». Жизнь в лишениях дарит чудеса прозрений! Молча можно отлично поговорить! (Царь разразился слезами. Он претерпел много *трудностей,* добираясь сюда, и вот тебе: это было выше его понимания!) Афоризмы, прозрения! Плохой вкус — к тому же слишком литературный. Небольшая перемена в реальности у самоуверенного человека вызывает головокружение. Шпильку согнуть — смерть примануть. Тайный, незримый наряд голой стены давал ему

информацию, которую он искал. Он радовался мудрости, приобретаемой благодаря победной дзен-медитации! У него не было написанного текста, не было шифра для разгадывания этой страсти. Описки в знойные дни любви — теперь он знал, как быть бдительным в тишине и не переживать. Итак, очевидными стали источники культуры. Исходной точкой всех драм был инцест! Роль врача заключалась в том, чтобы очистить детство от желаний.

Там он сидел, старый прозрачный жук, неспешно оттачивая свои памфлеты и провоцируя человечество на провокацию.

Сжато написанное копиистом слово, обозначающее страстное желание человека — из примерно одинакового количества букв. Страсть? Потеря? Уход? Считать? Жить? Любить?[85] Выбор экстенсивный, тем не менее, интенсивный. Все это странное предприятие, странное путешествие, пещера, смешные предложения марксистов произвели странное действие на Феликса. Ему показалось, что он очень переменился, хотя и сам не мог ответить на вопрос, в чем именно. На

[85] Примечания: 85

В английском языке все эти слова начинаются с буквы «L» и состоят из четырех букв: lust, lost, list, live, love. *(Прим. ред.)*

сей раз ему не хотелось ничего обсуждать, разве что он не прочь был пошутить над всякими комичными особенностями будущих паломников — особенно, когда представлял американцев с фотоаппаратами. О'Швартц даже продумал схему, по которой туристам будут выдаваться сертификаты посвящения в дхарму[86] — в этом ему помог некий калифорнийский монах. Таким образом, у туристов будет что-то, чем они смогут похвастаться, вернувшись домой — помимо фотографий. Диплом! Им они будут хвастаться! Сертификатом высшей степени праздности! Феликс подробно рассказал о своем духовном приключении Галену, и тот выслушал его с выражением болезненного удивления на лице. Очевидно, что шансы на возможные финансовые вложения были невелики со стороны китайцев — тем более китайцев левого толка с промытыми мозгами! И все же… он тоже думал, что они правы насчет туризма. Эта идея сработает, если будет восстановлено сообщение и будет покончено с последствиями войны.

— А что думает принц? — грустно спросил Гален.

---

[86] Примечания: 86

В индуизме дхарма — истинная реальность, основа мира.

— Он в плохом настроении, — ответил Феликс, — и говорит, что ни на какие китайские проекты денег не даст, ни одного пенни. Но при этом намерен и дальше искать сокровища тамплиеров. Он считает, что до них все же можно добраться. Ну а сам я…

Он выразительно пожал плечами. И тут в комнату вошел принц, слышавший конец беседы.

— Я бы не сказал, что это моя точка зрения, — довольно сухо произнес он. — Но не забывайте, я приехал из страны, где базары кишат лживыми пророками. У одного из них, на самом большом каирском базаре, я получил совет. Все это происходило ночью, при мистическом свете шипящих карбидных фонарей, от которого все становятся ужасающе бледными, будто из них выкачали всю кровь! И по-детски «кривляются», как говорит Обри, словно пляшущие блохи. Старик сам сразу угадал, что я занимаюсь охотой за сокровищами, но весь в сомнениях и готов все это прекратить. В общем, он посоветовал мне не прекращать поиски еще хотя бы полгода. Правда, так и не ответил, сохранилось ли это пресловутое «сокровище тамплиеров». Сказал, что слишком мало об этом знает. После этой беседы я решил не откладывать и запланировал приезд сюда на май.

— Почему именно на май? — спросил Гален.

— Вы забыли о цыганском празднике? — вопросом на вопрос ответил принц.

Гален не забыл, но сделал вид, что забыл. Феликс же кивнул и назвал точную дату[87] и точное место: Les Saintes Maries de la Mer![88]

— Пусть мне погадает цыганка, — сказал принц. — А там посмотрим, искать дальше или больше не тратить денег!

— Погадает? — с каким-то обреченным видом переспросил Гален. — Разве это *разумно?* Вы имеете в виду гадание по руке, правильно?

Принц кивнул.

— Тем не менее, — твердо произнес он, — во всем этом столько сомнительного, что гадалка вряд ли повлияет на мое решение. Я не собираюсь пренебрегать прогнозами «Файнэншл Тайме». Однако каирский пророк сказал, что у меня есть один очень осторожный компаньон, который слишком сильно уверовал в полезность умеренности. И посоветовал подбодрить его, чтобы тот не боялся риска. Как вам это нравится?

---

[87] Примечания: 87

24 мая.

[88] Примечания: 88

Святые Марии Морские *(фр.)* — название деревни в Камарге и знаменитой церкви. *(Прим. ред.)*

Гален принял обиженный вид.

— И это, — с укором произнес он, — после всего, что мы вместе прошли! А что касается лживых пророков… мы с вами однажды уже клюнули на миф юного Катрфажа… И до сих пор все это расхлебываем!

Как бы то ни было, расчеты принца относительно цыган оправдались: они уже понемногу начали просачиваться в провинцию — потихоньку сбредались в Авиньон, а оттуда шли в Камарг. Они осмотрительно старались не пугать местных жителей своим присутствием, но в маленьких деревушках уже били в церковные колокола и раздавались крики хозяек: «Цыгане идут!» Это был сигнал, что нужно надежнее запирать амбары и конюшни, снимать белье с веревок и убирать с подоконников горшки с базиликом и дикой мятой. Ведь всем известно, на что способны хитрые и дерзкие цыгане, как они обманывают пугливых и законопослушных граждан. Цыгане вторгались в маленькие города с наглостью морских разбойников — ничем от них не отличаясь. Женщины продавали корзины или прикидывались, будто хотят поточить ножи. Однако за ними надо было следить в оба: пока одна смуглая красотка точила за порогом нож, другая норовила пробраться в

дом и что-нибудь утащить. Нарядные, словно райские птички, цыганки были до того хороши собой и нахальны, что домохозяйки разрывались между страхом и восхищением, а у их мужей при виде этих красоток закипала кровь. А те были совсем не прочь между делом переспать с кем-нибудь в амбаре или в лесу — еще одна весомая причина бояться появления цыганского табора! *Беззаботные цыганки!* Их беззаботность была как нож острый — для вечно озабоченной крестьянки! Темная кожа и сверкающие глаза — олицетворение абсолютной свободы, со всеми ее опасностями и радостями. Цыгане разбрелись по всему свету, один праздник в году собирал их вместе. Когда они воздавали почести своей святой покровительнице, темнокожей Саре, чья подземная часовня была сооружена в маленькой церкви Святых Марий, в знаменитой деревне Сен-Мари-де-ля-Мер на берегу моря. Туда они все теперь и направлялись. Правда, сначала они какое-то время проводили в Авиньоне, вызывая трепет и у торговцев, и у горожан. На большой площади под скрипку цыгана уж танцевало несколько молодых пар. Цыган был, видимо, с севера, из Венгрии, судя по мелодии, которую он играл. Пока они лишь собирались вместе, табор

к табору, перед тем как встретить свою Царицу, свою Мать, которая еще не прибыла.

Без нее не могло быть праздника для этих людей Луны, ведь цыгане — лунный народ. Вот они и тянули время, гадая по ладоням, спитому чаю и кофейной гуще.

Постепенно город приспосабливался к их настораживающему, тревожащему присутствию, отреагировав на это испытанными мерами, то есть усилением полицейского надзора и строгостей в местах, где располагались таборы, а также на городских площадях, стоило там появиться цыганским шатрам. В прежние времена, и не такие уж давние, цыган брали бы под арест, сажали в тюрьмы, секли бы на перекрестках за нарушение закона, за мошенничество и воровство. Не сравнить с нынешней лояльностью: от них лишь стараются побыстрее избавиться, заставить их ехать дальше. Впрочем, никаких особо жестких мер не требовалось, ведь известно, что конечная цель не Авиньон, а деревушка Святых Марий, и что эти бродяги скоро сами отправятся на знойные равнины Камарга. Авиньон был лишь местом для недолгой стоянки перед долгим переходом на юг. Однако и за это короткое время можно было ознакомиться с обычаями этого

мистического племени.

— В одной из ваших предыдущих жизней я много узнал о них от девушки по имени Сабина, — произнес Сатклифф, когда они пили вино на просторной террасе над оливковой рощей.

Блэнфорд кивнул.

— Я помню ее. Интересно, что с нею сталось. Поговаривали, что она бродит по миру с цыганами. — Блэнфорд хмыкнул. — Это было модно и романтично тогда, то есть перед войной.

Дело было не только в моде и романтике, ведь Сабина вроде бы приходилась родней знаменитому цыгану Фаа, вожаку западных цыган, который одним из первых получил право на въезд в Америку. Сатклифф вновь наполнил бокал и продолжал вслух вспоминать:

— В моих затуманенных вином мозгах сохранились воспоминания не только о ее необыкновенной нежности и ранимости, но и о наших с ней беседах. У меня было весьма смутное представление о цыганах. В смысле, как о народе, который преследуют только за то, что они не сидят на месте, не смешиваются с оседлыми нациями. Однако длинная сага о преследованиях — я даже представить не мог, как все это было… Но эти преследования сформировали и обтесали цыган,

пока они не сделались твердыми как сталь. Теперь их уже не изменить.

Принц с большим вниманием слушал пьяные откровения Сатклиффа.

— Тем не менее, в Египте цыгане хитрые и лживые — имя этого народа очевидно восходит к слову *gypt*, то есть «мы». Если их, как вы говорите, нельзя изменить, то это потому, что они *сами* — олицетворение изменчивости. Они, как вода, могут принимать любую форму, но всегда остаются самими собой. Кстати, я сегодня беседовал с одним чиновником из мэрии, и он все удивлялся, что так много цыган собирается тут каждый год на праздник святой Сары. Они приезжают даже из-за «железного занавеса», как вы сами можете убедиться по некоторым кибиткам. Странный народ!

Несомненно, их компания тоже выглядела необычно, ибо они арендовали для экскурсии большой красный автобус с шофером. Идея принадлежала принцу, она осенила его, когда ему рассказали о скоплении на дорогах медленно передвигающихся кибиток, не говоря уж о столбах пыли, сопровождающих цыганские караваны, как неодолимый лесной пожар. Во-первых, автобус избавлял от тягот пути, во-вторых, в нем

можно было ехать всей компанией. Надо ли говорить, что дорожные сборы, включавшие и заготовку корзин с отменными продуктами и винами, привели всех в отличное настроение. Принц же придумывал всякие забавные лакомства, чтобы раздразнить аппетит паломников — потому что теперь они воспринимали себя только так. В конце концов, у них была вполне конкретная цель — спросить у святой Сары, что им уготовано в будущем. Это путешествие всем «братством», так сказать, вдохновило самых словоохотливых из них (или попросту пьяниц?) на высокопарные монологи по любому поводу. Лишь воспоминание об исчезнувшей Сабине заставило ностальгирующего Сатклиффа забыть об обычаях и исторических традициях цыган, повествованием о которых он оживлял первую часть путешествия — по цветущим лугам горного Прованса. Но довольно скоро их сменили гораздо менее живописные равнины Камарга — страны болот, речек и озер, где полно мух и москитов, а также крепких коричневых бычков, выведенных специально для арен Прованса. В этих краях героем был здешний ковбой, *gardien,* в широкополом сомбреро и с трезубцем вместо скипетра. Пока беспорядочные колонны тянулись, поднимая

пыль, к морю, надо было сохранять осторожность, ибо нечистые на руку цыгане нещадно воровали, а бродячие собаки дразнили быков и кусали лошадей — маленьких, белых, палеолитических, воспетых местными поэтами, которые всегда сравнивали их с дымом, летящим над землей, и который, в свою очередь, волнуется, словно синее море. Море же бьется о берег, словно вожделенный короной, увенчанный храмом Святой Сары.

— Вино тут чудесное, — сказал неутомимый двойник Блэнфорда. — Кажется, я слишком много говорю. Если так, то подмигните мне, ладно?

— Ладно. Кстати, лично я не считаю цыган такими уж таинственными. Просто ополоумевшие евреи. Утратившие способность делать деньги.

— Ну вот! — с несчастным видом произнес лорд Гален. — Теперь и вы, кажется, становитесь антисемитом. Я это чувствую. Почему бы нам не переменить тему?

Сатклифф налил себе еще вина и выпил.

Итак, они путешествовали, предавшись приятной истоме, легко обгоняя колонны смуглокожих «греческих», «египетских», «румынских» и «болгарских» цыган. У каждой группы были своя особая музыка и любимое занятие: «французы» предпочитали плести корзины, а «греки» лепить

кухонные горшки и миски.

Некоторые кибитки поражали великолепной росписью, из них доносилась итальянская или английская речь. Вдоль дороги были раскинуты шатры, вокруг которых в голубоватой пыли лежали детишки, словно котята или щенки. Мало-помалу толпы цыган неотвратимо приближались к побережью, где маленькая церковь Святых Марий и Сары глядела на край берега, не позволяя забыть, что когда-то она была частью крепости, защищавшей здешние места от грабителей-пиратов. Что же до берега, то теперь он представлял собой один большой лагерь, как будто бы отпочковавшийся от каирского сука.[89] Здесь роились и отчаянно торговались, сбившись в единую толпу, разные народности, предпочитавшие разные песни — и слышался неизменный шум волн, набегавших на белый песок. «От сицилийской Мессины до Балтики, от России до Испании — всюду этих людей обращали в рабство, мучили, иногда убивали, ведь их жизнь не стоила ни гроша. Преследования продолжались чуть ли не до семнадцатого века. Сохранились свидетельства, что те, кто бывал в

[89] Примечания: 89
Сук — восточный базар.

цыганском таборе и оказывал цыганам помощь, считались преступниками, и их могли казнить без суда и следствия». Блэнфорд вспомнил эти слова из какого-то разговора, возможно, как раз с Сабиной. Ее имя не давало ему покоя, словно назойливая муха. Действительно, что с ней потом произошло? Конечно же, как водится, по воле случая ему предстояло вскоре увидеться с нею и все выяснить!

Итак, небольшой автобус пробивался сквозь облака пыли, пока впереди не показалось побережье в обрамлении гор. Повсюду были лошади и повозки, за которыми внимательно наблюдали местные всадники, — они уже познакомились с цыганами и запросто ездили между шатрами на своих низкорослых белых лошадках. Здесь раскинулась настоящая ярмарка, которой предстояло завершиться службой в церкви и доставкой трех Марий[90] к морю — на больших деревянных платформах, украшенных цветами. Церемония эта всегда сопровождалась горячими слезами восторга и умиления. Потом вся процессия заходит в воду по грудь и словно бы плывет, окружен-

[90] Примечания: 90

То есть статуй Марии Магдалины, Марии Саломеи (матери апостолов Иоанна и Иакова) и Марии — сестры Пресвятой Девы. Три Марии и их служанка Сара проповедовали христианство язычникам. *(Прим. ред.)*

ная эскортом из рыболовецких судов здешнего небольшого порта, тоже украшенных цветами в честь церемонии, и флагами.

По прибытии наша компания отправилась осматривать прибрежные кафе. Выбрав самое подходящее, «паломники» уселись на тенистой террасе с широким зеленым навесом, из этого «штаба» в любой момент можно было сбегать на ярмарку. Здесь были распакованы припасы, на грубо сколоченные столы поставили тарелки, положили вилки с ножами — как на скаутском пикнике. Когда все потягивали аперитивы, к сдвинутым столам медленно приблизилась цыганка, с таким видом, словно она искала какого-то знакомого, который мог оказаться именно в этой компании. На лице у нее появилось почти радостное выражение, когда ее взгляд остановился на Блэнфорде. Но первым ее узнал Сатклифф.

— Сабина, дорогая! — удивленно воскликнул он. — Наконец-то! А мы уже целую вечность ищем вас друг у друга в книгах! Куда же вы пропали?

В женщине, к которой обращался Сатклифф, было очень нелегко распознать ту, чей облик сохранился в их памяти.

Грузная, грязная, вся в морщинах, она была одета в дешевое платье и украшена дешевыми

побрякушками. Волосы ее уже начинали седеть, и когда-то прекрасные глаза близоруко щурились, видимо, ей с трудом удалось разглядеть старых знакомых. А они всматривались в нее и словно узнавали заново, снимая с нее несколько завес реальности и мысленно смывая несколько слоев краски. Конечно же, она сама выбрала судьбу бродяжки, так сделали в то время многие питомцы знаменитых университетов. В ту далекую пору свою интеллектуальную независимость доказывали тем, что переставали мыться. Сабина пошла в своем протесте еще дальше — сбежала с цыганским табором. В результате ее несчастный отец, лорд Банко, повредился в уме. Он был другом лорда Галена и даже, можно сказать, приятелем принца. Итак, стоило Сабине подойти, как тотчас начались расспросы о ней самой и об ее отце, чей шато в Провансе стоял с заколоченными окнами и, похоже, простоял в таком виде всю войну.

— Да, он умер, — проговорила она чуть хриплым голосом, но очень чинно и сдержанно — странно было слышать кембриджский выговор у этой загорелой дочерна женщины. — Естественно, говорят, что убила его я, предпочтя всему скитания по дорогам — что ж, может быть. Иначе я не могла. Мне хотелось как-то его утешить,

но я не могла привести ни одного довода в свое оправдание. Я даже несколько месяцев ходила к Фрейду, чтобы разобраться в себе, но это ничего не дало, и я, переломив себя, вопреки своим стандартам приняла решение. Дело не в любви и не в страстном увлечении, как обычно бывает в романах. Это совсем другое — все равно что вдруг уплыть в Америку или пойти в монастырь. Я ничего не могла с собой поделать, я… я, как лунатик, не могла противиться этой потребности бродить, впрочем, я и теперь такая. Ни на что не променяю свою кочевую жизнь.

И тут она вдруг уперлась руками в толстые бока и расхохоталась, как будто включилась полицейская сирена. До чего же она изменилась, подумал Блэнфорд и неожиданно вспомнил, с каким обожанием, с какой болью, с каким страхом смотрел на дочь Банко.

Она села и склонила голову набок, словно прислушиваясь к себе; она и в самом деле прислушивалась.

— Боже мой! — воскликнула она. — Не представляете, как мне приятно говорить по-английски, ведь я не делала этого много лет, но все же странно. Я уж думала, что забыла все слова после стольких лет «вульгарного» эсперанто. Обри,

поговорите со мной!

Она улыбнулась новой страшной улыбкой, блеснув золотыми зубами, и с нежностью, почти умоляюще подергала его за рукав.

— Мне непременно нужно знать *почему!* — отозвался он. — Почему вы это сделали?

Она закурила тоненькую сигарку с марихуаной и несколько раз торопливо затянулась, держа сигарку не между пальцами, а в кулаке, как будто это была трубка.

— Я же сказала вам все, что сказала милому старичку Фрейду, который упорно искал у меня Эдипов комплекс. Марио, тот мужчина, к которому я ушла, был намного старше меня, вот и подумали, что он как будто заменил мне отца. Представляете? — Она вновь рассмеялась своим незнакомым, похотливым смехом и хлопнула себя по ляжке. — Когда я приехала из Кембриджа, то была этаким многообещающим специалистом, супер-звезда на небосклоне экономики, я намеревалась изучать социальное устройство общества, я жаждала понять, что мешает нам стать идеальной Утопией: справедливым и равноправным обществом, где все готовы поделиться даже своей зубной щеткой. Знаете, как это бывает с молодыми? Идеализм чистейшей воды! В конце

концов я сузила поиск до идеи Неприкасаемости в разных вариантах. В своей книге я собиралась исследовать эту самую Неприкасаемость. Я же все-таки еврейка, и это было отличной отправной точкой; а потом я поехала в Индию и испытала все ужасы брахманизма. Наконец, решая для себя всякие этнические загадки, я набрела на цыган, сначала в пещерах Алтамиры, а потом в Авиньоне. Там, на главной городской площади, купила корзинку у лохматого цыгана. На другой день, когда я снова шла по площади, он был там и узнал меня. Он сказал: «Пойдем со мной, это важно. Наша мать хочет поговорить с тобой. Она говорит, что *узнала тебя».* Он имел в виду мать табора — «пури дай», госпожа, как они называют ее! У нас в таборе матриархат. Старуха взяла меня за руки и сказала, что в конце лета я присоединюсь к ним и забеременею от Марио — так и вышло. Правда, она забыла сказать, что заодно он наградит меня сифилисом! Однако по сравнению с другими испытаниями это чепуха, к тому же, я была достаточно образованна, чтобы вылечиться. Я была как зачарованная, и в самом деле стала цыганкой — словно плащ, скинув с себя европейскую культуру. Марио, хоть и намного меня старше, был крепок, как дуб. После первой

же проведенной в шатре ночи я пришла к отцу и сказала, что хочу уйти.

Все так и было, и в этом месте рассказа в ее голосе послышалась боль. Блэнфорд вспомнил то мучительное лето, когда старик заперся в доме и отказывался от всех приглашений. До чего же все-таки женщины жестоки!

Сабина явно не сомневалась в своей правоте, ничуть.

— В Индии мы были несколько раз. Ужас. Были в Испании и Центральной Европе. Мои дети умерли от холеры. Мы сожгли их и двинулись дальше. Мы говорим об экономическом выживании. Я — профессиональный экономист, но не представляю, откуда берется эта способность выживать у тех или иных наций? Как я выяснила, даже Фрейд этого не знал. У цыгана точно есть внутренние ресурсы, иначе ему не уцелеть, ведь он часто оказывается там, где к нему относятся враждебно или где попросту никому не нужны его горшки и корзинки, не нужны наши кузнецы и точильщики. И чем же тогда питаться? Марио преподал мне урок экономики. — Ее опять разобрал смех, причем такой, что даже слезы навернулись на глаза. — Это наш коронный номер. В анналах американского цирка он значился под названием

«пес и утка». У нас даже есть выцветшая афиша, которую мы вешаем на шатер, когда дело доходит до дела.

— Мне надо его увидеть, — заявил Сатклифф.

— Увидите сегодня, — отозвалась Сабина. — Наших звезд, наших главных актеров зовут Гамлет и Леда, и, когда я смотрю, как они совокупляются, мне иногда кажется, что они представляют собой европейскую культуру — пару, состоящую из совершенно разных, не подходящих друг другу людей, главный кирпичик любой культуры; какого же ребенка они могли бы произвести на свет? Наверно, подобного нам!

Принц был переполнен восхищением и сочувствием, и это говорило о том, что он понял, какая Сабина замечательная женщина.

— Вы говорите о глубоко волнующих меня вещах! — воскликнул он, смахивая слезу, и, взяв ее за руки, покрыл их поцелуями. — Вы напомнили мне о Египте! Мне даже стало не по себе!

Его переполняло восхищение таинственной цыганкой, он весь дрожал. А она больше не проявляла ни малейшего волнения — ее успокоила марихуана, и она была счастлива, что встретила старых друзей, которые могли бы и умереть, пока шла очень долгая война… Восхищение принца

она приняла с великим достоинством, но дала понять, что тронута его вниманием и пониманием. Все же чувствовалось, что английские слова, слетавшие с ее собственного языка, были ей странны и непривычны.

— Гамлет — маленький фокстерьер, у которого как будто нет возраста, как будто он вечный, а Леда — старая толстая гусыня, ленивая и похотливая, как все гусыни. Ей нравится, когда пес взбирается на нее, у нее распушаются перья и она кричит, стоит ему, как то следует псу или банкиру, показать себя с лучшей стороны. После смерти моих детей я поняла, что они тоже наши дети, наш вклад в то, чем сегодня является мир. Не устаю ему удивляться. Даже Бог умирает от скуки. Это называется энтропией!

— Не говорите так! — воскликнул лорд Гален, от которого никто не ожидал такой горячности и смелости. — Пожалуйста, не говорите так. Во что же тогда вкладывать деньги?

Тут зазвонили колокола церкви-крепости, зазвонили мучительно и громко, словно отвечая на мольбу лорда Галена! Сабина опять засмеялась.

— Сейчас самое время поклониться Саре, потому что скоро пойдет процессия, и толпа вам шагу не даст ступить. Потом возвращайтесь сюда, и

я постараюсь устроить так, чтобы вам погадали: прочитали или предсказали ваше будущее, называйте это, как хотите. И чтобы это сделал надежный человек, может быть, даже сама Мать табора. Ведь среди наших полно обманщиков, жуликов и мошенников. В Индии тоже, как вам известно, хватает самозванцев и воров среди свами![91]

Сатклифф почти неслышно пробормотал пару народных стихов, которые им никак не удавалось правильно запомнить:

> Схватился мерзкий свами за чалму,
> Но миссис Гилхрист нанесла удар[92] ему.

— Нет, нет, — сказал Блэнфорд. — Могу поклясться, что правильней другой вариант. Жаль, этого нельзя доказать.

И он произнес другие стихи:

> Поклялся он, что подцепил от феи,
> А не от миссис Гилхрист гонорею.

---

[91] Примечания: 91

Мудрец, провидец.

[92] Примечания: 92

Здесь обыгрываются два значения английского слова «clap» — удар и гонорея.

Он добавил:

— Таким образом британская армия сделала свой вклад в индийскую мысль. Я хотел написать биографию миссис Гилхрист, которая основала первый высококлассный бордель-чайную в Бенаресе и привезла туда ночных бабочек из Пекхэма. Однако их там всегда не хватало.

Пока Блэнфорд это говорил, все повернули головы в сторону главной улицы. Там вдруг зазвучала музыка и хлынул поток, настоящий поток белых лошадок с развевающимися гривами, оседланных камаргскими *gardiens* в сомбреро и с трезубцами в руках. Они должны были составить эскорт святым Мариям, пока их будут нести к морю, и потому были одеты в парадные костюмы пастухов: красивые габардиновые штаны с черным кантом, рубашки в цветочек, черные вельветовые куртки и короткие сапоги. В этом костюме весьма удачно объединились гармония и аристократизм двух разных культур — испанской и западноамериканской. При появлении *gardiens* несколько нерешительные поначалу гитары зашлись в безудержной страсти, и воздух запульсировал в ритме горячих кастаньет и андалузского танца, в ритме кружащихся юбок и щелкающих разноцветных бумажных лент

серпантина. Пора было идти к Саре, хотя потом они сами удивлялись, как им хватило смелости ринуться в гущу смуглых тел и пробивать себе дорогу между ними.

Сатклифф был бы и рад отказаться от этого приключения, особенно когда увидел толпу, осаждающую маленькую церковь. Стены ее были обвешаны дарами, принесенными *ex voto*… — изображениями кораблекрушений, несчастных случаев, пожаров, землетрясений, сцен насилия, умирающих детей и их родителей, перевернутых судов и гибнущих лошадей… болезней, жертвы которых могли бы наполнить целую больницу, если бы не Сара. Кого-то она исцелила, какого-то уберегла. И теперь святая ожидала благодарных почитателей у подножия лестницы, завернутая в новый монашеский плащ. Но как к ней пробраться? Она стояла на грубо сколоченном столе в дальнем конце расположенной в подвале часовни. От нехватки воздуха люди начинали задыхаться, а кругом мерцали сотни свечей, их пламя съедало кислород. Но хотя бы одну свечу надо было зажечь и воткнуть в железный канделябр, а еще — опустить монетку в ящик для пожертвований, поставленный рядом со статуей. Глухое звяканье монет в деревянном ящике слу-

жило аккомпанементом тихому, неумолчному, назойливому пению и стенаниям, то отступающим, то приближающимся к статуе святой. Она была черной, это так, но черты лица были европейскими, западными. В ее сверкающем счастливом взгляде соединились юность, красота и чистота. У нее был редкостный дар видеть то, что спрятано в глубине, самую суть, и у любого человека возникало желание идти за ней. Цыгане плакали, потели, крестились и что-то горячо лепетали — в порыве страха и любви. Двух других святых, Марий, будто бы тут и не было, их воспринимали лишь как безмолвствующих библейских персонажей. Лишь святая Сара, казалось, едва удерживалась, чтобы не рассказать все, что знала. Она была похожа на милую девушку, которой не терпится поведать кому-нибудь заветную тайну — если бы не шум, не пение, не суматоха, к тому же тысячи детей звонким щебетаньем и непоседливостью вносили свою лепту во все это безумие. Вся эта потеющая толпа устремилась вниз, в тесную часовню, где даже дышать было мучительно. Все втайне удивлялись, как святой Саре удавалось не таять, ведь она была сделана из черного воска.

— Это не для меня, — произнес Сатклифф. — Я

так не могу. Чья-то рука на твоей карманной Библии, еще чья-то — на твоих яйцах. Это уже слишком.

С этими словами он предпочел отправиться на прогулку среди шатров. Между тем, святых на их деревянном постаменте несли в море. Эта церемония была непременным атрибутом праздничного действа.

Семейства, прибывшие на трехдневный праздник, расположились на берегу у костров, на которых жарилось какое-то мясо.

Сабина пошла с Сатклиффом. Иногда она останавливалась, чтобы поздороваться со знакомыми или родственниками и перекинуться парой слов с ребятишками, крутившимися тут же.

— Когда мы ехали через каштановые рощи, в Провансе, — сказала Сабина, — нам посчастливилось найти кучу ежей — их там целая колония. Знаете, для цыган нет лучшего лакомства. Чувствуете, какой аромат? Это ежовое мясо. Марио жарит трех или четырех на обед. Для этого случая мы накопали глины из старой заброшенной ямы. Сначала ежей выпотрошили, потом обмазали толстым слоем глины, прежде чем жарить на костре, разожженном на дне ямы. Вы когда-нибудь ели ежей?

Он не ел.

— Они немного жирнее, чем китайские щенки, но очень хороши со специями. Когда глина затвердевает и остывает, ее скалывают молотком или камнем, с ней вместе отстают иголки и кожа, остается одно мясо. Знаю, звучит ужасно! — Она заметила, что Сатклифф вздрогнул. — Так что сегодня не приглашаю вас на обед!

— Сабина! — проговорил он, неожиданно останавливаясь и жалобно глядя на нее. — Дорогая, почему вы бросили меня? Ведь вы не могли не понимать, что любите меня.

Она улыбнулась и положила руку ему на плечо.

— Конечно, я вас любила. Но спросите Обри. Я не могла взять вас с собой. Наши жизни разошлись тогда, и я не представляла, как вновь соединить их.

Они долго стояли, жадно глядя друг на друга, не замечая, как их обтекает толпа, стремившаяся к морю следом за святыми. Потом Сабина и Сатклифф повернули обратно, идя против людской волны, и, выйдя на тихую боковую улочку, отыскали темный винный погребок, уставленный бочками с местным вином. Она все еще что-то говорила, теперь уже с уверенной стре-

мительностью, радуясь возможности поболтать по-английски. Она была настолько реальна, так что и подумать было нельзя, будто эта женщина всего лишь плод чьего-то воображения.

— Вечный вопрос: «Почему?» — продолжала она. — Его задавали все, начиная с моего ничего не понявшего, недоверчивого отца. Старика Банко, как его звали в Сити. Со временем я тоже стала его так называть, и он очень веселился. А вот мое желание все бросить и уйти привело его в ярость. Оно было вне рамок его логики, против его здравого смысла. Ему было многое известно о цыганах и о том, что их жестоко преследовали, веками… Но одна из историй была особенно чудовищной. Отец надеялся, что она поможет ему меня вразумить. В первый раз он услышал ее от атташе австрийского посольства в Софии. Наверное, вы помните, что мой отец начинал как дипломат, но оставил это поприще из-за маленького жалованья. Тогда-то он познакомился с маленьким хромым австрийцем — я все еще помню, как его звали. Эгон фон Люпиан! Они подружились, несмотря на разницу в возрасте, из-за общей страсти к орхидеям, оба были коллекционерами. У фон Люпиана одна нога была короче другой, и он носил деревянный протез с

ботинком, у которого был — я цитирую — «характерный щелкающий звук», когда фон Люпиан шагал по мраморному полу в канцелярии. Это был странный человек — Обри потом писал о нем. Этот фон Люпиан рассказал моему отцу о своем детстве в Австрии. Его род там у них один из самых древних и аристократических, и одному из его дядьев принадлежали огромные поместья на севере. Дядюшка был заядлым охотником и частенько приглашал племянника погостить у него. На пустошах он держал большую свору гончих, и те, бывало, нападали на несчастных бродяг, которые забредали в его владения. Однако особым удовольствием для него и его приятелей было растерзать цыгана, а еще лучше цыганку с ребенком на руках! Представляете? Фон Люпиан помнил, как однажды его дядя, рослый краснолицый мужчина с лихо закрученными усами, пришел к завтраку, потирая руки. «Сегодня у нас будет отличная охота! — сказал он. — Такое бывает нечасто, но все же случается!» Выяснилось, что накануне вечером в город пришли цыгане, и, как обычно, их посадили под замок. Дядя фон Люпиана был главным судьей в тех местах, следовательно, воплощал собой правосудие. На другой день, на рассвете, охота началась. Прошло

много лет, прежде чем фон Люпиан в полной мере осознал, с какой холодной жестокостью все было продумано. Цыган арестовали накануне, в том числе и женщину с ребенком — как раз это и требовалось! Ее собирались выпустить и потом гнаться за ней, как за оленихой.

Гончих постоянно держали в состоянии готовности, так сказать, натаскивая их на запах камфорного дерева и менструальной крови, потому что когда сезон оканчивался, нужно было чем-то заменять объекты для охоты. Утром женщину доставили на телеге на перекресток в нескольких милях от деревни, где собирались охотники. Ее и ее одежду вымазали смесью толченой камфары и отрубей, вымоченных в менструальной крови. У них был примерно час, чтобы доставить ее на нужное место. А тем временем в хозяйском поместье все радостно предвкушали редкостное развлечение. Маленького хромоножку подхватили сильные руки дяди, и он оказался в высоком седле, с которого были отлично видны все окрестности. Через час подали сигнал, послышался резкий, низкий вой рогов, но вскоре этот вой был почти заглушён басовитым лаем огромных гончих, почти таких же крупных, как олени, ради которых и была выведена эта порода. И под весь

этот шум и гам началась погоня по замерзшим болотам за одной-единственной телегой, в которой сидела жертва, мать с грудным ребенком.

Телега с двумя возничими доставила женщину на условленное место, на перекресток, где сходились три дороги, и переполненные злостью и азартом мужчины выкинули несчастную прямо на снег. Она оказалась храброй женщиной, она не стала хныкать, а бросилась прочь. Она сразу все поняла, услышав лай бежавших к ней по болоту собак. Нельзя было терять ни минуты. Надо было найти воду, речку, и перейти на другой берег. Ей казалось, что она бежит по направлению к реке, но память обманула ее — никакой реки поблизости не было. У несчастной матери от ужаса стыла кровь, ведь лай собак и пронзительное гудение рогов все приближались. Она уже заранее чувствовала, как истекает кровью — как будто со стороны видела свою смерть! (Могу себе представить!) А потом… потом на дальнем холме показались охотники. В то морозное утро они выглядели очень живописно — в алом, черном, бронзовом и золотом. И все же ей удалось найти воду, правда, это была не река, а всего-навсего мелкая дельта с несколькими черными озерцами. Если бы женщине повезло, она могла бы

спастись. Маленький хромоножка волновался не меньше своего могучего дяди, сидя впереди него в испанском седле. Он видел, что у цыганки не осталось надежды на спасение. Но она все-таки добежала до воды и вошла в нее по пояс, держа ребенка над головой. Однако собак не проведешь. Они выскочили из леса и бросились по тонкому льду к женщине, чтобы вытащить ее на берег, как обычно вытаскивали загнанную олениху. Мальчик слышал ее крики, и крики младенца тоже, а потом наступила тишина, и вода в озерце стала ярко-красной. Это когда собаки принялись рвать добычу на куски. В конце концов, они получили то, что честно заслужили… за отличную охоту. Хозяин гончих и его прислужники взяли собак на сворку и предложили охотникам выпить. Мальчик на всю жизнь запомнил увиденное, и еще запомнил, какое сильное впечатление произвела на охотников расправа с цыганкой. Дядя мальчика молчал и, затаив дыхание, наслаждался оргазмом, который испытывал, глядя на совершаемое его гончими убийство. Он был счастлив, он был вне себя от восторга! И смеялся потом так же, как, верно, смеются маньяки. Ну а мальчик… Фон Люпиан навсегда запомнил ту охоту и во всех столицах, куда его назначали служить, нанимал

местных художников, чтобы те писали маслом одну и ту же сцену. В Вене у него набралась целая коллекция из этих картин — целая галерея с «Цыганкой, преследуемой гончими».

Сатклифф побледнел, вдруг почувствовав прилив острого желания.

— Вы ужасно разволновали меня, — прошептал он.

— Этого я и добивалась. Нам надо наконец заняться любовью. Побыть вместе.

— Да! — вырвалось у него. — Да, Сабина, пожалуйста.

Она взяла его за руку, и они вошли сначала в темный коридор, потом поднялись по ветхим ступенькам в мансарду, предоставленную Сабине служанкой. Здесь, на грязной кровати, они исполнили свою заветную мечту, вспомнив весь словарь вожделения и неудовлетворенности. В их поцелуях прятались рыдания, как всегда бывает, когда люди действительно друг друга любят. Каждым оргазмом они дырявили тонкую завесу времени и полностью испили чашу отчаяния. Сегодняшнее, подаренное случаем, соитие было мукой для них — почему так не могло продолжаться вечно? Почему они не могут быть вместе? «С ума сойти! Я безнадежно влюблена в тебя!»

— восклицала она, отвечая на удары его немолодого сердца градом соленых поцелуев.

Потом, залитые счастливыми слезами, они лежали рядом, продолжая даже мысленно ласкать друг друга.

— Вот уж не думал, что это случится снова. Мне поначалу даже не верилось, что ты тут! Какое счастье!

И они с жалостью вспоминали своего несчастного создателя, который в это время, неестественно выпрямившись, пил вино и наблюдал за продвигавшейся к морю толпой, восхищаясь людскими слезами, людскими страстями и немного стыдясь того, что сам на это не способен. Он видел себя, Обри, мертвым. Видел мертвое тело, лежащее в меблированной квартире в каком-то чужом городе… или в мрачном отеле, который стал знаменитым, потому что некий поэт умер там голодной смертью! Париж, Вена, Рим… какая разница? Виа Иньота,[93] Шариа Бинт, авеню Игнобл![94] Да, Сатклифф был прав, когда упрекал в том, что он отягощает свой мозг всякой ерундой, которой он набрался за границей. Сатклифф имел

---

[93] Примечания: 93
Улица Неизвестная *(ит.)*.

[94] Примечания: 94
Мерзкий, постыдный *(англ.)*.

в виду духовную кашицу, весь этот выморочный индусский блуд, замешанный на духовности. Надо сменить дорогу, надо стать другим. Надо обрести иные радости, иные восторги. Но где же Сабина?

И правда, где? Она лежала на расшатанной кровати, обнимая мужчину, глядя из-за его плеча на потолок, и размышляла о том, доведется ли им еще когда-нибудь встретиться… А еще она повторяла про себя известную цыганскую поговорку. «Худой цыган да живой, а богачи на кладбище!» Почему нельзя свободно ковать свое будущее? Мерзкая участь — быть всего лишь созданием капризного ума!

— Любовники, — с грустью произнес он, — это всего лишь дураки, не приспособленные к реальности! И ничего с этим не поделаешь!

— И все же?

— И все же! До чего же мне сейчас хорошо, до чего же реально!

Они страстно обнялись, и Сабина сказала:

— Если бы ты знал испанский, я бы процитировала слова, которые Сервантес вложил в уста цыгана. На английском это звучит не так впечатляюще. Знаешь их? Слушай! «Сызмальства приученные к страданиям, мы обретаем стой-

кость. Самая жестокая пытка не заставит нас трепетать, нас любая смерть не страшит, ведь мы привыкли презирать ее. Из нас могут получиться мученики, но исповеди от нас не ждите. И в цепях, и в самых мрачных казематах мы не перестаем петь. Ведь мы цыгане!»

Повернув великолепную голову, она дважды плюнула через плечо. Ритуал. Ее любовник был растроган. И ему стало очень грустно — ведь через день-другой они опять расстанутся, на сей раз навсегда.

Время шло. Целая кавалькада прогалопировала по главной улице, всадники палили в воздух из ружей, а к низко звучащим гитарам вдруг присоединился громкий и более высокий голос мандолины — Восток отвечал Западу, Восток соединялся с Западом.

— Нам пора! — проговорила Сабина, потянувшись за юбкой. — Надо еще устроить встречу, если получится, с нашей цыганской матерью, чтобы она погадала. Одевайся быстрее. Наш с тобой праздник закончился, такая уж судьба.

Приближался вечер, тени становились длиннее, и любовники стерли все ноги, отыскивая дорогу назад к таверне, к сборному пункту, где их ждали остатки обеда в плетеных корзинах.

Еды было еще много, вина сколько угодно… Кейд медлил со сборами, потому что праздник мог затянуться на всю ночь. Во всяком случае, один человек очень этого хотел, и этим человеком был сын Аффада, у которого голова шла кругом от изобилия красоты, цветов и движения. К тому же один добросердечный, пожилой *gardien* на белой лошадке взял его с собой по просьбе Сильвии. И мальчик наблюдал за происходившим со спины белого камаргского коня. Уютное и безопасное место, с которого однако все было отлично видно. Великолепно раскрашенные святые в роскошных одеяниях, восторг толпы, горячечный пугающий ритм гитар — все это заставляло его трепетать от восхищения. Никогда еще он не видел и не чувствовал ничего подобного. И обе женщины, глядя на его счастливое лицо, были почти так же счастливы.

Когда же они вернулись на веранду в таверне, то застали там задумчивого Сатклиффа, который сидел рядом с Обри и пил вино. Неторопливо приближалась ночь.

— Я был с Сабиной! — сказал Сатклифф. — Она пошла договариваться насчет предсказаний, правда, она думает, что старушка примет лишь троих, так как очень устает от процедуры га-

данья.

Оказалось, что гадалка уже успела напиться, правда, по ее важному, словно бы не подвластному годам лицу этого не было заметно, к тому же, вино не повлияло на ее способность связно мыслить. Мать табора жила в богато расписанной резной кибитке, какие были у цыган в старые времена. Кибитка стояла поодаль от ярмарочной площади. Внутри горели свечи и благовонные палочки, так как ветер стих, и весенние камаргские комары тут же накинулись на людей. Старуха была Матерью небольшого табора, и все, в том числе Сабина, ее боялись. Ведь она могла, только бы захотела, приговорить к смерти любого, кто нарушил законы племени: кто был уличен в супружеской неверности, в изнасиловании или еще в каком-нибудь преступлении. Кстати, Сабину она не любила, не доверяла ей, так как та пришла из «чужого» мира. И еще побаивалась ее, потому что нюхом чуяла, что больно уж она ученая и культурная. Тем не менее, Сабина была настолько полезным для табора человеком, что никто не посмел спросить, где это она пропадала. К тому же, она нашла клиентов, которые могли неплохо заплатить.

— Шалам! — сказала она, дважды наклонив

голову и решительно наливая себе из бутылки, на этикетке которой было написано «Джин». — Шалам, Сабина! Что привело тебя ко мне?

— Я нашла клиентов. Они говорят по-английски.

— Тогда останься, будешь переводить.

— Да, матушка.

Они коротко переговорили, что дало Сабине возможность кое-чем услужить старой женщине — поправить свечи, неровно горевшие из-за ветра, подать кости, которыми колдунья поигрывала, чтобы «настроиться» на клиента, как она говорила, «прочитать» его мысли, понять, что его гнетет, чего действительно ему нужно бояться, а чего нет. Только так она могла увидеть, что будет с пришедшими к ней людьми… Но Сабина была права, больше трех клиентов она не смогла бы принять за один вечер. Другие пусть приходят завтра, если пожелают. И еще ей требовалось полчаса побыть в одиночестве, чтобы сосредоточиться. Пробили часы, и она сказала, что следует договориться с клиентами. Сабина вызвалась передать приглашение и привести через полчаса первого клиента. В ответ раздалось короткое бурчанье, после которого Сабина на цыпочках покинула кибитку и спустилась по ступенькам,

бесшумно закрыв за собой дверь.

Она пересекла погруженный в сумерки песчаный берег и направилась к таверне, чтобы сообщить о том, что предводительница табора примет лишь троих.

— Что ж, — недовольно произнес лорд Гален, — полагаю, нам надо бросить жребий или посчитаться, как в детстве — эники-беники…

Конечно, можно было и так выбрать из всей компании троих, но у них было еще полчаса, чтобы договориться, и в результате к главной гадалке отправились Сильвия, Гален и принц. Остальным предстояло либо запастись терпением, либо довериться менее опытным гадалкам. Их тут хватало. Пока наши паломники пили вино, в толпе уже промелькнуло около полудюжины хитрых лиц и протянутых рук, и не только женщин, но и мужчин, жаждавших прочитать их будущее по ладоням. Одна из молоденьких цыганок была настойчивее прочих и такой хорошенькой, что выбор пал на нее, и она, как хищная птица, склонилась над руками Обри. Правда, говорила она по-своему, и пришлось призвать на помощь Сабину.

— Она говорит, что вас беспокоит некое сооружение, строение, что-то вроде дома, и вы хотите,

чтобы он получился очень красивым. Однако ради него вам приходится много писать. Ей видится что-то похожее на чеки и контракты.

— Она знает, что такое роман? — спросил Обри.

А потом последовало другое и столь же непонятное.

— Вскоре женщина вашей мечты обратит на вас внимание, будет готова любить вас. Вы познаете великое счастье, но оно продлится недолго. Берегите же его.

Совет прозвучал довольно убедительно, лишь бы это было правдой! Наверняка, занимаясь скучным предсказательством, эта женщина много раз повторяла одно и то же. Взявшись за руку Кейда, цыганка, неожиданно побледнев, отбросила ее, словно это был горящий уголь. Она перекрестилась, сплюнула и в страхе отпрянула от Кейда.

— Ее как будто обожгло, — в изумлении произнес Сатклифф. — Чем же бедняга Кейд так ее напугал?

Получить ответ на этот вопрос было невозможно — цыганка растворилась в толпе, и на ее месте появился одноглазый мужчина, явный обманщик и мошенник, Сабина тотчас прогнала его несколькими резкими отрывистыми фразами.

Ему пришлось уйти, правда, он сделал это очень неохотно и сильно разозлился.

С наступлением темноты праздник продолжили новые развлечения: импровизированные скачки на лошадях по берегу моря, состязания по *boules,* провансальскому боулингу, и по стрельбе из лука. После того, как святые вернулись на свои места — в ниши, окруженные дарами, настало время мирских радостей. Многие принялись за ужин, и тут маленькие деревенские арены залил яркий свет и широко распахнулись ворота, выпуская черных камаргских быков. Остаток вечера был отведен бою быков, но не испанскому, который заканчивается убийством быка, а провансальскому со срыванием кокарды, что более соответствовало темпераменту местных жителей. На протяжении такого боя опасности подвергает себя одетый в белое человек, которому надо сорвать кокарду и ускользнуть за ограду, чтобы избежать ответного нападения быка — маленькие черные быки очень вспыльчивы, и рога у них, которыми они рьяно защищают свои кокарды, очень длинные.

Однако усталость брала свое, пора было трогаться в обратный путь, но ждали тех, кто отправился к старой гадалке. Делать было нечего, и

пришлось заново накрыть стол и заказать еще вина. Кое-кто совсем не возражал против этого, например, Сатклифф, утомленный неожиданным дневным свиданием. Сабина ушла переводить предсказания старой цыганки. Мальчик заснул на скамейке, стоявшей в темном углу веранды. Для него праздник уже точно закончился.

Когда же три клиента вместе с Сабиной вернулись из табора, выяснилось, что они не совсем довольны гаданием, вероятно, из-за состояния предсказательницы после многочисленных возлияний. Однако же Гален и принц не скрывали радости, узнав, что сокровище, которое они долго и упорно искали, реально существует, а что это не историческая легенда. Тем не менее, в предсказании цыганки осталось несколько загадок, так как, раскрывая одну, она затрагивала и другие — например, упоминала Констанс, — которые, впрочем, легко поддавались расшифровке. Естественно, не обошлось и без обычных уловок, в частности, без особой красочной образности в ее речах. Комментарий Сабины звучал так: «Сокровище вполне реально, и очень ценное, но оно заперто в горе и охраняется драконами, которые на самом деле, — люди. Его поиск будут сопровождать великие опасности. Тем не менее,

не надо от него отказываться, хотя это может привести к трагедии. Если вы все-таки решитесь искать дальше, то действовать нужно очень осторожно».

Хотя предсказание было слишком туманным, на лорда Галена нахлынула волна приятного оптимизма; он мигом избавился от мучавших его сомнений и страхов. Принц тоже заметно повеселел, хотя, конечно же, более скептично отнесся к словам гадалки. Но ведь чего только на свете не бывает… Да и упоминание о горе с драконами раздразнило его. Все же он недоверчиво качал головой.

Самое большое впечатление гадание произвело на Сильвию, — она еле передвигала ноги, словно ее пригибала к земле тяжелая ноша. По бледным щекам катились слезы, она нещадно заламывала руки, как будто они в чем-то провинились. Ей было сказано, что ее подруга, партнерша, возлюбленная скоро оставит ее — что ее больше не любят. Только теперь она осознала, как сильно зависит от Констанс. Прояснились многие мелочи, якобы случайности — она поняла, что ее подруга ищет способ разорвать отношения и чувствует себя виноватой из-за этого. Сильвию словно ударило молнией, едва она попыталась

представить свою жизнь без Констанс. Она остро ощутила, как силен ее страх перед реальностью. Она мысленно увидела, какой она станет жалкой, превратившись в убогую личность, в человека, лишенного внутренней силы, лишенного любви. Потрясенная своим открытием, она едва отваживалась смотреть в глаза подруги. Накинув на голову шаль, подобно цыганке в трауре, Сильвия залезла в автобус и спряталась на заднем сиденье, где ее вскоре отыскал мальчик. Он улегся рядом, положив голову ей на колени, и заснул. А она сидела в оцепенении, чувствуя, как ночь окутывает ее, словно воды черного озера. Голоса, воркование мандолин и ритмичный перестук каблуков танцующих доносились с главной площади, от церкви, — но они потеряли для нее всякое значение, ничего не будили в душе, ничего не выражали. Всё как будто замерло, *время* больше не существовало и не манило многообещающим будущим. Так всегда бывает, если реальность теряет свежесть и способность к обновлению, и тогда появляется пугало самоубийства. Констанс пришла бы в ужас, знай она о результатах гадания. Чего стоит современная психология? До чего же лживой она теперь казалась, эта ворованная любовь! Главное же заключалось в том, что

вскоре они с Констанс должны были расстаться, разойтись, занять место среди ходячих мертвецов — тех, кто не был влюблен! Когда остальные покинули веранду и заняли места в автобусе, Сильвия посильнее стянула на груди шаль и попыталась заснуть — напрасно! По-видимому, Сабину встревожило ее состояние, потому что она присела рядом и обняла ее за плечи, прежде чем вернуться в кафе и на прощание перебросить несколькими словами с Сатклиффом.

Сабину пугало, как бы мысль о неизбежном расставании не ослабила и без того слабую связь Сильвии с реальной жизнью. «Остается надеяться лишь на то, что Констанс известны последствия — должны быть известны, ведь она врач». Естественно, Констанс все поняла, едва узнала о предсказании гадалки. Ей стало жалко Сильвию, и она крепко сжала ее руку, надеясь уменьшить боль от полученной раны. Напрасно. Сильвия высвободила руку и без обиняков сказала:

— Я поняла, что означали всякие мелочи, которые пугали меня в последние дни. Ты таким образом намекала, что между нами все кончено.

Ее возлюбленную душило отчаяние, и она лишь молча гладила головку спящего ребенка — ей было нечего сказать. Теперь, когда все стало

явным, надо искать новый подход. Но Констанс боялась взять неправильный тон, ведь Сильвии некуда было податься, если бы она решила уйти — разве что вернуться в Монфаве, что, собственно, и произошло позднее. Констанс кляла себя за слабость и опрометчивость, но это ничего не меняло. Случилось то, что случилось. И надо было жить дальше, приспосабливаться к новой жизни, которая маячила где-то за завесой, отделявшей ее от настоящего.

— Нет, Сильвия, не кончено, — проговорила она, — мы с тобой навсегда останемся подругами. — И это, в каком-то смысле, было правдой, так оно и было. — Дорогая, не надо качать головой, я говорю совершенно искренне.

Сидя под навесом кафе, Блэнфорд наблюдал за выразительными женскими лицами, с болью и чувством безнадежности. Он не слышал, о чем говорили Констанс и Сильвия, но было ясно, что их переполняют не самые счастливые эмоции. Как же он хотел остаться наедине с Констанс! Но что он мог сказать ей такого, чего она не знала?

Чтобы утешить Блэнфорда и позабавить Сабину, Сатклифф проговорил:

— Я прочитал где-то, что китайские крестьяне замазывали свиньям задние проходы глиной,

чтобы они набрали побольше веса перед тем, как их поведут на базар. И тогда, наконец, понял, почему многие американские писатели пишут так, как они пишут — их закупоривают жестокие издатели. Тема для докторской диссертации: «Романист как щедро одаренная свинья».

Однако его создатель, не сводивший взгляда со своей истинной музы, не обратил на его слова внимания. Он, как скряга, не желал делиться ни с кем своим любовным прозрением и мысленно произносил: «Пустота, осознанная с помощью умозаключений, постигается концептуально или посредством образа. Понять природу такой достигнутой логическим путем интуиции трудно, но главное, что ты действительно прозреваешь!»

Что он мог сделать? Тут Кейд принялся собирать вещи, и водитель помигал фарами, — сигнал, что пора уезжать. Всей компании предстояло ехать на север, оставив праздник, который будет постепенно затихать в темноте, под почти полной луной.

Они медленно катили по песку до дороги, а вокруг еще вовсю горели костры и многие семейства заснули прямо на берегу, где попало, сраженные тринадцатиградусным черным вином! Несколько раз фары высвечивали пробегавше-

го наперерез автобусу ребенка, совершавшего некий полночный маневр. Дым от костров притушил лунный свет и рассеял его, словно клочья морской пены, эта лунная пена оседала на поверхности удаленных от моря озер — *ëtangs*. Выехав на относительно безопасный участок шоссе, шофер выключил освещение и взял курс на далекий Авиньон, а пассажиры стали потихоньку засыпать. Блэнфорд тоже впал в дрему, и кружащиеся, словно конфетти, листки отвергнутых набросков к новой книге потихоньку навевали ему сны. Тем не менее, он хотел знать, который час, потому что не желал пропустить утреннюю зарю над рекой, над живописными городскими шпилями.

Блэнфорд засыпал, но творение его бодрствовало; события прошедшего дня, не говоря уж об изрядных количествах красного вина, привели Сатклиффа в отличное настроение.

— «Ха-ха!» — обычно кричали мы в тропиках! — воскликнул Сатклифф, в избытке чувств хлопая себя по колену.

Странно, при чем тут *тропики?* Однако ему не понравилось бы, если бы его спросили об этом — для него непоследовательное и произвольное были близки к возвышенному, к королевству безрассудного смеха.

— Хватит! — не выдержал Обри. — Дайте же немного поспать.

Однако летающие, словно конфетти, листочки с их тайными посланиями дразнили его искрами губительного прозрения. «Скажите, мистер Б., как бы вы могли охарактеризовать себя?» Ответ: «Как смертельно робкого человека, страдающего от грандиозной несбыточной мечты. Мне позарез потребовалось испытать тропу, полную препятствий — пересечь реку, не имеющую моста. Я знаю: когда культура терпит поражение, то появляются толпы предсказателей и лживых очевидцев!» Ох, уж эти полночные разговоры с часами! (Если взаимоотношения полов слабеют, то вселенная в целом, воображаемая, подвергается риску. Разумеется, самое настоящее бесстыдство думать таким образом.) Ах! Орудие любящего сознания, которое находит прибежище в Высшем Легкомыслии. Сидеть в пещере и диалектически оспаривать субстанцию. Вероятно, это действительно помогает сбрасывать старую шкуру с мозга — но очень уж утомительный метод. Неужели нет другого? Есть! Всегда можно совершить Скачок, если напрячь воображение! И символом этого служит Авиньонский мост.

Настоящая трагедия в том, что Веданта стано-

вится простой болтовней, когда она улыбается — и в этом некого винить, так как Вселенная равнодушна к нашей отваге!

Они мчались в темноте, как ночной экспресс, сбавив скорость, когда нужно было пробиваться сквозь леса и сады Лангедока. Сатклифф продолжал витийствовать и среди прочего сообщил о том, что «человеческие существа вытесняют воздух — в первую очередь, горячий воздух» и что «обет целомудрия, столь существенный для внутреннего «я» художника, провоцирует насилие»! Когда проезжали деревни, свет фонарей и окон на мгновение выхватывал силуэты путников. Кейд спал, привалившись плечом к окну. И Констанс провалилась в сон, полный беспредельных терзаний из-за чувства вины. Сатклифф бормотал импровизации, блещущие, как всегда, искрометным талантом.

Приди, приди, мой отрок золотой,
Окропленный солнцем и водой,
Сотканный из легких облаков,
Доверь красу божественного зада
Тому, кто ценит высоко
Эту сладчайшую награду!

Блэнфорд спал и во сне не препятствовал тому,

что его идол — дивный образ его единственной любви — постепенно завладел его сознанием: медовые соты улыбок, игольник поцелуев! Неисчерпаемая бесконечность — это помогало ему понять свое поэтическое кредо! Это была религия без жестких постулатов — благое послание, но не покаянно-искупительное, а жизнерадостное. У любви свои законы, правильные поцелуи, вот что всегда помогает отгадать и проникнуть внутрь тайны; правильный подход — вот что одерживает победу в старомодной спортивной игре самореализации. Подобно шумным бурунам, вспенивающим озера в пустыне, на Блэнфорда напала туча его же заметок с обещаниями и обвинениями. «Жить в безбоязненном приближении к природе — культивировать понимание того, что материя непостижима. Творить поэзию, писать книги, опираясь на особый опыт, на уникальность переживания — в момент духовного пробуждения. Не составление фраз, а непосредственное переживание, как клеймо, как семена будущих всходов. Главная истина дхармического прозрения лингвистически не передаваема, она опережает язык, даже его наиболее умозрительные формы. Это особое переживание. Всего лишь по одному взгляду можно определить, ощущает

ли тот, на кого вы смотрите, плотское желание; и в следующий миг следует непроизвольный смех. Взгляд — это вам не бессмысленное пламя неистовых желаний, а строгий канон в искусстве высочайшей сдержанности. Нельзя не похвалить себя, едва только поймешь, что этого «себя» нет, и хвалить некого! В вашем распоряжении все время в мире — в природе вообще не существует такого понятия, как спешка!»

Никуда не деться от дремлющей в сознании записной книжки. Он сказал себе: «Можно сколько угодно зажигать свечи для одного себя на огромном Свадебном Торте Волхвов, но когда-нибудь нужно все-таки отрезать от него кусочек!»

Иногда у него поднимались волосы от ужаса перед всеобщей бессмысленностью — потому что ни у чего нет оснований быть таким, какое оно есть. Представьте, что Аристотель ошибся, закоснев в самонадеянности, наблюдатель привнес свое в наблюдаемое поле, что тогда? Однако он, похоже, думал, что понятие «пустота» спасет его от предвзятости. А ведь действительно надо уметь в полной мере почувствовать самую суть вещей, такую первозданную и хрупкую… Если замереть, то можно услышать, как растет трава. Можно увидеть все, что вокруг тебя, в прелом-

лении священной каллиграфии![95] Ох уж эта парализующая мозг глупость здравомыслия со всеми этими косными формулировками! Его всегда побеждает подвижное, зыбкое многообразие реальности. «Обыкновенная жизнь» — разве такая существует?

Да. Ретивый наблюдатель умеет устроить путаницу, стараясь все разложить по полочкам, навязать природе концепцию… но это лишь еще больше ограничивает его восприятие, сужает его собственное видение вещей. Он лишь нарушает покой вселенной, ведь у нее нет никакого заранее разработанного плана, она всего лишь крутится-вертится и стремится туда, где есть намек на русло, — как водный поток. Что же делать? Как что? Играйте пока, как это делает природа! Будьте тем, кто вы уже есть! Реализуйтесь! Неудовлетворенное мое, не ведающее сна обожаемое тело, уж тебе-то отлично известно, что жизнь и смерть всегда сосуществуют.

Он все глубже погружался в блаженное забытье, но его неугомонное творение продолжало обсуждать свои писательские тяготы, несмотря на протестующие жесты принца. Его высочество

---

[95] Примечания: 95
Имеются в виду священные эзотерические символы. *(Прим. ред.)*

жаждал побыть в тишине, чтобы обдумать предсказания цыганки — как истинный египтянин он верил в алхимию и всякие гадания.

— Я хочу спросить, — говорил Сатклифф, — как бы вы чувствовали себя, будь вы писателем, так сказать, для контраста — выгодным фоном. Писателем, существующим из милости или в воображении друга? Иногда я просыпаюсь весь в слезах. Обожающие всякие классификации, всякие *проблемы бытия* иудео-христиане украли мое наследство. Но при этом благоглупости Парацельса возвращаются к нам с одобрения Тибета!

— Шш-ш-ш! — прошипел лорд Гален, которого разбудили эти довольно шероховатые и непонятные формулировки. — Ради всего святого, дайте нам немножко подремать!

— Скифская пословица гласит: «Кто ест дикий чеснок, тот гадает по пуканью», — глубокомысленно изрек Сатклифф, и тут его тоже почти сморил сон. Мысленно он продолжал бессвязный монолог, в основе которого были разрозненные записи его творца. «Если бы у меня был гарпун, я бы воспользовался им — до чего же она была прекрасна! Поднимаясь с кровати ранним утром, она говорила: "Надо собраться с силами, а то мне никто не поверит"».

Вселенная ничего не сообщает, она намекает. Кейд улыбался во сне — оскал замаринованного карлика. Гален видел во сне весьма гармоничных пышнотелых дам с гордыми задницами и прическами, напоминавшими гусарский кивер, занимавшихся йогой, сбившись в группы, осененные космической щедростью! Немного дальше женевские банкиры в унисон изображали Первичный крик,[96] а также, стоя на четвереньках, Спонтанный смех.[97] К ним присоединялись дуры-дамочки, нашпигованные уловками и сопровождаемые *prêtres caramélises*[98] из кондитерского цеха главного городского кондитера. А она продолжала спать, *jolie tête de migraine*?[99]

Для всех тот вечер стал некоей отправной точкой — неожиданным поворотом в жизни. В

[96] Примечания: 96

То есть первый крик новорожденного. Видимо, имеется в виду методика лечения неврозов с помощью «первичного крика», которая опирается на учение Фрейда. Пациенту внушают, что он ребенок. Когда ему удается воспроизвести этот крик, то он чувствует, что избавился от всех травм и комплексов. *(Прим. ред.)*

[97] Примечания: 97

Имеется в виду медитация смеха, во время которой смех изображаемый постепенно становится естественным, самопроизвольным, помогает забыть себя, то есть стать ближе к вечности. *(Прим. ред.)*

[98] Примечания: 98

Священники карамельные *(фр.)*.

[99] Примечания: 99

Хорошенькая головка с мигренью *(фр.)*.

том числе и для Феликса, который мог теперь похвастаться тонким пониманием людей и всего происходящего. Сильвия! Он сидел в мчавшемся по шоссе автобусе и смотрел на ее профиль, словно в хмельном угаре, постигнув с неожиданным страхом, что влюбился — не очень-то приятно вдруг осознать, что ты связан по рукам и ногам, и уже нет сил вырваться. И он сразу понял, что был сотворен специально для ее желаний, как ведро — для лопаты. Ну да! А она-то что? Ничего невозможно было прочитать по ее напряженному лицу, на котором отражалась лишь пережитая ею боль, причиненная безответной страстью и неизбежным исходом — расставанием. Что теперь с нею будет?

Некоторое время после поездки он больше ни о чем не мог думать, только о нагрянувшей любви, которая ввергла его в беспокойную истому. И он старался заглушить ее физической активностью. Феликс заново строил свои отношения с Авиньоном, с городом, который когда-то так много для него значил.

Взяв напрокат велосипед, он каждый вечер, как только спускались сумерки, изнемогая от любви и тоски, объезжал площади и закоулки. Он вспоминал все тяготы своей тогдашней консульской

жизни, не понимая, как он умудрился пережить свое горькое одиночество и бесконечные мелочные унижения. Иногда он вскакивал посреди ночи и отправлялся на крошечную площадь в Монфаве, подходил к стене психиатрической лечебницы и нажимал на кнопку звонка. Феликс еще с прежних времен знал, что маленький доктор страдал бессонницей и почти никогда не ложился спать до первых лучей солнца. Он всегда был рад поздним гостям и тут же принимался разжигать огонь в камине, где лежали ветки оливы, самое распространенное когда-то топливо. Это он рассказал Феликсу, что Сильвия решила вернуться в Монфаве, в свои прежние комнаты. Если он согласится ее принять. В голосе доктора звучало печальное смирение, но не только. В нем слышался гневный укор в адрес Констанс. Это было возмущение коллегой, нарушившим профессиональную этику. Ведь Констанс знала все обстоятельства, знала, с кем имеет дело, и не могла не предвидеть последствий своих поступков.

— Это так неожиданно и так нечестно, — сказал он, — неужели ей не было стыдно?

Констанс было очень стыдно, но она не могла себя побороть, до того сильны были чары ее подруги в первые месяцы. И вот что из этого

вышло…

Самого же Феликса поджидало невероятное чудо. Дело в том, что к нему в руки попала поэма Сильвии, случайно оставленная Констанс в его комнате. Прочитав эти белые стихи, он понял, что Сильвия совсем не сумасшедшая, просто на нее снизошло великое озарение, такое часто случается с чистыми душами, стоит кому-то взять на себя заботу о них. Поэтическое начало заявляет о себе столь ярко и неистово, что это выглядит как некая болезнь, лишившая человека разума. Но это не сумасшествие — разве что для тех, кто остался непрошибаемым бихевиористом![100] У реальности несколько языков, и самый могущественный из них сексуальный. Зашифрованная сексуальная тяга, если она соединяет людей, понимающих, как тонки и непрочны эти нити, обычно тщательно оберегается.

— Естественно, оберегается, — одобрительно рявкнул Сатклифф, — потому что корень всякой медитации в оргазме!

Однако познавший любовь и осознавший истину не в силах жить по-старому, всю оставшуюся

---

[100] Примечания: 100

Бихевиористы считают, что психологи должны изучать лишь поведение людей, их эмоции, а не сознание, которое недоступно непосредственному наблюдению. *(Прим. ред.)*

жизнь страдая от недостатка внимания. Слова Сильвии потрясли страдающего Феликса, отозвавшись благородной болью в его сердце. А в душе окончательно «выкристаллизовался»[101] милый образ. Он вспомнил ее великолепную торжествующую походку, ее дивную, завораживающую красоту. От этой колдовской языческой красоты получаешь такое наслаждение, что тебя охватывает чувство вины, смутное желание покаяться. С каждым новым витком раздумий его страсть набирала силу, но и страх тоже становился сильнее — она не отвечала ему взаимностью, она не «видела» его. Он не знал, что ему делать. Иногда, казалось, она пребывала в таком смятении, что он ждал, не откажется ли она от ночных бдений, не взбрыкнет ли, вырвавшись из рук укротителей. Его сдерживало глубинное неведенье, ведь он понимал: любовь, настоящую, а не описанную в книгах, нельзя систематизировать, она слишком переменчива и неуловима, взгляду не уследить за ней, и разуму не постичь ее. Сладенькие рассуждения о любви уместны лишь для карикатуры на великое чувство. Ах, ради нее он хотел бы стать святым, и за них обоих молить

---

[101] Примечания: 101
Термин Стендаля из его «Трактата о любви». *(Прим. ред.)*

богов о покое и милосердии! Сатклифф неодобрительно пощелкал языком и процитировал одно из шутливых *petites annonces*[102] Блэнфорда: *«Druide très perfomant cherche belle trépannée»*.[103] Почему бы не поимпровизировать на грандиозной клавиатуре любви! Однако это тоже не понравилось Сатклиффу.

— Бесполезно! — крикнул он. — Все равно, что втирать кольд-крем в живот мертвого дикобраза.

Пока смерть не ввергла нас в полный ступор, дерзайте! На земле человек должен полностью реализоваться. Уф! Как только перестаешь думать о том, что правильно, что неправильно, все, казалось бы, несоедимое соединяется, наступает блаженство, и любовники тут же находят общий язык.

Феликс пришел в комнату своей возлюбленной и, взяв ее за руки, страстно, на одном дыхании произнес:

— Сильвия, не позволяйте им вновь свести вас с ума — позвольте мне любить вас! Ваша болезнь — это всего лишь последствие одиночества, боль

---

[102] Примечания: 102
Короткие объявления *(фр.)*.

[103] Примечания: 103
Искусный друид ищет прекрасную даму с дыркой в голове *(фр.)*.

от которого все нарастает. В Японии в вашу честь устроили бы прием, в честь посетивших вас видений! Это первый шаг йога на пути к Абсолютному Знанию! Станьте моей женой, чтобы я мог заботиться о вас, иначе вы из страха перестанете писать, как это случилось с Рембо! Пойдемте, вы будете жить со мной.

Изумленная Сильвия дрожала от волнения и все медлила, прежде чем отдаться во власть его объятий. Констанс же в эту минуту с горечью говорила своему отражению в зеркале:

— Нет, все-таки невозможно быть и врачом и просто человеком одновременно!

… Но вернемся вспять, к нашим паломникам. Они ехали в ночи, в густой черноте которой время от времени мелькали белые прорехи; покачивание и шум колес убаюкивали, все эти сонные формы и ритмы перекликались с эхом тайных голосов, снова и снова твердивших «аппетитная малышка»… «аппетитная малышка» или: «хорошо наложенный гипс», и опять то же самое. Во сне Блэнфорд прислушивался к прежним галлюцинациям. Он напомнил своему творению, что, «когда профессор Добсон начал слабеть, то стал плохо относиться к беседам французских интеллектуалов, особенно мужчин с густыми

бородами. Стоило такому мужчине откашляться и начать фразу с: *«C'est évident que la seule chose…»* — или: *«Je suis tout à fait convaincu que…»*[104] — как он бледнел и слабел от раздражения, а если ничего не происходило, то медленно опускался на пол и лежал, стуча каблуками от собственного бессилия».

— Не понимаю, как вы можете разговаривать после того, как угостили нас мистическим барбекю в отвратительном стиле, в основе которого проза Розанова, «Эстетика» Гегеля и «Igitur» Малларме.

Почему-то это раздосадовало Блэнфорда, которому сразу захотелось защитить свои литературные приемы

— Чепуха. Я был вполне самобытен и ясно выразил свои мысли. О моем стиле можно сказать, что он монтажный: резкая смена кадра, как в кино. Главное объяснение этого, естественно, в признании неизбежности реинкарнации. Прежние неколебимые контуры милого старого линейного романа уступили место пластичной многолинейности палимпсеста, прежнее изображение, размытое, полустертое, побуждает

---

[104] Примечания: 104

Очевидно, что единственное… Я совершенно уверен… *(фр.)*.

актеров превращаться друг в друга, по желанию проникать в жизненное пространство друг друга. Всё и вся сближаются, двигаются по направлению друг к другу. Великие личности — императоры и императрицы — всегда были связаны узами крови, были братьями, которые брали в жены сестер. Вдох за вдохом, петля за петлей, они плели вьющуюся ленту поцелуев и молитв. Еще не достигнув зрелости, она оказалась в моей постели, маленькая тантрическая мышка. Их речи обернулись радугой. После них пришли поэты, чтобы жить в полной неразберихе, которую умеют устраивать женщины. Так вот, моя книга претендует на то, чтобы стать проводником в сердце человека, мой метод — не спешить в выводами, по прелестному выражению Скотленд-Ярда, пока озарение не придет само! Некоторые неувязки — это только кажущиеся неувязки. Дело в том, что часть записок, которые я выкинул из окна поезда, я позаимствовал у Аффада с его разрешения. Это короткие поучения, которые он произносил в пустыне, в Макабру. Большие свертки с его записками лежали в комнате для хранения документов в Верфеле. Там оказалось много поразительных гностических афоризмов, и я переписал их в свои записные книжки. Отсюда некоторые совпаде-

ния, непроизвольные цитаты.

Лишнее доказательство — люди, даже их отдельные части, лишние части, которые не полностью реинкарнировались. Надо подойти к краю Временного, к самому краю пропасти! Взять хотя бы вас, вы у меня не так уж плохо получились, если учесть, что вы всего лишь моя выдумка. Вы ведь тоже как бы часть: вас можно рассматривать скорее как половину Тоби — в романе, который я почти закончил, а потом оставил, струсив… из некоторых соображений. Каким-то образом вам удалось выжить, сохранить свою личность… или я этого хотел? В общем, книга как книга, разве что рецепт необычный, вот и все. Знаете, мои притязания чисто феноменологические. В главном сюжете, который лежит в основе всего, не больше эзотерики, чем в добром старом детективе. Искажения и воплощения использованы, чтобы поставить несколько важных вопросов, например, насколько реальна реальность, и каковы вообще критерии реальности? Получается, что у поэзии нет права на существование?

Занимался рассвет, чистые серебристые отсветы замерцали на озере и деревьях, сон путешественников стал глубже и слаще, и все вокруг потеряло смысл, сделалось неясным, условным

— казалось, стоит дунуть, и от всего этого антуража ничего не останется. Вот и Блэнфорд, который пребывал в снах, казавшихся приятным намеком на правду, говорил себе, что человека можно описать и так: связующее звено между двумя вдохами. Обтекаемые мысли, чтобы вернуть таким философам, как Куайн[105] и Фреге,[106] благоразумие! Выкачать любовь, убрать страсть, и получится причудливая рептилия, это ее имел в виду Сатклифф, рассуждая о вялом милосердном совокуплении с неполноценным эльфом — с кем-то, у кого непомерно большие ногти на ногах и гигантская мошонка»!

Память со спущенными петлями; всю ночь в его подсознании вкрадчиво играл печальный джаз — *esprit de vieux piano-bar! Le baisodrome vétuste de l'âme française!* Вероятно, правильнее было бы сказать не так, как Чоран,[107] *«de bricoler dans*

[105] Примечания: 105

Куайн Уиллард (1908–1997) — американский философ и логик. *(Прим. ред.)*

[106] Примечания: 106

Фреге Готлиб (1848–1925) — немецкий логик, математик и философ. *(Прим. ред.)*

[107] Примечания: 107

Чоран Эмиль Мишель (1911–1995) — французский философ-экзистенциалист, выходец из Румынии.

I'incurable», а *«bricoler dans l'incroyable»*,[108] когда прозрение являет себя. Истинные алхимики считают, что поглощенность земными заботами и суетность можно одолеть с помощью контрмер. И не надо уступать газетным шутам или клюющим носами квиетистам.[109] (Что бы вам заткнуться и дать мне поспать.) Во мне шесть футов, и на все шесть — я розовое убежденное английское дитя, и я по своей воле пишу прозу. Кейд, подай мне любовной грудинки и секс-грога!

А вот Кейду снились черные кошмары из ливрейного бытия, из обихода слуги: изображение огромного насекомого в качестве вселенной с примитивными зачатками интеллекта, то есть мозг этого чудища работал, как часы, но никаких эмоций, ничего похожего на чувства! Бедняга Кейд, это так его удручало. Но ничего не поделаешь: он ощущал себя таким же — безжалостным слугой. Кем-то, кто может безошибочно читать чужие мысли. От этого он всегда чувствовал себя

---

[108] Примечания: 108

Дух старого бара с пианино. Ветхий сексодром французской души!., «блуждать в непоправимом»... «блуждать в невероятном» *(фр.)*.

[109] Примечания: 109

Квиетизм — течение в католицизме, объявленное в 1687 г. ересью. Квиетисты считали, что единение с Богом есть апофеоз безмятежности, что добро и зло равны — как различные проявления Божественной воли. *(Прим. ред.)*

немного виноватым. Заглядывать так глубоко…

Вселенная — это броненосец с разумом насекомого и бронированными крыльями, глупость, проклятая гностиками и все-таки правящая миром. Зверь! Что нужно сделать, чтобы заменить этого монстра на кого-то более человечного? По-видимому, все равно ничего не выйдет.

Разрыв с Сильвией привел Констанс к разрыву с маленьким доктором, который преданно любил ее лет десять.

— Что на вас нашло? Какое ужасное заблуждение! — взорвался он. — Как вы могли совершить такую глупость, окончившуюся для несчастной женщины очередным обострением шизофрении, за которым, возможно, последует суицид? Констанс! Я очень сердит на вас, я думал, вы умнее. Вы ведь не Ливия с ее *partie a trois*, с ее тягой к тройственным союзам!

Констанс едва сдерживала слезы.

— Для меня эта пародия на страсть была спасением после жуткой смерти Аффада — мне казалось, что я схожу с ума. Я пряталась в ней, пока не нашла в себе силы противостоять зияющей дыре в природе, которая осталась для меня после его ухода.

Доктор повернулся к Констанс спиной, чтобы

скрыть свои чувства, и она поняла, как много значила для него.

— Мы с вами неудачники в любви, — с горечью проговорила она. — Я думала, вы мне посочувствуете. Так больно, когда тебя осуждают.

Тем не менее он был прав, и она знала это. И все же ему не хотелось причинять Констанс боль, поэтому он заговорил о другом — о Ливии.

— Вы сказали, что все еще толком не поняли, что произошло с Ливией. А вам известно, что несколько немцев, которые могут кое-что знать о ней, пока еще тут? Нет? Тогда имейте в виду, что в Авиньоне живет двойной агент Смиргел. Ему удалось доказать, что он во время войны работал на англичан, передавал информацию по своему передатчику. Но ладно он, тут еще есть и фон Эсслин, немецкий генерал, который был тут главным. Он почти ничего не видит — из-за несчастного случая. Он пока ждет суда за военные преступления, и его поместили в глазную клинику в Ниме. Наверно, есть еще кто-то, но эти двое наверняка могут вам помочь, тем более старина Смиргел, ведь он и она были близкими друзьями, вы знаете? Я хочу сказать, они вместе работали в крепости. У меня в записной книжке есть его адрес, и он частенько приезжает сюда

почитать больным, у которых депрессия — ему это нравится. Так что позвоните и встретьтесь с ним, если захотите поговорить о Ливии…

Невероятно! Эти реликты военного времени все еще живы и до сих пор находятся в Провансе! Констанс и представить не могла, что такое возможно! Война со всеми ее кошмарами казалась уже далеким прошлым. «Генерал! — мысленно произнесла она. — Наверно, стоит его навестить!»

Да! Она это сделает.

Глава четвертая
Визит к генералу

Некоторое время все оставалось по-прежнему, но с первым весенним теплом решимость Констанс навестить генерала вновь обрела силу. Чему способствовали ее природная нетерпеливость и кое-какие перемены. Ибо Блэнфорд подумал, что раз Сильвия переехала в Монфаве, то он может наконец вернуться в Ту-Герц. Констанс эта его идея понравилась. В общем, теперь мысли Констанс вертелись вокруг фон Эсслина, лечившегося в маленькой глазной клинике в Ниме, но на самом деле пребывавшего там в качестве узника, дожидавшегося решения трибунала, который рассматривал преступления нацистов. Генерал почти ослеп, и прогнозы на будущее были настолько неутешительными, что для него уже приобрели особую белую трость, хотя пока еще ему удавалось различать контуры предметов и людей, «узнаваемых» им по памяти. В напряженной позе он сидел за детским письменным столом, стараясь хоть как-то освоить французский, чтобы не быть в полной изоля-

ции, в безнадежном одиночестве. Обращались с фон Эсслином с почтительной корректностью, как того требовал генеральский чин, и это не удивляло его, о чем он и сказал потом Констанс: «Им понятно, что я человек военный — о каком же преступлении может идти речь? Для воина главное — солдатский долг, это же всем ясно». Это была одна из тех хитроумных уловок, которые оставляют во рту дурной привкус, подобно заявлению некого ученого мужа: «Тамплиеры были банкирами Господа, а не Иисуса Христа».

Французам не приходило в голову торопить события, ведь они и сами не были в этом заинтересованы. Стоило им что-то предпринять, и становилось все более очевидным их постыдное сотрудничество с немцами. Время шло. Ну а фон Эсслин чувствовал себя сиротой, потому что не имел никакой связи с матерью, не получал никаких известий из родных мест, занятых русскими войсками. Впрочем, кое-какая информация все же просачивалась, но она была неутешительной. Позднее ему станет известно, что русские, узнав о зверствах нацистов на востоке, сожгли замок. Мать и сестра генерала погибли, запертые в сарае вместе со слугами. Отсутствие писем усугубляло одиночество фон Эсслина. А внешний мир

сузился для него до нескольких сотен ярдов в романтических общественных садах — владениях сурового протестантизма, владениях города Нима, где генерал совершал свои прогулки. Он шагал по садовым дорожкам до тех пор, пока не находил залитую солнцем (если стоял ясный день) скамейку, и тогда он устраивался на ней, словно старая ящерица. Генерал очень страдал от зимнего холода, так как больница плохо отапливалась.

Конечно же, он очень удивился, когда Констанс ворвалась в его жизнь, не предупредив заранее о своем визите. Она-то решила, что генерал согласился принять ее только благодаря ее великолепному немецкому. На самом деле причина была куда более глубокой, чем она могла представить, ибо расплывчатое видение белокурой прекрасной женщины пробудило в памяти фон Эсслина облик его белокурой сестры Констанцы — даже имена звучали похоже!

— Меня зовут Констанс, — произнесла Констанца, и его первой реакцией стал мучительный укол радостного узнавания. Естественно, он почти сразу ощутил смущение и разочарование, но на одно счастливое мгновение ему подумалось: а почему бы по какой-то чудесной случайности, ко-

торых хватает в военных ведомствах, настоящей Констанце не пересечь, например, с помощью Красного Креста, границы и не приехать к нему?… Да, разочарование было жестоким, и генералу потребовалось время, чтобы преодолеть чары. И еще ему бередило душу то, что это ожившее видение приходилось постоянно подправлять, чтобы оно соотносилось с реальностью. Ведь и голоса их были похожи, и эта немного вычурная прусская речь. Он просто не мог не подумать, что это *точно* она, может быть она, могла бы быть она, *должна* быть его сестра! Увы! И все же первые минуты знакомства были благословенны. Ведь пока посетительница представлялась и называла причину своего визита, мысли и чувства генерала оказались во власти счастливой галлюцинации, свалившейся на них, словно манна с неба. Поэтому не было ничего удивительного в том, что генерал целый час уделил Констанс и готов был ответить на все вопросы, касающиеся Ливии. Его старческий вид и слабость растрогали посетительницу. Они стали друзьями.

Поначалу обоим казалось странным, что они ничего друг о друге не знают, ведь они довольно долго прожили в одном городе, в ту пору, когда для Авиньона наступили тяжелые времена.

Впрочем, раза два Констанс видела генерала с колонной солдат, шагающих по городу, он смотрел в другую сторону, казался бледным и отчужденным, словно запертым на замок — собственно, так оно и было. О Ливии у него были самые незначительные сведения, да и то потому лишь, что он как-то провел выходные в крепостном изоляторе из-за воспалившегося зуба — как раз во время дежурства этой довольно неразговорчивой медсестры. Его высокий чин тоже не располагал к легкомысленным беседам. Тем не менее, генералу довелось услышать кое-какие сплетни об англичанке, которая, так сказать, запятнала себя, присоединившись к нацистам, и служила медицинской сестрой в действующей армии. Сам он считал такую независимость и смелость достойными восхищения, и его поразило, что офицер контрразведки, излагая факты из ее жизни, говорил о ней с жалостью и презрением. Очевидно, Ливия была на подозрении, и отчасти из-за связи со Смиргелом, который являлся одним высших чинов в отделе разведки в Авиньоне. Познакомились они еще до войны, когда он, искусствовед, получив стипендию, некоторое время провел в Авиньоне. Первая встреча состоялась в музее, где он занимался реставрацией, и довольно скоро

они стали любовниками.

— Вот и все, что я знаю, что слышал, так сказать. Признаться, я не обратил тогда на это внимания, нам и без сплетен хватало дел. Тем не менее, мне часто высказывали сомнения в надежности Смиргела, особенно после того, как он стал работать с англичанами, правда, исключительно чтобы дезинформировать их — во всяком случае, так он говорил. Все может быть — почему бы и нет? Во время войны чего только ни говорят, и никто никому не верит. Тем не менее, старые сводки с фронтов должны где-то быть, если только французы не догадались уничтожить их, чтобы избежать ненужной переоценки ценностей. Их можно было бы понять. Ведь они проявили даже больше рвения, чем мы, когда началась охота за инакомыслящими. Я полагаю, не возникло бы только серьезного сопротивления, если бы мы не проводили так рьяно политику рабского труда. Это вызвало волну недовольства, и люди, чтобы избежать трудовой повинности, побежали в горы. Как только и побеги стали массовыми, англичане начали забрасывать туда парашютистов, чтобы те организовывали военизированные отряды сопротивления. Из убежавших рабов. Ну и к тому же, территория вокруг Лесаля и крепости

Лангедока оказалась очень удобной для подобных операций.

Генерал сокрушенно покачал головой и продолжал:

— До чего же сложно было иметь дело с тремя, в сущности, дублирующими друг друга разведывательными ведомствами. Они частенько выдавали нам прямо противоположные объяснения одних и тех же событий. В круг моих обязанностей входили сугубо военные надобности, хотя приходилось быть в курсе всего. Я зависел от боевых командиров и поэтому располагал собственной разведкой, которая занималась исключительно ими. Потом появился военный комендант, у которого была своя служба безопасности, напополам с французской милицией. Ему это не нравилось, так как он не доверял этой их милиции, правда, ему удавалось спихивать французам большую часть грязной работы. А они не возражали. И даже словно бы получали удовольствие, издеваясь над своими же. Вот почему милиция оказалась сейчас в таком положении, ведь ее многие возненавидели тогда. Французы народ злопамятный, они ничего не забывают и не прощают!

Генерал что-то рисовал тростью на гравии — схему дублирующих друг друга разведок; потом

постучал ею пару раз и заговорил вновь:

— Понимаете? Мы хоть и работали вместе, но внутренне были сами по себе. Милиционеров все недолюбливали, и они всем платили тем же, тем более что у них была нечиста совесть. Поэтому французская милиция поспешила завладеть документами. Насколько я понимаю, ни один документ не будет обнародован. В любом из них — сплошь обличающие факты. Попомните мои слова, все эти бумаги будут уничтожены, а из пепла восстанет новое племя — племя героев войны. Французы знают толк в пропаганде, к тому же им надо доказать, что они что-то делали, иначе их не допустят за стол мирных переговоров. Во всяком случае, так мне кажется! Но они наверняка сказали бы, что у меня предубеждение на их счет.

Вздохнув, он покачал головой — печально и укоризненно. Беседа продолжалась в несколько сумбурном виде: генерала до того пьянила возможность говорить на родном языке, что он мысленно корил себя за не приставшую мужчине и солдату чувствительность — и едва не плакал от благодарности. Тем более что беседовал он словно бы с мерцающим призрачным двойником его любимой Констанцы… волны любви захлестывали старое сердце генерала; словно ветер

воспоминаний, налетая, раздувал пламя из углей, которые он считал давно остывшими. Он даже настолько осмелел, что протянул руку и прикоснулся к ее пальцам, которые она не отдернула, позволив им несколько чудесных мгновений лежать неподвижно в его ладони. Генерал воодушевился еще сильнее, однако ему почти нечего было рассказать о Ливии. Очевидно, что Констанс надо попытаться отыскать Смиргела, посоветовал он. Тогда она рассказала, как под конец войны — накануне большого отступления — Смиргел приехал к ней и спросил, каково ее мнение насчет одного документа. Вроде бы там была оценка сложившегося на тот момент состояния войск. Документ, подписанный самим Черчиллем. Черчилль считал, что ситуация на фронтах внушает оптимизм, так как немцы начали скапливаться на дальних рубежах и, по-видимому, постепенно переходить к обороне. Смиргелу хотелось знать, считает она документ фальшивкой или нет. Позднее, когда Констанс вспомнила эту встречу, ей пришло в голову, что Смиргел сделал неловкую попытку втереться к ней в доверие. *Зачем?*

Генерал взволнованно подтвердил: — Боже мой! Ну да. Я отлично помню этот английский документ. Еще бы не помнить, ведь он оказался

подлинным. Мы предвидели одно — два оборонительных сражения на юге Франции, чтобы укрепить средиземноморскую ось, так как Италия уже начала отходить от нас, подумывая об измене. Я даже могу сказать вам больше: когда союзники лицемерно объявили по радио, что не намерены бомбить исторические и археологические памятники, мы сразу же поняли, какая судьба ждет бесценное оружие, хлынувшее во Францию по морю и по суше! Надо было по возможности замаскировать его на случай нападений с воздуха. А что могло быть лучше карьеров и пещер вокруг Пон-дю-Гар? Убежищ, подаренных нам самим Богом? Многих километров подземных коридоров, которые идеально подходили для наших целей? Мы отправили туда саперов, и они справились с задачей. Подземелье становилось все просторнее и просторнее.

Видно было, что генерал устал — он как будто немного сник. Однако ему не хотелось подводить черту под приятной беседой, и он мысленно искал повод для еще одной встречи.

— Мне пора принимать лекарства, — наконец с сожалением произнес генерал. — Но, возможно, я вспомню еще что-нибудь интересное для вас. Если хотите, приезжайте на следующей неделе.

К великому его удивлению и радости, она согласилась. А ее тронуло его очевидное сожаление — оттого что приходится расставаться.

— Ну конечно, я приеду, — сказала Констанс. — Не хотелось бы упустить ни одной мелочи, никогда не знаешь, что может оказаться полезным. Назначьте сами день на следующей неделе, потому что у меня выдался небольшой отпуск.

Генерал обрадовался и с жаром пожал ей руку, когда они прощались.

Вот таким образом начались недолгие приятные визиты Констанс к старику, которые помогали ей оживлять в памяти и переживать заново печальные, полные лишений годы, прожитые в военном Авиньоне. Эти посещения приносили Констанс и кое-какую информацию, так как в беседах с ней генерал вспоминал множество мелких подробностей из того смутного времени. Да и Констанс оказалась полезной генералу — добилась некоторых послаблений от руководства клиники. Ему теперь давали сигареты и вино. В конце концов, он был военнопленным и имел право получать то, что ему полагалось по чину. По мере того, как приближалось лето, Констанс все старательнее собирала и сопоставляла обрывки информации, надеясь получить ответы на

свои вопросы.

Журден постепенно оттаивал. Поначалу он был подчеркнуто холодным и даже враждебным из-за того, что Констанс не противилась переезду Сильвии в Монфаве, но позднее, оценив раскаяние Констанс, вновь стал таким, каким был прежде. Хотя, услыхав о намерении Блэнфорда вернуться в Ту-Герц, не смог совладать с ревностью. Ему было известно, что Констанс собиралась самолично всерьез заняться физиотерапевтическими процедурами, которые были частью предписанного Блэнфорду лечения, но действительно его израненная спина стала намного лучше благодаря ее заботам.

Надо сказать, самым впечатляющим из рассказов генерала был рассказ о тайниках с оружием. Его прятали и в пещерах, и в римских каменоломнях Вера, и в других местах. Отряд саперов, которому было предписано расширить каменоломни, состоял из австрийцев. Это они отказались взрывать поезд со взрывчаткой, который по приказу нацистского командования поставили на мосту. Если бы саперы подчинились, то от Авиньона ничего не осталось бы. Таким образом, австрийцы спасли Авиньон, но их самих арестовали и расстреляли — без суда и следствия, всех.

То есть двадцать человек. Благодарные горожане засыпали их могилы розами, когда немецкие войска наконец отступили на север… Вот такая история. Кстати, именно работы саперов породили настойчивые слухи об удивительном открытии, которое они сделали, пробивая пути под Пон-дю-Гар. Когда расчищали давние завалы, где было решено устроить хранилище для прибывающего оружия.

Они заявляли — во всяком случае, заявляли офицеры, руководившие работами — что в самом сердце лабиринта наткнулись на дубовую дверь, обитую железом. Ее открыли, и за нею оказался тайник, напоминающий улей. Сразу стало ясно, что тайник сооружали отличные мастера, сумевшие защитить клад от сырости. Там было спрятано множество сокровищ, тщательно рассортированных и аккуратнейшим образом упакованных. Австрийцы были потрясены: золотые бруски и монеты и целая гора драгоценных камней. А на стене — надпись, сделанная на латыни, которая указывала на то, что изначально клад принадлежал тамплиерам! Да-да! Тамплиерам! Сперва мало кто этому верил, поскольку лейтенант, командовавший австрийцами, был известным лжецом и пьяницей. Но этот лей-

тенант рассказал и еще кое-что. Чтобы на клад никто не покусился, саперы тщательно заминировали подступы к этому тайнику и наставили мин-ловушек в ближайших к главной пещере коридорах. Так что добраться до сокровищ без подробной карты невозможно, иначе все кругом может взорваться — в том числе и все эти боеприпасы, которыми набиты прилегающие пещеры и штольни! Итак, в первое время лейтенанту почти никто не верил, но и он, и его дружок, один из саперов, в качестве доказательства предъявляли драгоценные камни, якобы взятые из огромных дубовых сундуков — перед тем, как были заминированы соседние пещеры, а дверь — тщательно закрыта.

Ирония судьбы! Вот о чем подумала Констанс, услышав эту историю. «Сокровища тамплиеров, давным-давно обнаруженные, по-прежнему недоступны из-за причуд последней войны». Она печально улыбнулась, мысленно представляя мелькающие, как юркие летучие мыши, выражения на лице лорда Галена: жадности, удовлетворения, страха, досады… Если, конечно, она решится рассказать ему эту захватывающую историю, а когда-нибудь она обязательно это сделает! Опять бедного лорда одурачили! И все же…

карта *наверняка* существовала, иначе австрийцам и самим больше не видать своей находки. У кого-то эта карта хранится, и на ней помечены все смертельно опасные ловушки. Но… но ведь нацисты казнили всех саперов, не пожелавших разрушить город! И теперь вряд ли кто-то осмелится искать сокровище в подземелье, забитом боеприпасами! От всего этого можно сойти с ума! Старый генерал с сочувствием отнесся к ее отчаянью. Когда же она рассказала ему про «паломничество» к святым Мариям и про гадание цыганки, поведавшей, что сокровище существует, но его охраняют драконы, старик усмехнулся и хлопнул себя по коленке:

— Поразительно! Австрийские саперы были набраны из расформированного драгунского полка императорской армии. Они носили изображение дракона — наплечный знак отличия в память о своей прежней службе. Вот вам и «драконы», о которых говорила цыганка!

Для суеверного человека подобное совпадение имело особый смысл, и Констанс словно воочию увидела, как принц радостно хлопает в ладоши. Правда, основная проблема была все та же — как найти сокровища? По-видимому, никак. Поскольку никаких нужных сведений не было.

— Я вижу, вы взволнованы и разочарованы, — сочувственно проговорил старый фон Эсслин, ибо более близкое знакомство никоим образом не умерило восторженности и благоговения, с какими он относился к Констанс. — Я хорошо вас понимаю. Постараюсь припомнить еще что-нибудь, может быть, найдется какой-нибудь выход. Но, разумеется, было бы безумием бродить по *cache*,[110] не имея никаких ориентиров. Бунтовщики саперы не шутили. Они знали свое дело и слов на ветер не бросали.

Итак, тема была исчерпана, похоже, окончательно. А потом случилось нечто невероятное. Однажды в Ту-Герц примчался на велосипеде доктор Журден, часов в двенадцать, и сообщил о появлении Смиргела, двойного агента, о котором они постоянно вспоминали.

— Он покинул свое убежище, чтобы дать свидетельские показания в военном трибунале о преступлениях, совершенных нацистами в последние дни оккупации. Можете представить, как он боится, если собрался спасать свою шкуру и свое имя, выдав бывших коллег! Во всяком случае, так мне кажется. Неисправимый чело-

---

[110] Примечания: 110
Скрытое место *(фр.)*.

век, лгун, каких мало. И все-таки он даже меня восхищает, как редкий экземпляр. Меня как профессионала поражает, что ему удается не впасть в острую паранойю! Удивительно, ничего не скажешь!

Обри Блэнфорд, который все слышал, хотя в это время раскладывал пасьянс, сказал:

— Наверно, ему самое время писать романы?

Журден улыбнулся.

— Так или иначе, но он самым нахальным образом заявился ко мне, требуя, чтобы я налил ему чего-нибудь покрепче, а еще попытался прощупать меня: готов ли я дать свидетельские показания в его пользу. Но не на того напал! И вообще я понятия не имею, чем он занимался во время оккупации, откуда мне знать? Констанс, я сказал, что вы спрашивали о нем, так как хотите побольше узнать о своей сестре и о том, чем же все-таки она занималась. Похоже, его это удивило и озадачило. Мне показалось, что ему не хочется с вами встречаться. Я даже испугался, — как бы он опять не исчез. Но потом мы немного поговорили, он успокоился и терпеливо меня выслушал. Я стал напирать на то, что вы можете стать для него ценным свидетелем в случае неприятностей с трибуналом. И поэтому в его интересах помочь

вам. Неожиданно он смилостивился и согласился с вами встретиться, при условии, что только вы будете знать о месте вашего рандеву. Свидание назначено на четыре часа — вот почему я торопился. А вот записка от него с уточнением всех деталей.

Доктор вынул из кармана запечатанный конверт со словами:

— Уф! Я совсем запыхался, но теперь, когда долг исполнен, хорошо бы выпить стакан вина перед тем, как отправиться в обратный путь. Не будете ли вы так добры…

Констанс и Блэнфорд поспешили исполнить желание доктора, и все трое некоторое время посидели на террасе, в тени яблонь, пока Констанс, нетерпеливо вскрыв конверт, с любопытством и радостью читала послание, написанное мелким неразборчивым почерком неуловимого Смиргела. Письмо, между прочим, написано было по-немецки — значит, он не забыл! «Мадам! Насколько я понял со слов нашего общего друга, доброго доктора Журдена, вы хотите встретиться со мной. Я готов выполнить ваше желание, но прошу принять некоторые условия, которые из-за моего теперешнего положения и теперешних забот кажутся мне необходимыми, ибо я не

распоряжаюсь собой, и к тому же очень занят. Итак, буду ждать вас завтра между четырьмя и пятью в Монфаве, в церкви, которая вам отлично известна. Надеюсь, это вам удобно. Искренне ваш…» Вместо подписи стояла закорючка. Констанс убрала письмо в конверт и поблагодарила Журдена за посредничество. Пока она читала, мужчины решили, что доктор останется на ланч, и очень скоро из кухни донесся многообещающий перестук кастрюль.

Солнце уже начало клониться к западу, когда Констанс села в автомобиль и поехала знакомой дорогой в город; Журден сидел рядом с ней, так как она уговорила его сложить велосипед и убрать его в багажник. Сначала она отвезла доктора домой, а потом отправилась на тенистую площадь, окруженную тихими оливами и кипарисами. Припарковавшись возле больничной стены, Констанс заглушила мотор и какое-то время сидела неподвижно, вспоминая то странное свидание с Ливией — как раз в этом живописном месте. Свидание, оказавшееся последним. Она словно наяву слышала, как Ливия, словно бы через силу, сообщает ей, что лишилась глаза. Словно наяву видела фигуру сестры, прятавшей лицо, будто стыдящейся своего увечья. Как же она

все-таки лишилась глаза? Размышляя обо всех этих полузабытых событиях, Констанс медленно пересекла залитую солнцем рощу и переступила порог тихой церкви. Там никого не было и стоял полумрак, так как солнечные лучи туда не проникали. Подойдя к боковому приделу, Констанс остановилась, повернувшись спиной к написанной маслом картине, к изображенным на ней нелепым и бестактным свидетелям прошлого. На стене висела мемориальная доска с надписью, напоминающей о давно забытом священнике.

ICI REPOSE

PLACIDE BRUNO VALAYER

Evêque de Verdun

Mort en Avignon

en 1850[111]

Картина была неважной, да и время ее написания не было отмечено ничем особенным. До чего же тусклыми, отрешенными, невыразительны-

---

[111] Примечания: 111

Здесь покоится Пласид Бруно Валайе, епископ Верденский, умерший в Авиньоне в 1850 году *(фр.)*.

ми были лица тех троих, кому был посвящен этот тихий храм. Впрочем, не совсем тихий — снаружи, в гуще зеленых листьев вдруг запел соловей, но почти сразу умолк, точно устыдившись, что слишком рано подал голос.

Констанс приехала немного загодя, и пока можно было не беспокоиться, что Смиргела еще нет. Она на минуту закрыла глаза, чтобы получше представить себе прошлое. Этот роскошный тихий уголок, освещенный неяркими лучами вечернего солнца, был самым подходящим местом для одинокой души. Отсюда одинокий мечтатель, преодолев полное жизни безмолвие и одномерные равнины осмысленного безрассудства, наконец-то отправится туда, где, благодаря мистическому озарению, можно выйти на новый путь к свету! Итак, к новой цели — попытаться сделать так, чтобы смерть стала сознательным актом! Погруженная в эти непростые размышления, Констанс, присевшая на скамью, вдруг почувствовала, что засыпает. А потом ее словно что-то напугало. Она, вздрогнув, проснулась и увидела Смиргела, бесшумно вошедшего в маленькую церковь. Через миг он уже сидел рядом, с улыбкой вглядываясь в ее сонное лицо. Констанс все никак не могла одолеть дрему.

— Ну, конечно же, это вы, — проговорила она.

— Неужели я так переменился?

По правде говоря, переменился. Очень исхудавший, в поношенной одежде, совсем коротко постриженный — и совсем седой. Однако хитрый неукротимый взгляд остался прежним. Смиргел плутовато прищурился.

— Даже не представляю, что нового я могу сообщить, однако постараюсь быть вам полезным. А вы? Выручите, если мне потребуется помощь? Полагаю, Журден сообщил вам, что меня вызывают в трибунал для дачи показаний насчет так называемых «преступлений накануне краха», нашего краха? Но на самом деле я работал на англичан, заручившись их обещанием, что после войны меня защитят. А теперь, под предлогом того, что я якобы был Двойным агентом, работавшим на своих, они заявляют, будто ничего мне не должны! Ну что вы на это скажете!

Он было вскочил, но вновь сел на скамью и сокрушенно покачал головой. Констанс было ясно, что лучше не заключать с ним никаких сделок.

— Боюсь, не могу ничего обещать — скажу прямо. Я тоже не могу ставить никаких условий. Мне просто любопытно узнать побольше о моей сестре и ее странной трагической смерти. Кажет-

ся, вы неплохо знали Ливию, однако в то время я вас ни о чем не спрашивала. Во время войны это было не совсем уместно. Теперь же все иначе, и я подумала, что могу задать вам несколько вопросов. Понимаете?

— А! Ливия! — произнес он, тяжко вздыхая. — Никому не дано узнать всю правду о Ливии!

То ли Констанс показалось, то ли он действительно старался скрыть досаду, когда говорил это? Словно мысль о Ливии неожиданно загнала его в западню ненужных воспоминаний и желаний. Констанс вгляделась в Смиргела и теперь заметила, что на его хитром лице проступили страдальческие морщины. Он глубоко задумался — возможно, восстанавливал в памяти лицо с пустой глазницей.

— Конечно же, — произнес он вдруг охрипшим голосом, — не стоит и говорить, как она умела привязать к себе — вам это и самой отлично известно! Но мои воспоминания простираются гораздо дальше, ведь мы встретились с ней еще до войны, когда были очень-очень молоды. И я ничего не знал ни о вас, ни о вашей семье, ни о вашем доме. Изучал археологию, специализировался на реставрации всяких раритетов: картин, керамики, стекла и так далее. Археологическое

общество послало меня в Авиньон, чтобы я помог отреставрировать самую известную из здешних картин. Я был юн, горяч, искренне верил в идеи национал-социализма, как тогда верили все немцы. На мое удивление, она тоже в них верила. Вы не представляете, какая это удача для немца — найти англичанина, который верит в то же, во что верит он. Тем более девушку, да еще на редкость красивую. Вот такая вдруг удача. Естественно, я влюбился. Сделался ее рабом. Мы встречались каждый день возле великой картины. Она подавала мне кисти и краски. У нее было ангельское терпение. Но иногда она на несколько дней исчезала и никогда не говорила, где пропадала. Мы стали любовниками, и я был на седьмом небе от счастья. Однако вскоре меня стал грызть червь сомнения. Казалось, будто в глубине души, в самой глубине души у нее есть нечто, мешающее полностью отдаться любви. Словно бы она прислушивалась к звучавшей вдали музыке или каким-то голосам; из-за них она оставалась отстраненной, задумчивой, и это сбивало с толку, внушало разочарование, оставляло осадок неудовлетворенности, несмотря на страстные ласки. Я чувствовал себя обманутым и не раз предлагал расстаться, но она уговари-

вала меня не бросать ее, причем с такой пылкой настойчивостью, что я продолжал оставаться ее покорным слугой. Мне было ясно, что я люблю ее, но она не отвечала мне любовью, во всяком случае, ее любовь была гораздо слабее. И я не понимал, почему. Но как-то, во время одного из ее исчезновений, мне невольно удалось узнать то, что она старательно скрывала. Какой-то цыган пришел и сказал, что она зовет меня, потому что заболела, потому что накурилась всякого *дерьма.* Так и сказал. Он повел меня в район, который называется Ле-Баланс, и там, на втором этаже полуразрушенного дома, — скорее всего это был бордель, — я нашел ее. Совершенно больную, цыган все верно сказал. В чем причина болезни было ясно с первого взгляда. Я перепугался, и все не мог решить — звать врача или не стоит. Потом подумал, что лучше отвезу ее к себе домой, так сказать, в более приличное место. А уж потом позвоню врачу.

Он умолк, чтобы закурить сигарету. Констанс не поверила своим глазам, когда увидела, что у него дрожат пальцы, ведь говорил он сухо и монотонно, не выражая никаких эмоций. И его лицо оставалось отрешенным, вероятно, это было притворное равнодушие. После недолгих сомне-

ний — словно он еще не решил, в каком виде подавать факты — Смиргел продолжил рассказ, теперь уже более живо.

— У цыгана была двухколесная телега, он возил на ней товар на продажу: одежду, всякое старье. Я упросил его положить спавшую Ливию на телегу и накрыть платьями и одеялами. Утро только начиналось, и никто не видел, как мы катили телегу по пустым улицам. В общем, принесли Ливию в мою комнату и уложили на удобную кровать, а потом я попросил хозяйку квартиры позволить ей у меня побыть. Наврал, что моя гостья заболела, съела что-то слишком острое — обычное дело. Так как у меня была репутация человека серьезного, у которого на уме одни книги, то все обошлось. Хозяйка вызвала молодого врача, который оказался тактичным и добрым малым, и я полностью доверился ему, отчего мне сразу стало легче. Примерно неделю Ливия почти не просыпалась, так что мы еле успевали покормить ее. Но почти все время, что она спала, у нее были галлюцинации, видения, тогда я и сделал неприятные для себя открытия относительно ее прошлого. Из-за этого своего кошмарного состояния она признавалась мне в таких вещах, в которых ни за что бы не призналась, находясь в

здравом уме. Так я узнал про ее брата Хилари…

Смиргел в смятении вскочил на ноги. Его вдруг осенило, что в церкви курить не полагается, и он направился к двери, чтобы выбросить сигарету.

— Хилари! — недоуменно воскликнула Констанс, когда вставала, чтобы пропустить Смиргела. — Но при чем тут Хилари?

Он пристально, исподлобья, посмотрел на нее, словно его удивил ее вопрос, словно она должна была знать, быть *au courant*[112] того, о чем он собирался рассказать. Выбросив окурок, Смиргел вернулся и жестом предложил ей сесть. Он словно бы попросил: «Пожалуйста, сядьте, мне нужно еще кое о чем вам рассказать». Констанс снова послушно уселась на скамью под картиной, и ее вдруг охватил страх. Хилари, о котором она давно не вспоминала, вдруг обрел плоть и кровь. Он участвовал в боевых действиях в составе разведывательной группы и был убит; до Констанс дошли вести о том, что его сбросили с парашютом на помощь французскому сопротивлению, но он попал в руки немцев. И это все, больше никаких сведений.

— Мой брат Хилари, — тихо проговорила она, —

---

[112] Примечания: 112
В курсе *(фр.)*.

готовился принять духовный сан. В тот момент, когда разразилась война. Он был пацифистом, поэтому хотел удалиться в один шотландский монастырь и порвать все связи с нами. Тот монашеский орден, к которому он принадлежал, требовал от своих братьев молчания, так что в этом нет ничего странного. В монастыре он провел несколько лет, но постепенно изменился, несколько умерил требования к себе. Тогда-то и пошел служить в разведку, попросив отправить его во Францию. Его отправили туда, однако он попал к немцам и был казнен. *Voilà!* Это все, что мне известно. Собственно, я не пыталась больше ничего узнавать — он погиб, и все остальное не имеет значения!

— Надеюсь, то, что я собираюсь рассказать, не расстроит вас и не покажется отвратительным… Но вы должны знать, почему я так ненавидел Хилари. Все из-за нее, из-за Лив. Не впервые, конечно, брат соблазнил сестру, в истории были примеры. Увы, на меня это произвело тягостное впечатление. Из откровений Ливии я понял, что из-за этой пагубной страсти она утратила душевное равновесие. Но ни он, ни она не могли с собой совладать. Справедливости ради, скажу: он не раз оплакивал свою участь, не раз пытал-

ся сбежать от сестры, пытался освободиться от бремени, уйти к другой женщине. Но ничего не получалось. Тогда я понял одно: это он виноват и в моем несчастье, это из-за него Ливия не может стать нормальным человеком, вылечиться. Он, как магнит, притягивал ее к себе. Пока был жив ее обожаемый брат, все остальные отношения не имели для нее ценности. Ужасно, правда? И ведь я знал, я все знал, и это отравляло мне жизнь. Жажда мести не давала мне покоя, и в конце концов, совершенно случайно, судьба подарила мне шанс…

На лице Констанс, по-видимому, отразилось удивление, может быть, даже отвращение, потому что он вдруг умолк и вопросительно посмотрел на нее.

— Вы позволите мне продолжить? — спросил Смиргел. — Я совсем не хотел причинить вам боль, просто некоторые из моих поступков невозможно объяснить; если бы я так сильно ее не любил, я бы ничего такого не сделал. А кое в чем я хотел бы и оправдаться.

— Конечно, — проговорила Констанс, невольно став жертвой своих воспоминаний. Однако теперь она по-другому смотрела на прошлое, словно оно заново высветилось и ожило в ее па-

мяти. — Конечно, — повторила она, — нам надо обязательно, во что бы то ни стало, Докопаться до правды, ведь все мы столько перестрадали.

Смиргел откашлялся и продолжил мучительный рассказ — было видно, что это погружение в прошлое стоило ему немалых усилий.

— Что касается моего мировоззрения… то ход событий был примерно таким: мне понадобилось несколько лет, чтобы разочароваться в нацистской идеологии и устыдиться собственной бездеятельности, принимая во внимания нацистские доктрины и деяния. Тогда я стал искать пути и средства, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Решил предложить свои услуги англичанам. Но как выйти на них? И я рискнул. Написал откровенное письмо на Би-Би-Си и доверил его — безрассудство, конечно — человеку, у которого был паспорт нейтральной страны, собиравшемуся ехать в Африку. Вот уж натерпелся я страха, ведь письмо могли найти, конфисковать… А потом я получил послание с абонементного почтового ящика в Авиньоне. Позднее познакомился с его владелицей. Это была молодая француженка, возглавлявшая отряд патриотов. Благодаря ей мне удалось приобрести передатчик, узнать код и волну — вот

так у меня появилась прямая связь с Лондоном, чего я, собственно, и добивался. Естественно, потребовалось время, чтобы претворить в жизнь *bona fides*,[113] в конце концов это получилось. Вам, возможно, это покажется смешным, но обе стороны, хоть и не доверяли мне, жаждали именно с моей помощью проникнуть в тайны друг друга. А все из-за очень уж лакомой информации, которой я владел — сначала для одних, потом для других. Как ни парадоксально, они были готовы смириться даже с тем, что я двойной агент, даже с тем, что я могу снабдить их дезинформацией! Я удачно вел двойную игру, когда заявился к вам и попросил взглянуть на поставивший меня в тупик документ, о котором вы, верно, и не помните. Как мне стало известно позднее, документ был подлинным. Я же лелеял тайную надежду понравиться вам и поговорить по душам, однако вы не поверили мне, и я не решился на откровенный разговор, хотя, конечно же, все, что произошло, не говоря уж о трагической развязке, ужасно мучило меня — можете себе представить.

Прижав палец к подбородку, Смиргел некоторое время молчал, словно его терзали угрызения

---

[113] Примечания: 113
Честные намерения, благонадежность *(лат.)*.

совести, и словно он сомневался, стоит ли дальше откровенничать. Потом он побледнел еще сильнее, и помотав головой, вдруг выпалил:

— Это так тяжело, но… но я не могу скрыть от вас, что был причастен к смерти вашего брата — и в какой-то степени к смерти Ливии.

Он опустил узкую голову — будто вырвавшиеся слова придавили его, как тяжкая ноша, будто ему самому было трудно осознавать их смысл. Смиргел молча, в одно мгновение обессилев от непомерной муки, глядел на Констанс, сделавшись похожим на больного грифа.

От услышанного Констанс лишилась дара речи, настолько она была потрясена. Она была не в состоянии выразить свое отношение к тому страшному, ужасному, что сейчас услышала. Однако к невероятному удивлению примешивалось недоверие. Всякого, кто вступал в какие-либо отношения со Смиргелом, тотчас осенял своим крылом ангел сомнения. Неизбежно у людей возникал вопрос: какие тайные мотивы движут этим человеком? Впрочем, если все это неправда, зачем бы он стал рассказывать об этом ей, Констанс? Зачем касаться темы, которая и для него не менее болезненна?

— Продолжайте, — с усилием произнесла она,

словно упрекая его за трусость.

Тогда он встал со скамьи и, заложив руки за спину, начал шагать туда и обратно по узкому проходу, мысленно подбирая все нити своего неспешного повествования.

— Теперь вы понимаете, что я был довольно тесно связан с Сопротивлением, которое быстрыми темпами становилось реальной силой, в основном из-за дурацкой политики рейха, сделавшего ставку на рабский труд. Из-за этого молодые люди убегали в горы. Вскоре в Севеннах шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на беглеца. Есть там, конечно же, было нечего, и им сбрасывали с воздуха не только оружие, но и еду, особенно когда сформировались военизированные отряды. Несколько таких отрядов я выдал нашим, чтобы укрепить свое положение, но далеко не все. Лучшим укрытием для них стали густые леса вокруг Ласаля и Дюрфора — там ведь везде горы. И наши войска, и полиция Виши часто прочесывали эти леса, однако им редко когда удавалось застать партизан врасплох. Естественно, действия партизан были под пристальным вниманием Лондона и Марселя, откуда время от времени посылали людей, чтобы они все разузнали на месте. Число сброшенных на парашютах

агентов постоянно росло. Конечно, я тщательно все это отслеживал, тем более что в Лондоне безоговорочно мне доверяли и передавали много секретной информации, частью которой я по понятным причинам делился со своими. И вот однажды я получил из Лондона некоторые вопросы, которые заставили меня насторожиться. До них там дошли слухи, что Ливия состоит в армейском подразделении, которое несет гарнизонную службу в Авиньоне. Не спрашивайте меня, как они об этом узнали, понятия не имею. Но какой-то человек оттуда пытался установить «контакт». Лондон сообщил, что это «близкий родственник». Поначалу мне даже в голову не пришло, что этим человеком может быть ее брат. Ведь он бесследно исчез, и я никак не был готов к его появлению в качестве командоса, которого сбросят с парашютом в районе Ласаля. Что ему поручат подготовить отряды Сопротивления для дальнейшего приема сброшенных самолетами союзников. Так вот. Когда я сообразил, что это действительно он, мною завладела ненависть. Ненависть! Чудовищная ненависть!

— Это не самое приятное и не самое изысканное чувство, — продолжал Смиргел. — Я даже сам удивился, что способен так сильно ненави-

деть. Потому что начал действовать как во сне, с холодным автоматизмом, совершенно забыв о каких-либо моральных обязательствах. И то, что потом случилось, не было заранее продумано, ни единого шага. Во всяком случае, мной это точно не было продумано. Все случилось как будто само собой, по воле судьбы, рока или чего-то там еще. Кстати, когда я узнал, что речь идет о Хилари, что его хотят сбросить с парашютом в наши места и что он надеется увидеться с нею, я ничего не сказал Лив, хотя, конечно, стоило бы посмотреть на ее реакцию. Смогла бы она устоять, узнав о намерениях брата, то есть любовника? Да и вообще, чего Хилари хотел от их встречи? И чего Лондон ждал от предстоящей операции? Это мне было не очень понятно. Но все равно я ликовал. Человек, ставший причиной моих несчастий, скоро окажется в моей власти, и я смогу покончить с ним, причем без особых усилий. Просто выдать его милиции Виши или позволить армейским людям арестовать его и судить. Но сначала надо было обеспечить ему безопасность. Высоко в Севеннах я тщательно подбирал площадку для приземления. И опять же было что-то фантастическое в том, с какой легкостью мне удалось провести всю операцию. Хилари ничего не заподозрил,

когда я сообщил ему, что его сестра готова с ним поговорить. Неудивительно, что после долгого времени мы с ним не узнали друг друга — собственно, так оно и должно было быть. Виделись мы от силы пару раз, да и то мельком. Я бы и не догадался, что это он, если бы не предварительное сообщение из Лондона. Ну а дальше… уже проще простого было арестовать его, посадить в джип и отправить в Авиньон. Он, разумеется, сразу догадался, что стал военнопленным и вся операция провалилась. Ну а я привлек к делу и наших армейских, и французскую милицию, поэтому Хилари был в некоем роде их общим пленным. И как раз с этого момента и начались мои трудности. Ибо я все меньше мог контролировать ситуацию. Его заперли в авиньонской крепости, чтобы подвергнуть допросам, и обе разведки принялись выяснять, кто он и зачем прибыл во Францию. Из-за того что ваш брат до войны жил в Провансе и отлично знал язык и здешние места, им заинтересовалась милиция, объявившая его обыкновенным преступником — он не был в форме, когда его арестовали. Естественно, его в любом случае ждала смерть — обе разведки имели право, закончив с допросами, учинить расстрел… в чем я как раз и был заинте-

ресован. К несчастью, из-за всей этой возни Лив тоже попала в поле их зрения.

Вам, конечно же, известно, что в жизни Ливии, в выбранной ею жизни, всегда была некая двусмысленность, и нашлись люди, которые разузнали о ней все, включая ее политические и философские взгляды. Во время войны в задачу контрразведки входит подозревать всех и каждого в возможном предательстве. А ведь Лив не очень-то любили. И чем больше узнавали о ней и ее семейных связях с довоенным Провансом, тем меньше доверия она вызывала. А тут еще брат прилетел из Англии, чтобы встретиться с ней. Ну, и безмозглые, но слишком старательные типы, которых, вроде кишечных паразитов, полно в департаментах разведки, принялись вынюхивать и выспрашивать — я тоже этим занимался. Ужас в том, что все, что они накопали, так или иначе дискредитировало Ливию, а такого развития событий я никак не ожидал. Когда я сказал ей о приезде и аресте ее брата, она побелела, как полотно, и села, нет, упала на стул, потрясенная этим известием. И сразу, естественно, поняла, что его неминуемо ждет смертный приговор. Ведь мы, разумеется, ничего не можем предпринять для его спасения? — с явной иронией спросила

она меня. И я не знал, что ей ответить, так как в мои намерения не входило его спасать. Однако она так переживала, что я совсем растерялся, и тогда она сказала, что должна повидаться с ним, должна с ним поговорить. А его уже пытал лишенный всякого воображения следователь из милиции, задавал кучу дурацких вопросов, достойных пятиразрядного средневекового инквизитора, на которые Хилари не дал ни одного прямого ответа. Материалов для следствия явно было маловато. И мне удалось убедить следователей разрешить брату повидаться с сестрой. Дескать, это хорошая возможность раздобыть дополнительные факты. Достаточно установить микрофоны — там, где будет проходить свидание. На это они клюнули, во всяком случае, свидание состоялось. Здесь. Они сидели как раз на этой самой скамье! Да, понимаю, не совсем понятно, зачем надо было назначать встречу в том же самом месте, но мне оно показалось подходящим для нашей истории — моей истории, ведь я довольно часто прихожу сюда, сижу тут один и думаю о Лив. Я очень виноват. И все же не стоит винить в свалившихся на нас несчастьях себя самих, это — рок, судьба! Их встречи проходили здесь, прямо здесь, на этой скамье, и все беседы

аккуратно записывались на восковые валики. Вы сами можете их послушать, если пожелаете. Для разведки в них не было ничего интересного — всё только о невероятной, о нечестивой любви. А у меня стынет кровь, когда я это слушаю, потому что сразу вспоминаю, почему наша любовь потерпела неудачу…

Смиргел смертельно побледнел, весь напрягся; и голос у него слабел по мере того, как рассказ близился к завершению. Он подошел и, сев на скамью рядом с Констанс, обхватил голову руками. Потом закрыл глаза и заговорил почти шепотом:

— Вам, наверное, не хочется меня слушать — слишком больно. Но я надеялся на ваше расположение и доверие, когда решился рассказать вам все. Кстати, кое-что в их разговорах касалось и вас. Ливия сказала ему: «Ты выбрал меня только потому, что Констанс оказалась тебе не по зубам — она была влюблена в Обри. Но по-настоящему ты любил только ее и хотел тоже только ее!»

До чего же туго затянут узел мотивов, которые движут человеческим сердцем. (Так думала Констанс. И еще она думала, что человек иногда несет моральную ответственность за дела, ситуации, желания, о которых не имеет ни малейшего понятия.)

— Продолжайте, — сухо, сдавленным голосом проговорила Констанс, так как была в замешательстве — рассказ Смиргела потряс ее, перевернул всю душу. Если бы ее самое попросили ответить на ее вопросы, ей даже в голову не пришло бы ничего подобного тому, что она услышала. Правда, которой она так жаждала, оказалась такой многогранной, затейливой… Хилари и Ливия! И потом, в довершение всего, она вспомнила о своем присутствии в этой истории, ведь, получается, это она невольно несет дхармическую вину за то, о чем даже не догадывалась… Запинаясь, Смиргел стал рассказывать дальше.

— Значит, продолжать? История-то не из счастливых. Итак, Хилари попал не в гестапо, а к французской милиции, во главе которой стоял бывший полицейский, люто ненавидевший англичан, жаждавший повышения. А обуревавшую его жажду крови не могли утолить даже смертные приговоры. Просто убить — этого было мало для его незатухающей ненависти, которая произросла на тайном стыде и трусости. Мужчины, которые боятся срезать волосок с головы женщины, обычно жалки и трусливы, но отрезать или отрубить могут что угодно. Вот почему мы, немцы, старались держаться подальше от французов.

Этот блеклый ужасный человечек предложил использовать новую гильотину, которую ему прислали из Виши, то есть испробовать ее на Хилари! Естественно, я хотел его смерти, но не я выбирал вид казни, и с этим уже ничего нельзя сделать, и я еще не учел, что все это рикошетом попадет в Ливию. Я как мог оттягивал суд, но я не мог тянуть вечно, к тому же пленник теперь был не в моей власти. Его судили французы и приговорили к смерти. А вскоре арестовали Ливию и подвергли допросам, французов что-то заинтересовало в записанных беседах, и они рассчитывали выудить полезную информацию — вздор, конечно! Как бы то ни было, Ливия оказалась в крепости, в соседней с братом камере. От священника, который должен был их утешить, она узнала, что наутро собираются гильотинировать Хилари, одного его. У ее брата не было надежд на спасение, так как его осудил тайный трибунал — тогда у полиции были свои законы, и за многие личные обиды люди расплачивались вот таким образом. Но худшее было впереди — за возмутительное поведение и отказ содействовать милиции в расследовании преступления они решили Ливию наказать: привести ее в тюремный двор, чтобы она увидела казнь брата. Там

наконец-то поставили новую гильотину. На днях мне попался в руки милицейский журнал, где изложены подробные инструкции относительно того, как нужно пользоваться гильотиной.

В Виши особые трибуналы, начиная с четырнадцатого августа сорок первого года, должны были проходить под председательством представителя вооруженных сил и имели специальные полномочия, в частности, выносить смертный приговор всем выявленным коммунистам и анархистам. Первой должна была умереть уличная девка, цыганка по имени Гитта. Я помню несколько коротких фраз: *«M. Défaut, l'exécuteur des hautes oeuvres, a commencé son travail à l'aube, à echancrer la chemise autour du cou, entraver les pieds avec une ficelle et d'attacher les mains derrière le dos...»*[114] — весьма детализировано. О Хилари там упоминается всего лишь как об *espion anglais*.[115] Гильотину называют *les bois de justice,* или оленьими рогами. Рядом палач поставил

[114] Примечания: 114

«Г-н Дефо, заплечных дел мастер, взялся за работу на заре, обмотал рубахой шею, опутал ноги веревкой и связал руки за спиной» *(фр.).*

[115] Примечания: 115

Английский шпион *(фр.).*

deux grandes corbeilles en osier,[116] а его помощник схватил Ливию за руки и притащил поближе. Его звали Вореппом, и позднее он покончил собой, потому что, по словам его жены, не мог выносить *bruit sourd*[117] падающего ножа, который он не мог ни на минуту забыть. Хилари, задыхавшийся оттого, что его крепко держали за шею, вырывался, она тоже, пока, наконец, милиционерам не удалось прижать его голову к похожей на полумесяц стальной выемке и опустить тяжелый нож. Вот тогда-то она и нанесла себе рану, из-за которой потеряла глаз. Она как-то ухитрилась сорвать кинжал с ремня у одного из охранников. Она хотела заколоться, но ей помешали. Ливию отнесли в гарнизонный изолятор, сделали укол и уложили в постель. Все было кончено!

Он судорожно всхлипнул и умолк. Констанс тоже молчала, как ей показалось, целую вечность, рисуя в воображении жуткую сцену и прокручивая ее раз, два, три, словно кинопленку… в конце концов ей стало так плохо, что она испугалась… за свой рассудок… Что она могла ему сказать? Ведь это ей приспичило искать ответы

---

[116] Примечания: 116
Две большие корзины из ивовых прутьев *(фр.)*.

[117] Примечания: 117
Глухой стук *(фр.)*.

на вопросы — и вот они ей известны, но *таких* ответов она никак не могла предвидеть! К тому же, и для самого Смиргела эта исповедь оказалась мучительной. Констанс смотрела на него с любопытством, стараясь понять, что подвигло его на подобное представление.

— Чего вы ждете от меня? — спросила Констанс. — Очень хотелось бы знать.

Он тяжело вздохнул и несколько секунд, видимо, собирался с духом.

— Я хочу, — наконец начал он, — встретиться с лордом Галеном. Если это возможно. У меня есть для него важное сообщение, я могу быть ему полезен, даже необходим. Мне известно, что вы знакомы с ним, и сейчас он где-то в Провансе. Ведь так?

Констанс с любопытством смотрела на руки Смиргела: как он то сплетает, то расплетает пальцы. Он уже не был таким бледным, как прежде; когда переменилась тема разговора, на Щеках Смиргела проступил румянец.

— Зачем вам это понадобилось? — просто из упрямства спросила Констанс. — Я же должна что-то знать, знать, ради чего буду просить старого Галена вас принять.

Смиргел нетерпеливо тряхнул головой.

— Извольте. Насколько я понимаю, я должен рассказать вам все. Боюсь показаться скучным, ведь вас это никак не касается. Зато может заинтересовать его, и он тоже мог бы оказать мне добрую услугу: защитить меня во время суда, который состоится в Авиньоне в ближайшие месяцы — тогда мне очень понадобятся поручители столь высокого ранга. Ему не придется поступаться своей совестью, потому что в моем досье полным-полно фактов, говорящих в мою пользу. В конце концов, я *действительно* работал на англичан, и они это наверняка подтвердят. Но я хочу стопроцентной уверенности, поэтому предлагаю лорду Галену нечто уникальное, то, что он искал много лет, — сокровище тамплиеров! Если вернуться немного назад, то нужно отметить, что моим самым большим помощником был тогда доктор Журден — от него я узнал обо всех вас. Так вот. Во время войны ему пришлось поместить в свою психиатрическую клинику молодого француза по фамилии Катрфаж, который работал на Галена и как раз вплотную занимался тамплиерами. От него — отчасти из его бреда, потому что он не всегда владел собой, — я узнал, сколько сил он положил на проект, благодаря которому надеялся разбогатеть. Он рассчитывал получить

половину или третью часть! Естественно, меня это очень заинтриговало. Когда Катрфажа перестали допрашивать, я не потерял его из вида и, слегка припугнув его неудовольствием гестапо, вытащил из него весь исторический и топографический материал, которым он располагал во благо лорду Галену и египетскому принцу, тоже причастному к этому проекту. Ну а потом в районе Пон-дю-Гар начали расширять и укреплять заброшенные, римских еще времен шахты, чтобы разместить там прибывающее в долину Роны вооружение, которое могло понадобиться в случае масштабных сражений за юг Франции. Их так опасалось немецкое командование — и не без оснований!

Однако все саперы, задействованные в операции, были австрийцы, известные бунтовщики. Они, конечно, работали, но все выискивали возможности для саботажа. Расчищая место для складов оружия, они с такой тщательностью минировали подземные пещеры, что сравнительно слабый основной взрыв должен был повлечь за собой множество других взрывов, из-за которых все могло взлететь на воздух — даже Пон-дю-Гар! Они так расположили провода, что пять взрывателей, или детонаторов, могли быть поставлены

на нужные места в течение нескольких минут. Вот тогда-то они и набрели на дверь в скале, которая вела в пять сообщающихся пещер с великолепной каменной кладкой. Выходя наверх, они выносили оттуда драгоценные камни, которые, конечно же, было трудно продать, разве что цыганам. Я и узнал об этом от цыгана, который «помогал» мне в Других изысканиях. Потом я вступил в контакт с сапером Шульцем, этот их сержант был жутким пьяницей. Они вместе с еще одним сержантом считали, что это они нашли клад. Поэтому Шульц «запер» пещеру, намереваясь сохранить богатства для себя. Но внезапно кардинально изменилось положение на фронтах, и мы спешно собрались эвакуироваться. Вот тут на сцене и появился поезд со взрывчаткой. Мстительный, злопамятный генерал, командовавший отступлением, решил взорвать его и разрушить город — это был его прощальный подарок. Он поставил на железнодорожном мосту поезд и приказал саперам начинить его минами. Замысел был таков: когда основные силы отойдут на значительное расстояние от города, люди из арьергарда просто нажмут на нужную кнопку и устроят взрыв, непредсказуемо мощный. Ну да, Авиньон мог бы стать одной большой ямой!

И вот тут-то пьяница Шульц, который сроду не совершал ни одного осмысленного, тем более великодушного поступка, приказал своим подчиненным саботировать приказ! Они было попытались забаррикадироваться в туннеле, однако гарнизон получил задание с помощью танков вытащить их на белый свет. Танки выполнили поставленную задачу, и австрийцы были арестованы. Расправа была скорой. Их поставили к стенке на городском кладбище и расстреляли за предательство. Потом горожане в знак благодарности осыпали их общую могилу розами. Но пока искали могильщиков, расстрелянные почти неделю пролежали возле стены, и как-то ночью, вооружившись фонариком, я решился обыскать трупы. Надеялся, если повезет, найти карту. Я точно знал, что она существует, карта расположения пещер со всеми секретными минами. Без этой карты соваться в пещеры и искать сокровища — полное безумие! Шульц погиб последним — его заставили смотреть, как умирают его товарищи. Карта была при нем!

Мне потребовалось время, чтобы разгадать шифр, который он использовал — в основном, там были задействованы сокращения, принятые у электриков. Но в конце концов я разобрался,

разобрался и в сложной системе минирования. Это когда один взрыв должен повлечь за собой неизвестное количество других взрывов. Отыскал грот, в котором спрятаны входное и выходное устройство и взрыватели. Оставались кое-какие неясности, но из долгой беседы с Катрфажем я узнал о расположении отсеков пещеры в виде *quincunx.* В архитектуре такая форма используется, чтобы обеспечить приток священной силы. Что-то вроде батарейки, в которой аккумулируется священная сила. Она изливается в землю. Происходит заземление — все как с электрическим током. Этот магический «ток» должен был создать что-то вроде «электрического поля» вокруг сокровища и защитить его, пока люди не научатся преодолевать его. И таким образом — в алхимическом аспекте — далее использовать для поддержания некого мирового банка, благодаря которому человек и сможет получить это все — так сказать, свое земное наследство. Формулировка довольно путаная, понимаю, но я не очень-то разбираюсь в таких вещах. У меня гораздо более простой и практичный взгляд на сокровища, как у самого лорда Галена. Полагаю, эти богатства могут обеспечить не иллюзорную, а вполне реальную защиту тому, кто видел, ка-

ким опасным и ужасным может быть человек. Другого пути защитить себя, кроме как завладеть деньгами и создать силовое поле из денег, нет. Такова моя точка зрения. Деньги — самая священная из всех священных сил. Итак, мне хотелось бы, чтобы мой проект заинтересовал консорциум лорда Галена. Собственно, лишь я один — ведь остальные погибли — могу предложить безопасный путь к сокровищам, больше ведь никто не рискнет, там же мины. В данный момент нет никакой возможности хоть примерно вычислить, сколько поставлено на карту. Но сумма наверняка грандиозная, и, естественно, нам необходимо все хранить в тайне, насколько это возможно. Между прочим, я добыл лицензию на восстановление и эксплуатацию заброшенной римской шахты (к счастью, тут пока еще все принадлежит одному семейству, которое было радо получить солидный куш за лицензию), так что мы сможем закрыть всю интересующую нас территорию от любопытных, когда будем искать *quincunx* из маленьких пещерных отсеков… Теперь понимаете, почему мне так необходимо поговорить с лордом Галеном? Разумеется, я бы хотел быть равноправным партнером в консорциуме и получить равную долю от найденного

сокровища. Боже мой, неужели вы не понимаете, какие открываются возможности?

Очень долго они, не произнося ни слова, смотрели друг на друга.

— Да, я понимаю, — произнесла наконец Констанс. — Я скажу ему.

Смиргел радостно засмеялся. И они принялись обсуждать, что и как делать в первую очередь.

Глава пятая
Опадающие листья, разрозненные заметки

Цыгане знали о сокровищах тамплиеров, знали даже, где они находятся! Это знание пришло из Египта — из страны пробковых дубов, атакованных желтыми муравьями. Жимолость оплетала деревья, поднимаясь все выше и выше, словно в безумном желании напоить своим ароматом небеса. Признанные королевы пустыни — кобры; улыбки — как вздохи над тлеющими угольками. Рыжевато-коричневые песчаные дюны, сизые голуби, удоды. Бедуины, так любящие золотые украшения, сокровища из разграбленных гробниц, проданные тамплиерам! Ляпис-лазурь, аметист, алебастр, тигриный глаз, бирюза из разработок на Синае, мумии!

Листочки с записями, брошенные на ветер старого Прованса. Реальность — это то, что полностью совпадает с собой по времени: мы не совсем в ней, пока мы живы, но стремимся быть в ней — так и возникает поэзия!

Сатклифф loquitur.[118] Навеселе? Да.

В настоящей прозе полно двусмысленностей.

На чьем же трупе мухи гудят?
Размеров четыре, но точек пять;
Бесконечная реальность жива опять!

Много недель, а потом уже и месяцев лорду Галену не давал покоя один щекотливый вопрос: каковы права отдельно взятых людей в отношении спрятанных сокровищ! Ему удалось найти идеального человека для обсуждения это деликатной темы — смуглого, с крючковатым носом, с раздувающимися ноздрями: адвоката, от которого просто несло тяжбами. Это был еврей из Авиньона, чудом избежавший печальной участи других евреев. Еврей — тот же брамин, но у брамина есть крайняя плоть. Режем. Режем. Режем.

В эпоху кварков и клонов,
Радиоактивных отходов
Quinx в мистическом раже
Однажды одолеет даже
Мощь пирамиды островерхой,
И на Грааль укажет в ветхой,

---

[118] Примечания: 118
Говорит *(лат.)*.

Увы, и нищенской суме поэта -
Метафоры души ныне точнее нету!

Когда-то стихи были как крупицы золота в потоке нашего *внутреннего* времени, но мы давно стали экспертами в не-слушании — экспертами в не-взрослении.

Когда Блэнфорд сидел на веранде в Камарге, его тогда вдруг осенило: «Только закончившееся прошлое становится настоящим, и — вот он я. Все еще тут, все еще не мертвый. Однако пустыня накрыла собой все живое, и ночь накрыла все лучшее. Все (оглянитесь кругом) естественно, как и должно быть. Все в природе так или иначе связано с мистической цифрой «пять». (Пять жен Гам попы,[119] пять аскетов в оленьем заповеднике, пять сканд.)»

Пруст, столь большое значение придававший Времени, хронологии, воспоминаниям, когда речь шла об истории, тем не менее никогда не задавался очень важным вопросом. В какой момент чистые первозданные звуки водяных часов и степенная статичность длинного носа солнеч-

[119] Примечания: 119
Гам попа (букв, «человек с горы Гампо») (1079–1135) — тибетский проповедник, представитель школы кагъюпа (тибетская традиция наставлений). Пять жен — пять изначальных элементов.

ных часов сменились временем, которое творят искусственные механизмы? В сущности, это можно считать рождением нового типа сознания. Вечное тиканье механизма стало нашим тиком.

Блэнфорд запечатан в стихах,

как в чреве девственницы.

«Быть в зените — и рухнуть,

как песочный замок,

Море смывает меня — балкон за балконом,
Башню за башней, затем мост,

равелин, пандус…

Опять песчинки, песчинки,

опять бесконечные дюны,

Вечные дюны, вечный песок, песок, песок,
Песок без конца и без края».

— Эй, Сатклифф!
— Неужели вы не понимаете?

«Бывает, слепну я, подобно старику Тире-

сию,[120]

Мои глаза как будто у меня в груди —
Я всем мешаю этим

никому не нужным зреньем,

И пусть, зато мне ведомы все

будущие царства,

И не рожденные еще цари с царицами,
Увы, глаза, истерзанные морем и песком,
Не выдержали, обратились внутрь,

во Тьму.

И тот, кого нельзя назвать, нельзя любить,
Поводырем мне служит, словно пес».

Наши с ней сердца вступили в диалог; неужели, спустя столько лет, она готова принять и полюбить меня? Наши сердца, как воздушные змеи с перепутавшимися веревками. (Блэнфорд о Констанс.)

---

[120] Примечания: 120

Тиресий — в греческой мифологии слепой прорицатель. По воле богов на семь лет был превращен в женщину.

У мисс Блисс,[121] которая когда-то давно обучала его игре на фортепиано, был выраженный кенсингтонский акцент, поэтому стоило ей простудиться, и она начинала неправильно произносить слова — например, пела «Оччен, оччен шинее море» или читала «Фолшебные шкашки братьев Гримм» и «Шкашки тышячи и одной ночи». Принц глубоко чтил ее память. Часто думал о ней и при этом хитро улыбался. Лорд Гален рассказал ему об одном из своих деловых партнеров: «Кто-то заметил, что во сне он похож на еврея, так он решил всех перехитрить и не спал все время, пока продолжалась оккупация!»

Замковый камень неба, синяя Вега, тьма,
Как свободная кошка — синяя звезда,
Маяк и магнит моряков, которые
Подняв паруса, стремятся

к Полярной звезде,

Обуздывая бескрайнее море.

— Обри, вы скоро начнете писать роман. Пора уже! А я покину вас… и это после того, как мы провели столько времени вместе телом и душой,

---

[121] Примечания: 121
Английское слово *bliss* означает «блаженство». *(Прим. ред.)*

душой и телом. Великолепно было узнать вас, и, надеюсь, книга станет метафорой состояния рода человеческого, хотя это и звучит претенциозно. Однако помните, что два совратителя — ударная метафора и подходящее прилагательное — могут обернуться злейшими врагами поэта, если их не держать в узде.

Тиресий потерял глаза, но груди приобрел,
И много времени в глубоком сне провел.

Но голос Ливии в воспоминаньях жив,
Разбитый колокольчик заменил его,
Lessivee par son sperme[122] была она.

В отеле «Ронсери» есть дверь
В «Гревен», где восковые знаменитости,
Чутьем прославленные, а не умом.

Сатклифф вовлекал принца
То в пьянку, то в кутеж — как свинья в траве,
Сатклифф катался
В саду бесстыдных проституток.

Ее нижние губки были, как алебастровые пышки!
От панталон шел аромат пороха,

---

[122] Примечания: 122
Отстирана его спермой *(фр.)*.

Сачок для мотыльков из рисовой бумаги,
Пудра, пепел сигареты, бумажный носовой

платок,

Которым она коснулась губ,
Пикантный стон, когда он заплатил.
Но слышали бы вы, *как* он говорил:
И юный Катулл и Юлий Цезарь вместе;
Тори с замашками парвеню, задающий

головомойку

Политическому хаму, наглецу. А потом -
Сердце роняло лепестки,

латинские стихи.

Стихи Сатклиффа не отличались разнообразием:

Гори, сверкай, огонь небесный,
Мне подари пожар телесный,
Меж колеями двух путей -
К пурпурной шлюхе мчусь моей,
Весны томленье скорей лови -
Дадим друг дружке урок любви.

Эго (обычно говорил Аффад) есть нечто мешающее состоянию высшего посвящения — крошечные проблески целого; как если бы сквозь них проходил свет, оставляя след другой реальности. Еще он говорил: «Любовь не будет жить подачками, она требует полной самоотдачи. Если она не любит, то ваш корабль пойдет ко дну». Обри услышал, как он спрашивал С: «Что мне сделать, чтобы вы стали более живым?»

Подобны в этом лесбиянкам,
Птицы, как те — к губам губами,
Друг к дружке льнут хвостами.
Но — строго между нами -
Нашелся б член отменный,
Распрощались бы мгновенно.
Увы! Теперешние ловеласы
Точить умеют только лясы!

Грязь… Говно… Глухарь… очарованный любовью в старом Бомбее — мысль пылка, когда жива… много мыслей съедают жизнь. Блэнфорд сказал Сатклиффу: «Читать ваши стихи все равно, что вычерпывать воду из пруда, заранее зная, что труп найти не удастся».

Девчонка-сорванец с клитором, как выступ на лезвии конька, ищет того, кто найдет ей разум-

ное применение. Сатклифф: «Чтобы доставить ей удовольствие, я должен был лаять, как ее давно покойный пекинес, которого переехал автомобиль и который был похоронен в глубине сада. В конце концов, я охрип, дорогой друг! А пекинеса звали Густав».

Параличные резвуны, дряхлые весельчаки! Когда-то Абсолютная Истина сосуществовала с Возвышенным, и поэты знали, на каком они свете, во всяком случае, думали, что знали. А теперь что? Если не можешь набрать полные легкие воздуха из-за астмы, то как остудить овсянку твоей нимфы? Мужчина настолько слаб, что ему требуется покровительство женской страсти.

Взял в жены я прекрасную девицу,
Уж, точно, compos mentis[123] милая была,
На Атлантиду съездить, подивиться,
Решили мы, она и я.

Нам «С Новым годом!» бражники кричали,
А клоны их — подружек угощали, веселясь.
На арфы зачехленные похожи, с себя сдирали
Худые лесбиянки платья,

---

[123] Примечания: 123
В здравом уме и твердой памяти *(лат.)*.

в нетерпении крутясь.

Чмок — сюда, и чмок туда,
Любят виски эти «господа».

Итак, пришел денек -
Мы видим Атлантиду,
Сверкающую, как павлин.
Но это только с виду.
Встречают нас Кибелы жрицы,
Невинные и славные девицы!

На подходе новые дни — женщины становятся станциями секс-обслуживания: никаких привязанностей, одно лишь распределение безликой приятельской похоти. Современные барышни, тела их искалечены невниманием. Этих девочек недостаточно ласкают и воспитывают с отвращением, их не уважают и не трепещут перед ними, как они того заслуживают. Благочестие, не познавшее любви… Anorexia nervosa[124] — вот как будут звать завтрашних монахинь — злость, долго накапливающаяся из-за неадекватности. Нахальные, искоса, взгляды, стоит разволноваться или немного выпить. Ах, какие мужчины

[124] Примечания: 124
Отсутствие аппетита, вызванное нервным расстройством *(лат.)*.

благородные, какие чудесные! Они иногда способны быть моногамными особями!

Бедняга Блэнфорд, вечно он пишет какие-то заметки или берет на заметку. «Пруст, последний великий мастер метафоры в европейской истории искусств, относителен и случаен с определенной точки зрения; эго, чувственный опыт, история… Собственноручная подпись, вот что такое память, суть в том, что человек идет вперед благодаря памяти — благодаря памяти в нем искусственно поддерживается жизнь. История! Что такое история? Всего-навсего слухи, так считают восточные мудрецы, и пять чувств, пять искусств — ее плюмаж. Ибо после появления теории относительности и прочих темных теорий и тем, вроде поля отношения, и вселенная становится космически бессмысленной. Относительность не подразумевает отношение! *Monsieur est ravagé par le bonheur!*[125] Как где-то пишет Флобер: *«Moi, je m 'emmerde dans la perfection!»*[126]

Дурак ждет хорошей погоды, а умный дорожит и каждым порывом ветра, и каждой минутой

---

[125] Примечания: 125
Месье измучен счастьем *(фр.)*.

[126] Примечания: 126
Что до меня, то мне осточертевает совершенство *(фр.)*.

затишья. В юности он стремился в Париж, город искусственной любви. Город высоких красоток, похожих на отлично тренированных лошадок-качалок. Любовь — это восторг, заключенный в ритме; мы покачивались, как эмбрионы под струящиеся блюзы. Жажда добра оборачивается безумием. Позволь себе на былых крыльях музыки воспарить, погрузиться во Время!

Суетная жизнь — враг науки, замешанной на поэзии! Алхимию вон! Ибо и священные науки, доведенные до абсурда, покрываются позором!

Ах, где же был наш священный мул, наш Немецкий Поэт,[127] когда везде и всюду убивали? А язык ужасно вязкий, такое ощущение, будто изучаешь нервную систему земного шара, так похожего на артишок.

В Провансе начал формироваться послевоенный мир. Как в былые времена, в деревне Тюбен жители ходили отекшими от *pastis*[128] и играли в *boules*.[129] Это успокаивало. Даже типаж как

---

[127] Примечания: 127
Имеется в виду Гете.

[128] Примечания: 128
Анисовая водка *(фр.)*.

[129] Примечания: 129
Шары *(фр.)*.

будто стал прежним. Прирожденный средиземноморский лодырь, сон исцеляет его, словно антацидное средство — раскольника-анабаптиста! По мешку под глазами, и еще один — под приталенным пальто, полы которого разъезжались, словно под напором крота, рвавшегося наружу. С огромным коричневым носом, как у Кромвеля, в соплях. С протестантским умом, плотно набитым, как Лютеровы кишки, золотыми экскрементами — плодами алхимических экспериментов. Мечта меньшинства — создать ограниченную вселенную. Вся вселенная состоит из одного прихода, а это всего лишь один пригород с *accent faubourgienne*![130] Запахи красного вина и нижнего белья — любовные призывы истекающей соком пышечки. Сколько выдумки! Ну-ка попробуй, милая, раскуси этот орешек, смерть!

Проблема женщины — молния никогда не ударяет дважды в одно место. Небесная злорадствующая поступь, такая же гневная, как был гневен Ахилл на ложе из пылающих углей!

Сегодня Сатклифф, моя голову, напевал беззвуч-

---

[130] Примечания: 130
Местный акцент, местный колорит *(фр.)*.

но песенку — «Что делать с пьяным моряком?», но слова подставил свои: «Что делать с нашим alter ego?» Полагаю, со временем меня заставят исполнить обычай *сати* — взойти на костер и исчезнуть в вихре дыма и чудесном аромате жареного бекона.[131] Начнется мое обожествление — я трансформируюсь в Последнюю Загадку Учителя с тремя гейшами на свободном ходу, произносящего наставления о пути к Внутренней множественности миров. У учителя так много внутреннего магнетизма, что он искрится, описывая новую реальность: «Если можете не думать о ней, то вскоре узнаете, что реальность — это счастье, не меньше! Когда математика и поэзия сосуществуют, как это обычно бывает, происходит столкновение разных миров, и тогда вы пишете гимн Процессу. Это любовь манит вас — огромная аксиоматическая кукла, которую мы целуем с точностью до третьего знака. В ее объятиях вы понимаете, что счастье — это на самом деле отчаяние, вывернутое наизнанку, как рукав. Вы спрашиваете себя: «В конце концов художник я или дурацкая кастрюлька для варки жеребячьих яиц?»

---

[131] Примечания: 131

Видимо, намек на то, что упитанного Сатклиффа часто сравнивали с боровом. *(Прим. ред.)*

Чтобы проанализировать, что случилось с разумом цивилизации, надо начать с сознания отдельного человека… то есть с секса, с того самого знания, которое предшествовало языку… то есть высказыванию, формулированию, пониманию!

> Нежные женские пальчики — вверх
> грубые, обветренные — вниз[132]
> жизнь для жизни
> шут говорит
> ничем не рискнем
> ничего не скажем
> сбежим и ляжем
> с хохочущими мертвецами!

Смиргел принял все меры предосторожности, чтобы никто не узнал, где он живет, так что на время его след затерялся. Принц стал даже думать, что его рассказ про клад и карту — пустая болтовня ради достижения каких-то неведомых целей. Потом туман немного рассеялся: Смиргел позвонил Констанс и предложил ей и принцу встретиться в маленьком бистро на дороге в

---

[132] Примечания: 132

Имеется в виду жест римской публики: поднятый вверх большой палец даровал гладиатору жизнь, а опущенной вниз означал, что зрители жаждут его смерти. *(Прим. ред.)*

Вер. Там недавно сменился хозяин, и теперь оно снова открыто. Солнце радостно приветствовало их под оливами. Смиргел уже сидел в бистро, когда подкатил огромный «даймлер» принца, это допотопное чудо! В искрящейся тени, на залитой солнцем площадке с зелеными столиками, Смиргел выглядел тем, кем и был в глубине души, то есть путешествующим немецким профессором, историком, отправившимся в отпуск. Но вот он встал, чтобы поздороваться с лордом Галеном и принцем, и непроизвольно сдвинул пятки, изображая бесшумное подобие прусского щелканья каблуками — из почтения к важным персонам, которые пришли на встречу с ним, переполненные восхитительным чувством законной жадности, бытующей в среде богатых! Естественная обходительность принца очаровывала, такое он излучал сердечное тепло. Когда все расселись, то долго, не говоря ни слова, вглядывались друг в друга. Наконец из бара пришел официант и принес напитки. Смиргел нервничал, поэтому заказал только воду.

Принц молча поднял бокал с посредственным шампанским, вежливо приветствуя своих собеседников. После этого Смиргел произнес:

— Лорд Гален, полагаю, мы можем быть откро-

венны, и надеюсь, что вам известно, почему я так надеялся на встречу с вами. Я рассказал Констанс про сокровища тамплиеров и попросил ее все это изложить вам. Хотел привлечь к ним ваше внимание, так как в вашем консорциуме люди в основном из Женевы, серьезные люди — *des gens sérieux, quoi!* Я совершенно уверен, что мое предложение вас заинтересует, хотя в данный момент невозможно определить стоимость того, о чем мы говорим. Дело в том, что никто не может добраться до сокровищ из-за очевидной смертельной опасности! У меня же имеется подробная карта минных ловушек, с которой можно ничего не бояться. Я собственными глазами видел несколько драгоценных камней и разговаривал с человеком, нашедшим их, так что это не домыслы, а реальные факты. В обмен я, естественно, хочу стать равноправным партнером и получить равную долю от того, что будет найдено.

— Должен признаться, — мечтательно произнес лорд Гален, — мысль о больших богатствах делает меня сентиментальным.

Ну а в голосе принца слышалась укоризна:

— Это понятно, но подумайте о нашей чисто исторической миссии — вернуть человечеству знаменитые сокровища, так давно утерянные!

Нельзя упускать из вида и культурный аспект, ведь многие вещи могут оказаться настоящими произведениями искусства, и нам непременно придется сделать подробную опись, каталог.

Немец молча курил и внимательно слушал обоих. Мысли принца разбежались далеко и широко по сказкам и легендам его родного Египта, где к тайным кладам, охраняемым в пещерах зловредными джиннами, относились как к чему-то вполне обычному.

— А забавно было бы, — он хохотнул, — если бы сокровище было украдено или перенесено песчаными бурунами на другое место! — Однако ни лорд Гален, ни немец не нашли в его словах ничего смешного. — Когда вы предъявите нам доказательства? Немец улыбнулся.

— Как только у меня появится возможность предъявить вам карту. Потом мы сможем отправиться в пещеры, найти дверь и открыть ее. Presto![133] Однако прежде мы подпишем соглашение, чтобы я был уверен относительно своей доли добычи.

— Акционерное общество «Найденные сокровища», центральный офис устроим в Жене-

---

[133] Примечания: 133
В быстром темпе *(ит. муз.)*.

ве, — мечтательно произнес лорд Гален. — А что запишем в пункте «место обнаружения»? Я готов сформулировать документ.

Немец вытащил из-под себя — он сидел на нем — потрепанный чемоданчик, в котором было два важных документа: кадастровая карта с разметкой горных работ и с указанием масштаба, и список владельцев.

Он, будто профессор, читающий лекцию, продолжал давать объяснения, обстоятельно и неторопливо, однако подготовлено все было очень быстро и четко, в английском стиле.

— Я обнаружил, что практически вся интересующая нас территория, находится во владении одной семьи, и я уже с ними договорился. Это крестьяне, сейчас они в трудном положении, и с радостью заключили со мной арендный договор сроком на сто лет. Со своей стороны, я взял на себя юридическое

оформление, получил государственную лицензию и право производить работы на взятой в аренду земле, включая освоение недр. Французские законы вновь входят в силу, вновь утверждаются гражданские законы, а не законы военного времени. Я намекнул, что собираюсь вернуть к жизни римские шахты, так как они

не до конца исчерпаны. Это, разумеется, должно привести к увеличению рабочих мест, а это прямая выгода для местной администрации. Шахты. Это, так сказать, наша легенда, не в наших интересах тревожить французское правительство сказками о спрятанных сокровищах, на которые оно непременно предъявит свои права, обложит их налогом. В данный момент я не вижу серьезных причин, которые помешали бы нам извлечь сокровище — частями, если уж на то пошло, — а для прикрытия нанять рабочих, пусть себе трудятся в шахтах. Вы согласны? Лорд Гален был согласен.

— Но ваша пресловутая карта — где она?

— В надежном месте и в любое время к вашим услугам, как только будут выполнены некоторые условия. Главное условие, естественно, оправдательный приговор трибунала, который по ошибке занес меня в черный список. Мое дело будет рассматриваться через два месяца, и к тому времени, надеюсь, лорд Гален сумеет предпринять что-нибудь, чтобы чаша весов склонилась в мою пользу. Я стал жертвой тщеславия и зависти милиции. Им бы очень хотелось опозорить меня, засадить в тюрьму, обезглавить, ведь я много чего знаю об их, так сказать, подвигах в эти страшные

для всех нас годы. Как вы понимаете, этим героям есть что скрывать. Однако я думаю, добиться справедливого приговора возможно, тем более, что среди судей есть англичане. Уверен, лорд Гален знаком с ними и может замолвить за меня словечко. Вот на этом листке их фамилии.

Он подал бумагу лорду Галену, и тот с ужасом обнаружил там фамилии нескольких своих друзей; председателем же военного трибунала был один из акционеров его компании! Лорд Гален судорожно сглотнул слюну и похлопал глазами.

— Вы получите карту, как только меня оправдают. А пока, не теряя времени, давайте проработаем все документы и подготовимся к непосредственным действиям.

Смиргел повел их через карьер к входам в пещеры, кое-какие из которых были очень глубокими.

— Нас интересуют, — сказал он, — несколько пещер по левую сторону, к которым можно подойти отсюда. Я отыскал семью хозяев здешних земель, ведь нужно перекрыть подходы к пещерам, насколько это возможно. А то тут со мной приключилась уже одна история… Как-то раз по время грозы пастух завел в пещеру овец, их было примерно сто. Я не успел его предупредить,

и овцы заполонили первый коридор. Когда я рассказал ему про мины, бедняга весь побледнел и принялся свистом звать собак, чтобы они вывели овец наружу. А эти твари уже разбрелись по другим коридорам. Мы внутренне уже приготовились к взрыву, мы боялись дышать… Целая вечность прошла, пока последняя овца не покинула пещеру. Мы были спасены! Достаточно было одной овце случайно зацепить провод, и все вокруг взлетело бы на воздух. Конечно же, когда начнется настоящая работа, мы обеспечим жесткие меры безопасности, пока не очистим тут все от мин — во всяком случае, настолько, чтобы можно было спокойно работать.

(Блэнфорд отметил в своем архиве по Улиссу: когда ослепленный циклоп кричит: «Кто там?» — и Улисс, нервничая, отвечает: «Никто», — это же первая дзен-буддистская формулировка в европейском литературном каноне!)

Возвращаясь через оливковые плантации, они обо всем полюбовно договорились, чтобы ничьи интересы не были ущемлены. Смиргел сообщил номер своего телефона, по которому его легко найти, а потом укатил на старом велосипеде, неспешно крутя педали и постепенно сливаясь с ландшафтом.

— Да уж! — произнес принц, приглашая всех выпить, чтобы заодно обсудить со своим партнером сложившуюся ситуацию. — Если у нас получится, это будет нечто уникальное, правда?

— Безусловно! — подтвердил лорд Гален с восторгом, но как-то не очень уверенно.

— Вы используете свои связи и поможете ему? — спросил принц.

Лорд Гален решительно кивнул.

— Если его приговорят к пожизненному заключению, какой нам от этого толк? Ведь тогда он не скажет нам, где карта, разве не так? Его надо держать при себе, вы согласны? Да, хлопот с этим всем будет выше головы. Однако, что и говорить, проект многообещающий, чертовски многообещающий, и нам надо целеустремленно им заниматься.

Он тут же изобразил предельную целеустремленность и стал похож на подслеповатого канюка. Потом опасливо огляделся. Точно такой же взгляд был у стоявшего на его письменном столе бюста Наполеона — той поры, когда император пребывал на острове Святой Елены.

Глава шестая
Возвращение

Как только она увидела его в холле Ту-Герц, стоявшего рядом с вещами, опиравшегося на палку, завернутого в старый, весь перештопанный шотландский плед, ее затопила волна нежности… Его появление всколыхнуло воспоминания об их общей юности, о том лете, которое они провели на волшебных полянах и лугах — в преддверии Рая, прежде чем начался Потоп! И он тоже был очень смущен и не решался заговорить.

— Вы уверены, что хотите поселить меня тут, хотите испортить себе жизнь, слушая мои охи и вздохи? — наконец произнес он.

Однако обнялись они с нежностью, и она заговорила с типично докторской живостью, чтобы скрыть свои чувства.

— Я действительно хочу, чтобы вы были у меня на глазах и под руками, потому что вы начинаете пренебрегать йогой и уж точно вам не делают массаж, необходимый для вашей спины. Во всяком случае, тут у вас будет возможность каждый день плавать, а это очень важно для вашего лече-

ния. Итак, я беру вас под свою опеку.

Ничего более приятного и придумать было нельзя, и он покорно расположился в комнате Ливии, где все еще стоял старый диван Фрейда. Найти место для его скромного гардероба, книг и стопки блокнотов было несложно. И быстро все разложив, он сразу же, забавно покачиваясь на ходу, спустился в кухню — помочь в приготовлении ланча, поскольку должны были приехать принц и лорд Гален после свидания со Смиргелом. И Констанс, и Блэнфорд научились отлично готовить, и это тоже очень сближало. Как ни странно, оба держались с подчеркнутой сдержанностью. Хотя у него уж точно накопилось не меньше сотни вопросов, но он понимал, что сейчас не время и не место, нет, пока ни о чем спрашивать не стоило. Ну а когда приехали гости, принц и лорд Гален, их уединение было нарушено, и беседа, естественно, стала общей.

Принц был очень доволен переговорами со Смиргелом, однако все еще не совсем доверял его *bona fides.* И поэтому засыпал Констанс вопросами о немце. У лорда Галена сомнений не было, — он целиком проглотил наживку.

— Ну какой у него может быть тайный интерес? — жалобно вопрошал он. — Пора научиться

доверять хоть *кому-то,* а иначе ничего не выйдет. Думаю, он говорил правду, и если мы правильно сыграем, то выиграем!

На этой оптимистичной ноте вся компания принялась за приготовленный Констанс ланч.

— Я прослежу, чтобы вы тоже были в списке акционеров, — сказал принц, обращаясь к Констанс, — хотя бы ради этого вашего жаркого, *boeuf gardien.*

Весь вчерашний день принц провел на городской ярмарке, которую устраивают раз в полгода, и был полон дурных предчувствий. В том числе из-за ярко-красных надписей на церковных стенах. Это говорило о том, что в Авиньоне появились чужаки. Сюда прибыли первые американские туристы!

Власть бритоголовым!
Да! Да!
Безумие правит миром!
Да!
Смерть всем!
Да! Да!

Итак, новый мир начинал предъявлять свои притязания на будущее. Принц лишь недоуменно пожал плечами, но потом по спине его пробежал

холодок, когда он увидел, что благословенный край наводнен представителями американского индустриального этоса.[134] Ближе к дому, но не менее удручающим было появление представителя английского Тайнсайда,[135] у которого хотя бы хватило черного юмора, чтобы приправить им свой спектакль. Молодой человек, которого звали Сакатумбо Смит, сидел перед занавесом с нарисованной на нем сценой из цирковой жизни: дантист в медицинском халате насильно удаляет зуб молодой даме в кринолине. Толстяк Смит нарисовал черной тушью круги вокруг глаз, что-то вроде очков кобры, и лицо у него было как будто опухшее от слез, словно он проплакал всю ночь. Когда он молчал, то держал во рту большой палец, так сказать, закрывал себя на замок. Но время он времени он «снимал замок», вытаскивая палец, выкрикивал куплет песни, потом опять запихивал палец в рот и погружался в состояние отчаяния и мрака. Блэнфорду было интересно смотреть на него, как на некую диковину, и он не ушел до конца представления. В последнем акте

[134] Примечания: 134

В древнегреческой философии термин, обозначавший совокупность устойчивых черт характера.

[135] Примечания: 135

Скопление населенных пунктов с центром в г. Ньюкасл.

Смит энергично исполнил классический стишок острых на язык кокни:

> Дядя Фред и тетя Мейбл зевали,
> За завтраком почти что засыпали.
> Забыли, что сказала им цыганка:
> Не стоит делать это спозаранку.

Но в этом, по крайней мере, чувствовалась традиция мюзик-холла, равно как и шекспировская традиция. Однако такие представления скорее отпугивали, потому что весь этот «фольклор» оплачивался туристическими организациями — чтобы иностранцы чувствовали себя в Авиньоне как дома. В самом деле, иностранные гости пока не очень-то сюда стремились. Послевоенный город пока походил на некое чистилище, ибо еще не был уверен в своих возможностях и привлекал исключительно тем, чем был известен до войны, знаменитыми историческими памятниками.

Слава богу, весна уже была не за горами, вместе с солнцем и теплом, и появилась возможность перенести утренние процедуры — массаж и упражнения йоги — на более удобное место, то есть на плоские камни вокруг плотины с тяжелыми каменными столбами и вокруг заброшенного

гумна. Здесь река содрогалась от наслаждения, ласкаемая ладонями водных лилий. Здесь можно было лежать, дремать, читать под убаюкивающую музыку воды, падающей с плотины, сооруженной еще римлянами. Констанс не давала никаких послаблений пациенту. И Блэнфорд, хоть и ворчал, но подчинялся своему личному врачу — целиком и полностью. Однако, стоило послушному пациенту ощутить на своей спине ее крепкие опытные руки, как ему становилось не по себе: из-за этого ее массажа у него возникала эрекция. И он боялся, что она узнает об этом. А она все знала… и ужасно на себя злилась. Это пройдет, считала она — чем ближе знаешь, тем меньше почитаешь! Надо продолжать. И разговаривать на разные отвлеченные темы.

— Должна признать, Обри, с вами поработали на славу.

В ответ на это он пробурчал:

— Да, сделали все отлично. Я теперь, как дорогая теннисная ракетка, лучшие в мире струны и стальные провода. Я невероятно удачлив. А теперь еще ваш массаж…

На пользу шло и плавание. Они одновременно отталкивались от дна и плыли рядом вверх по реке, среди лилий, иногда переговариваясь, иногда

в дружелюбном молчании. Между ними возникла какая-то особая близость, они поначалу и сами не могли понять, что это за чувство. Занимаясь его спиной, она как будто с ним разговаривала — без слов.

«Как странно, что ты стал моей первой любовью, самой неудачной любовью, — словно бы говорила Констанс. — Ты единственный, с кем мне совсем ничего не удалось добиться. Ну, конечно же, я… я тоже твоя первая любовь… ты тоже в меня тогда влюбился, я была дурой, но не до такой степени, чтобы не понять этого. Но почему у нас ничего не вышло? Тогда я решила, что ты холодный, занятый только собой эгоист. Однако теперь, оглядываясь назад, я думаю, что это была просто-напросто робость. Питомцы английских школ часто страдают аутизмом, а уж когда им приходится общаться с девочками, ни о какой предприимчивости не может быть и речи».

Массаж усыпил Блэнфорда, словно кота, и Констанс нахмурилась, потому что его психика реагировала на массаж, словно на ласку, но как врач она добивалась совсем иной реакции.

— Обри! Проснитесь! Пора поплавать. Солнце уже садится.

Он поворчал, но согласился.

— Мне снилось, что мы были вместе, — мрачно произнес он. — Наконец-то *это* произошло. Вы ведь были моей первой любовью.

Констанс нахмурилась и неохотно кивнула.

— А я — вашей, да?

Она, немного помолчав, призналась:

— Да еще какой!

Довольно долго ни тот ни другая не решались заговорить.

— Проклятье! — наконец воскликнул Блэнфорд. — Как вы думаете, что, черт подери, нам помешало? Это можно исправить?

Она засмеялась и печально развела руками.

— Нет, конечно же! — однако голос у Констанс был веселый. — Только взгляните на себя, на меня… Мы изрядно потрепаны войной, и не только ею, да еще сказались годы, и весьма непростые годы… В общем, мы оба с вами промахнулись!

Ужасно, нет, невыносимо было думать, что она права. Неожиданно он осознал, что всегда лелеял в памяти ее образ — даже когда ее не было рядом, даже когда он как будто забывал о ней. Даже и тогда она не покидала его мысли и его сердце.

— Вы всегда были со мной. Мне кажется, я не принял ни одного решения, не продумал ни одной мысли без вашего участия. Да-да, даже когда

вы были с Аффадом, то все равно оставались моей путеводной звездой! Странно все-таки! С любой другой женщиной это называлось бы «любовью». Но я не смею произнести слово «любовь»! Я боюсь, что вы станете возмущаться!

— У меня нет сил на флирт. Но я не отчаиваюсь, в каком-то смысле я все еще открыта для нового чувства. Однако мое мироощущение изменилось. После его смерти мне стало ясно, правда, не сразу, что я не смогу больше любить, как прежде: безоглядно, в трепетном безумии. Как ни парадоксально, новая свобода, которую я обрела после его смерти, подарила мне способность любить правильнее, лучше и в то же время оставаться хозяйкой самой себе. Свобода — но и более глубокая, более чистая любовь. Ну да, я больше не смогу полностью кому-то подчиниться, каким бы сильным ни было чувство. Теперь я стою на пороге среднего возраста, видимо, в этом все дело.

Он слушал ее молча и с опаской, так как нет ничего более безнадежного, чем женщина, которая пытается анализировать природу любви, тысячи ее форм и вариантов.

— Я наблюдал за этим прелестным мальчиком. Вам удалось так много ему дать, что вы заслужили право называться его матерью, — сказал

Блэнфорд. — У него есть великолепное ощущение самодостаточности, отчужденности от суетных радостей. Наверняка он станет художником. Он не строит иллюзий, когда глядит кругом — зато как будто проникает в глубь вещей, видит их первичную суть, их тоску об истинном Боге! Но это на поверхности, а как передать его потрясающую отрешенность? И я был таким же, аутистом, совершенно чистым, но, к сожалению, больше не буду таким для вас — никогда. Если бы вы тогда пробудили меня от смертельного сна, я бы молился на вас весь остаток жизни! Увы, нет, этого не случилось, мне было суждено и дальше спать, много лет, прежде чем догнать вас на этих камнях, после долгой и несчастной войны. До чего же причудливо распоряжается нами жизнь!

Не менее причудливой оказалась судьба записей Блэнфорда, которые он так старательно развеял по ветру, и тот понес их на все четыре стороны. Множество листков кружило над городом, любопытные цыганята стали ловить их и показывать своим родителям. А те, само собой, потащили их к торговцу книгами, и вскоре Тоби предложили купить стопку исписанной бумаги. Он тотчас узнал почерк: это были дневники Блэнфорда. Блэнфорд немедленно пожелал пере-

купить их у Тоби, решив, что счастливое спасение записей было предзнаменованием успеха будущей книги, уже начинавшей, безусловно, влиять на его будущее. Он уже чувствовал себя более или менее окрепшим, настолько, что стал постоянно думать о том, чем же заняться в будущем. Как же все-таки замечательно, что небольшой доход давал ему возможность зарабатывать деньги литературным трудом. Было бы обидно, считал он, если бы пришлось думать о романе *только* как о работе, дающей средства к существованию, не позволяя себе сладких долгих творческих мук. И еще его терзало вот что: сколько времени он будет поддерживать братские отношения с Констанс? Это не может продолжаться вечно, в таком виде, без хоть какой-то физической близости… или может? У него ныла грудь, когда он думал о ней! До чего же глупы люди! Он лежал, затаившись, чувствуя на своей спине и плечах сильные пальцы, и листал страницы, побывавшие в руках цыган. Писатель выкупает собственные записи — вот комедия!

Медитация — искусство или наука?

Обсудить.

Блондинки не романтичны и не безупречны.

Обсудить!

Вдохни кислород — и тишина[136]
Станет Высшей Безмятежностью!

К этому Сатклифф добавил: «Однако индус не просто думает о возвышенном, он и дышит через раз. Нас небеса хранят от таких напастей, но в теологическом смысле он, в основном, прав».

И еще: «Самодовольство — вот наше проклятье! Если бы мы только могли помолчать, дать возможность природе говорить, то непременно узнали бы, что Счастье, нет, *Блаженство* — дано от рождения!»

Как известно, обстоятельства порою могут изменить все в одночасье. Очень скоро Блэнфорд и Констанс бросились в объятия друг друга — благодаря вновь возникшей привычке вместе плавать по вечерам. Лето еще не набрало силу, но уже две недели стояла жаркая погода, по-настоящему летняя, и это заставило их вспомнить прежние подвиги. Когда-то они любили нырять, поставив на скалу шипящую керосиновую лампу, прине-

[136] Примечания: 136

Видимо, намек на последние предсмертные слова Гамлета: «А дальше — тишина». *(Прим. ред.)*

сенную из дому. В призрачном желтоватом свете, который то еле теплился, то ярко вспыхивал, среди лилий был виден поблескивающий кружок воды, в этом месте течения почти не было. Не следовало заплывать за его пределы, там было и чище и безопаснее, но это не всегда удавалось из-за сильного течения у самой скалы. Тем не менее, учитывая, что плаванье было важной частью лечения, что оба были хорошими пловцами, и что даже в одиночку каждый мог бы справиться с течением, все это было не так уж страшно. Но однажды случилось вот что. Констанс ушла вперед, Блэнфорд, как всегда, медленно, враскачку, шагал по саду, видя впереди, на скале, неровный свет лампы. Он услышал, как Констанс нырнула, потом как она поплыла, хлопая по воде руками — в таком порядке. Трудно сказать, отчего ему показалось, будто что-то не так; возможно, он уловил досадливый вздох, когда она переворачивалась на спину — когда вдруг почувствовала, что ноги и бедра сводит судорогой… это была реакция на слишком холодную воду. Однако сильное течение не давало времени на размышление, надо было действовать немедленно, притом что берега как такового не было, ведь под лилиями — метра три ила, до дна не добраться.

— С вами все в порядке? — с тревогой окликнул он, почуяв неладное.

— Да! Нет! — в замешательстве отозвалась она.

Она попыталась обмануть Обри, понимая, что он не в лучшей форме и нечестно звать его на помощь… Однако ее страх мгновенно передался ему, и он понял, что выход один: прыгнуть в реку и вместе противостоять течению, сносившему ее вниз. В тихом месте ничего бы не случилось, она могла бы держаться на воде, сколько угодно, а вот течение было опасно. Констанс услышала, как он нырнул, и ей стало еще страшнее — теперь они оба были в опасности. Однако у Обри сил оказалось больше, чем думал он сам. Крепко ее обхватив, он поплыл против течения, стараясь приблизиться к камню, с которого они обычно ныряли. Довольно долго ему не удавалось победить реку. Но в какой-то момент он, очень медленно, стал одолевать ее. Проплыть надо было метра два-три, однако положение было критическим, так как течение увлекало их к римскому форту, где был небольшой, но очень опасный водопад. Там река мчалась с такой скоростью, что это могло закончиться самыми тяжелыми травмами — сотрясением мозга, переломами и прочими бедами. Однако медленные, но реши-

тельные гребки в конце концов позволили Обри одолеть эти метры — он с радостью и облегчением подтолкнул Констанс к камням, чтобы она смогла ухватиться за зазубренный край скалы и подтянуться. Вода больше не грозила ей бедой, однако руку Обри она не отпускала. Невероятно долго, потратив много сил, выбирались они на тихое, без коварных сюрпризов, место и потом выползали на берег.

— У меня никогда прежде не случалось судорог, — проговорила она, несколько раз извинившись за то, что ему пришлось ей помогать. — Я и представить не могла, что холод может так действовать.

Она очень волновалась за его спину — ведь он мог потянуть мышцы! И ей захотелось немедленно удостовериться в том, что это не так. Вот тут-то и случилась благословенная перемена — множество комплексов, парализовавших его душу и тело, неожиданно исчезли. Неужели так подействовал страх потерять ее навсегда? Теперь к Блэнфорду вернулась естественная, предписанная природой смелость, и он крепко обнял Констанс, словно был уверен в ее согласии. Так они стояли, прижавшись друг к другу, и молчали, наверное, целую вечность. Среди высоких дере-

вьев ухали совы, отправившиеся на свою ночную охоту; глухо ворчала стоявшая на столе в кухне лампа, эти звуки напоминали поскрипыванье разделенного на отсеки моллюска наутилуса.

— До чего же здорово, — прошептал он, — не бояться что-нибудь испортить! Своей судорогой ты так меня напугала, что я со страху пришел в чувство. Не хватало еще навсегда тебя потерять! Теперь я все понял. Ты научилась главному, чему только может научиться женщина от мужчины — увы, не от меня, а от Аффада: искусству капитуляции, которая гарантирует счастье. И я благодарен ему!

Это были не только слова… за ними последовали ласки — щедрые, ненасытные. Ему хватило сил доказать ей свою любовь и в полной мере насладиться близостью. Откуда, черт побери, что берется? Он не знал.

Подобно всем любовникам, они порою испытывали страстное желание побыть наедине друг с другом. И поэтому после счастливого спасения они на несколько недель совершенно исчезли из поля зрения своих друзей, предпочитая рано обедать и рано уходить в спальню, чтобы не терять времени даром. Даже не любовались луной, как это исстари принято делать в Провансе, коротая

так долгие вечера. Блэнфорд ревновал Констанс, правда, не столько саму по себе, сколько к ее друзьям. И это все сразу приметил принц с его египетской обостренной интуицией.

— Наконец-то свершилось, — сказал он, довольно и удивленно фыркнув. — Я напишу принцессе, что ее худшие опасения подтвердились! Призрак любви побеспокоил старого благочестивого холостяка. Я прав, Констанс?

Однако она так глубоко погрузилась в свои роскошные, великолепные ощущения, что добродушное подшучивание принца не могло вывести ее из этого состояния.

— Она порадуется, — отозвалась она. — Принцесса всегда благоволила к Обри и жалела, что он одинок.

Принц и сам очень радовался и уже начал мысленно сочинять письмо. Один лорд Гален ничего не замечал и даже расстроился, когда Принц сказал, что не заметить это невозможно.

— Мне никто ничего не говорит, — обиженно вздохнув, произнес он, — но, думаю, это Благословение Свыше. Вы ведь так считаете?

— Конечно, считаю, — проговорил его высочество своим резковатым голосом, тоном, не допускающим сомнений. Однако он стал отно-

ситься к этому с гораздо меньшим энтузиазмом, когда новоявленные любовники исчезли на несколько недель. Поговаривали, будто они тайно сбежали в Италию.

Принц не терпел одиночества и жить не мог без привычной ежедневной порции придворных сплетен, он скучал по ним сильнее всех. Дальше — больше, как бы пополняя список неожиданностей, Констанс решила, что забеременела. Это заставило их задуматься о будущем, пересмотреть привычные представления о жизни и привычный уклад. Это были приятные переживания. Ни он, ни она и помыслить не могли, что такое возможно, хотя и не предпринимали ничего, чтобы этого избежать. Блэнфорд был и счастлив, и напуган, и уже начал беспокоиться, что из него получится не лучший отец и муж.

— По-твоему, мужчина годен лишь на то, чтобы зевать и листать справочник с христианскими именами? Неужели ты не можешь поручить мне что-нибудь более полезное?

Но Констанс лишь умиляли его бестолковость и эти приступы энтузиазма. В глубине души она понимала, что подобные крупные перемены могут оказать на него самое благотворное действие!

Когда, просыпаясь, он обнаруживал себя в ее

объятиях, то с удивлением вспоминал свое прежнее одиночество: почему он раньше не думал о том, какое это счастье — блаженство любви, как пронзительно-прекрасно ощущение того, что и тебя тоже любят? Он даже немного досадовал на себя за это удивление, которое пристало разве что подростку, впервые познававшему любовь, нежность, страсть. Он снова и снова ощущал голод и желание, и после того как ее любовь изливалась на него, так сказать, заново оживал, как природа после дождя. В ту пору у Сатклиффа был слегка обиженный вид, возможно, он убеждал себя в том, что «зелен виноград», хотя прежде никогда не признавался в своих чувствах к Констанс? А иначе как можно объяснить его тогдашнее состояние? Все еще появлялись разрозненные странички из записных книжек, которые добавляли красок растущей горке *obiter dicta*.[137] В один прекрасный день эту горку рассортируют, и она станет — пока еще предполагаемым — романом. Он заявил, что придумал «экстра-брачный бисквит» и не крошащийся хлеб, не говоря уже об искусственном члене под названием Вознаграждение; у него были крылышки и хоботок, которые

[137] Примечания: 137
Замечание, сделанное мимоходом *(лат.)*.

усиливали сокращения матки, благодаря системе одновременного воздействия. Это был триумф технической мысли! Вслушайтесь в музыку сфер — дробь, отбиваемую яичками Геракла.

— Хватит! — завопил Блэнфорд. — Ради всего святого, хватит!

Как только установилась летняя погода, начали действовать вновь созданные трибуналы, которые рассматривали военные преступления, и вскоре должно было решиться, виноват Смиргел или не виноват. Пока все еще было, как в тумане — сплошные предположения и ложные свидетельства. Шел поиск героев и козлов отпущения. Двое консультантов по правовым вопросам были на стороне Смиргела, так как принц подыскал им местечки в компании, занимавшейся сокровищами, и обещал некую долю от найденных Ценностей. Он так ловко все провернул, что можно было подумать, будто немец достоин по меньшей мере британского ордена за отличную боевую службу или французского военного креста. Надо ли удивляться, что его дело развалилось из-за «отсутствия доказательств». Тем временем суды охотно публиковали данные о погибших и пострадавших, и было очевидно, что нацисты нанесли огромный урон Провансу. Из шестисот

тысяч человек, угнанных в Германию, не вернулись шестьдесят тысяч, пятнадцать тысяч человек были расстреляны или обезглавлены, шестьдесят тысяч заболели туберкулезом… Но решение трибунала относительно Смиргела было, тем не менее, вполне лояльным, оно звучало, как музыка, для ушей лорда Галена, ибо теперь ничто не мешало приступить к поиску сокровищ. Компания начала готовиться к разработке недр.

Однако внезапно возникли непредвиденные препятствия, в частности, поползли слухи о находке — произошла утечка информации. Возможно, из-за якобы случайной оплошности самого Смиргела? Во всяком случае, отцы города Авиньона и его власти недвусмысленно дали понять, что хотят быть в курсе дела и что все найденные сокровища сначала должны быть предъявлены директору музея и главе мэрии.

— Теперь сохранить все в тайне не получится, но, может быть, сумеем ограничиться подкупом пары чиновников? — спросил принц, стараясь не показывать своего разочарования. — Но с этим не будем торопиться. Вдруг там нет никаких сокровищ, а если даже есть, то совсем мало.

С лица лорда Галена не сходило тоскливо-испуганное выражение. Как бы то ни было, Смиргелу

оставалось только дождаться заветного документа, который должен был удостоверить его невиновность, и тогда он сможет предъявить карту и повести всех на штурм пещер.

— Нам не стоит вести себя, как собака на сене, по крайней мере, на первом этапе. В конце концов, это же грандиозное историческое событие. Сославшись на французские законы, нам могут вообще запретить что-либо делать — приплетут сюда интересы Лувра. Но пока чиновники еще как следует не раскачались. Подкормив кое-кого из них, мы можем заставить их заявить, например, что находка наша не представляет особого интереса ни для историков, ни для искусствоведов.

Было очевидно, что время просвещенного эгоизма миновало, и все хотели немедленно стать миллионерами! Однако то и дело возникали всякие трудности.

— Вы уверены в *bona fides* вашей карты? Я давно хотел спросить вас об этом, — сказал лорд Гален.

Откашлявшись, Смиргел энергично закивал головой.

— В конце концов, это же логично, что Шульц сохранил копию, ведь с ней он мог в любое время вернуться и вынести сокровища. Вас что-то не

устраивает? Я не понимаю. Для чего ему фальшивая карта?

И правда, не было никакого смысла хранить фальшивую карту. Этого просто не могло быть! Поэтому, полные оптимизма, они расстались на те несколько дней, пока Смиргелу выправляли документ о реабилитации. А после оставалось лишь побыстрее оформить договор с самим Смиргелом. Очень кстати удалось обнаружить и Катрфажа — его познания были просто бесценны, это понимали все. Доктор Журден постоянно его опекал, и через него Катрфажу было сделано предложение снова поработать на принца и на Галена. Надо сказать, Катрфаж сильно постарел и стал совсем седым. Тем не менее, он смог восстановить подавляющую часть документов, касавшихся тамплиеров, и рассчитывал завершить свои изыскания, написав о них большое эссе.

Раз или два, по-видимому, чтобы раздразнить аппетит своих компаньонов, Смиргел приводил их ко входу в большой грот, который был закрыт для публики и огорожен деревянным забором с надписями *«Опасно»* и *«Défence d'entrer»*.[138] Они бесцельно бродили кругом, обсуждая спо-

---

[138] Примечания: 138
Вход воспрещен *(фр.)*.

собы проникновения внутрь и втайне надеясь, что немец отдаст им знаменитую карту. Но тот все медлил, не поддаваясь на уговоры, все ждал документов из трибунала. Тем временем случилось еще одно взбудораживавшее всех событие: Катрфаж нашел в Авиньоне цыгана, который собственными глазами видел сокровище, когда случайно забрел в пещеру. Он сказал, что дверь, которую Смиргел якобы надежно закрыл, теперь опять открыта, и зайти в пещеру может любой желающий. Он сам, во всяком случае, заходил и видел массивные дубовые сундуки, набитые драгоценными камнями и всевозможными украшениями. Себе он взял один рубин, который прикрепил к ноздре. Уже потом он узнал, какой подвергался опасности, и страшно перепугался. И больше не пытался проникнуть внутрь, поскольку у него не было ни карты, ни каких-либо иных подсказок. Теперь, конечно же… Несмотря не то, что признание звучало убедительно, сам цыган не внушал доверия, так как слишком уж пылко, почти истерично все это излагал. Невольно возникла мысль: не придумал ли он это, чтобы немного подзаработать?

Ситуация осложнялась еще и тем, что в город приехал новый префект, пожелавший немед-

ленно задать кое-какие вопросы, обсудить юридические тонкости, чтобы все было по закону. Отказать ему было невозможно, и любезный пожилой господин в назначенный час предстал перед первым собранием акционеров, имевшим место в Пон-дю-Гар — обсуждали сроки и подсобные средства, необходимые на завершающем этапе работ. Принц, лорд Гален, Смиргел и Катрфаж были главными исполнителями, тогда как более скромные акционеры, например, доктор Журден, играли в трик-трак в саду в компании с Блэнфордом и Сатклиффом. Префект, как истинный француз, очень любил праздники и заказал для всех шампанское, после чего поднялся, чтобы произнести тост в честь принца и открыть бал небольшой изысканной речью:

— Вас, наверное, удивляет, что я явился на ваше собрание. Дело в том, господа, что я хочу попросить вас об одном одолжении. Подумайте и о моих проблемах. Авиньон — опасный город, и особенно опасны цыгане. Их тут полно, это такая головная боль — в этом смысле здесь еще хуже, чем в Марселе. Однако я не рискнул бы советовать губернатору пренебрегать ими, они не только обременительны, но и полезны. Практически вся тайная информация — любой

важности, — поступает к нам от цыган, а потом передается исполнительной власти. Естественно, среди прочих безотлагательных дел было знакомство с этими людьми. Нужно было выяснить, сумею ли я поладить с племенем святой Сары — вы не представляете, как это важно для моей работы! В результате неких дипломатических маневров я познакомился с замечательной англичанкой, которая живет в таборе, это дочь некоего лорда Банко, чье имя, возможно, вам знакомо. Эта англичанка снабдила меня массой полезной информации и поразила глубокими суждениями. Она и посоветовала мне приехать к вам сюда.

От нее я узнал, что задолго до того, как австрийские саперы начали минировать пещеры, в одном из гротов у цыган была часовня, посвященная святой Саре, где в определенное время года крестили детей и проводили некоторые обряды. Да, эта «таинственная святая» была культовой фигурой — иногда она даже помогала предсказывать судьбу и одаривала способностью к языкам. Ну, а немцы, вы сами понимаете, изгнали цыган, когда принялись обживать пещеры. Вероятно, вы интересуетесь теми же объектами, хотя и по иным соображениям. Поэтому прошу вас действовать с предельной осторожностью и бережностью,

когда вы приступите к делу. В моем теперешнем положении я не могу отказать святой Саре, я должен вернуть ей грот, ее старая глиняная статуя и иконы с ее изображением валяются где-то внутри, неприкаянные. До сих пор я обращался только к одному человеку, к герру Смиргелу. И он совершенно не против, чтобы кто-нибудь из цыган сопровождал его в пещерах. Когда его оправдает трибунал. Уф!

Префект помолчал, словно у него перехватило дыхание после столь долгой речи, и стал с некоторым недоумением вглядываться в лица своих слушателей, ведь обычно перед его обаянием никто не мог устоять. А сейчас принц, например, был явно не в восторге. Он считал, что уже слишком много людей причастны к их тайне. Того и гляди явятся представители полуофициальных агентств, подобных «Beaux Arts», с их весьма расплывчатыми полномочиями. Да, если учесть, что сокровища уже не домыслы, а почти реальность, и, похоже, они бесценны… Непредвиденные трудности возникали постоянно, держать все под контролем стало слишком сложно, потому что теперь уже велено было фотографировать все находки, все предметы по мере извлечения их на свет божий!

— Боже мой! — воскликнул лорд Гален, слушавший префекта с весьма унылым видом, так как сразу стал прикидывать, что могло пойти вразрез с их планами, и на какую прибыль им можно рассчитывать, какая будет доля? (А если этих проклятых сокровищ нет? Эта мысль не выходила у него из головы!)

Надо сказать, Смиргел выбрал день начала их операции не просто так, а лишь после основательной консультации с Катрфажем. Он хотел соблюсти некие мистические меры предосторожности. Это должна была быть пятница, и непременно тринадцатое число, чтобы тем самым почтить святую Сару, в ее ипостаси предсказательницы, и память тамплиеров. Это стало как бы напоминанием о том страшном дне, когда перестал существовать их орден. Почему люди всегда невольно ищут во всем продолжение, связь с прошлым, словно им необходимо удовлетворить некую *космическую* потребность? (Этот вопрос Блэнфорд задал самому себе и ответил на него так: «Потому что, дурак, мир сознания это мир отголосков истории, которые взывают к новому воплощению. Человек хватается за любую ниточку, соединяющую его с событиями минувшего времени. Например, тамплиеров

уничтожили в том самом унылом городе Вьенне, где я однажды зимой провел десять дней, завороженный исключительно лишь историческим фактом, о котором, не помню где, узнал. Понтий Пилат, когда оставил службу, поселился в Вьенне, поскольку Рим показался ему слишком шумным, слишком испорченным и слишком дорогим городом для бедного пенсионера».

Так появилась небольшая монография, своего рода мемуары, написанные в Вьенне. Монография называлась «Мемуары ПП», и на нее покровительственно, но дружественно отозвался сам Персуорден.)[139]

— Потом мне несколько месяцев, — добавил Сатклифф, — все ночи напролет снилось, как я мою руки, поливая себе из серебряного кувшина под лай толпы нечесаных недочеловеков!

К началу чаепития прикатил старый «даймлер» с принцем, за рулем сидел Кейд. Он заезжал на деревенскую почту и привез кучу писем, присланных с центральной почты в Авиньоне, которая еще только-только начала налаживать работу. Среди конвертов с незнакомыми именами был один желтый конверт, подписанный

---

[139] Примечания: 139

Персуорден — один из персонажей «Александрийского квартета».

«Служба Ее Величества» и адресованный Смиргелу. Оказывается, он не назвал прокурору свой истинный адрес, а дал этот, лорда Галена, с коим успел подружиться. В конверте был тот самый волшебный документ, которого Смиргел нетерпеливо ждал и который должен был удостоверить его непричастность к деяниям нацистов. Смиргел всхлипнул, вскрыв конверт. Потом он нежно обнял Кейда и расцеловал его в обе щеки. Вытащив заветную бумагу, Смиргел закричал:

— Слушайте все, это удостоверение моей невиновности — отныне я чист от грехов и вновь могу начать нормальную жизнь, как всякий обычный гражданин! Ах, вы и представить себе не можете, что это для меня значит! Что же касается сокровищ, то можем приступать к поискам хоть завтра. Но сначала надо составить подробнейший план действий.

К удивлению всех присутствовавших, Смиргел упал на колени и произнес благодарственную молитву.

Глава седьмая
Что бы ни было

БЛЭН: Признайтесь, вы ревновали: вам не понравилось, что я вздумал от вас ускользнуть?

САТ: Признаюсь. Мне стало обидно, когда вы скрыли правду. Ведь я отлично знал, что вы не в Сиене, не в Венеции и не в Афинах…

БЛЭН: Да. Мы спрятались в Камарге, в маленьком домике, который нам сняла Сабина. После того знаменательного купания, после поцелуев, после того как я *проснулся*, мне вдруг стало ясно, что давно задуманная книга почти сформировалась в моем воображении. Можно уже говорить о сроках. Констанс не даст мне лентяйничать. Ну а мы сделали то, что сделали бы все любовники на нашем месте. Мы скрылись ото всех. Я не хотел, чтобы вы заглядывали мне через плечо. Поэтому и заморочил всем голову — насчет нашего местопребывания.

Тишина и жара — что могло быть лучше? А вечером к нам приходили цыгане или одна Сабина. Они приводили с собой белых лошадей, небесных лошадей, стремительных, как экспромты Шубер-

та, и безупречных, как наши поцелуи. И те несли нас через рвы, каналы и озера в розовато-лиловую пустыню заката; Сабина молча скакала между нами, готовая ответить на все вопросы, надо только уметь правильно их задавать. (Мужчина — это земля, женщина — небо: мужчина — разум, женщина — интуиция.) Несколько раз за ночь мне казалось, что я почти умираю от любви, потому что у меня надолго останавливалось сердце, мне казалось, что я вхожу в полумрак вечности и парю в некоем состоянии мистической предопределенности! Великий талант — молчание, это всем известно. Но кому оно под силу? С каждым оргазмом становишься ближе к будущему, вкушаешь немного бессмертия, вопреки себе самому. Мне хотелось не просто рассказать правду, но хотя бы немного освободить роман от пут причинности, я надеялся добиться этого с помощью беспорядочного и бессвязного повествования, внушенного противоречивыми озарениями — любовью, так сказать, с первой вспышки интуиции, нашей с Констанс любовью. Вы всегда говорили, мол, это невыполнимая задача, но чем больше риск, тем слаще возможная победа! Такова парадоксальная природа человеческого сердца. Поначалу я не хотел ею обладать, я не *смел* этого хотеть, потому

что между нами слишком много было недосказанного и недопонятого. Этого никогда не было бы в книге, если бы не было прочувствовано, так сказать, наяву. Она делала мне массаж спины, и, пока ее руки исцеляли мою плоть, мы часто вспоминали прошлое, и однажды она призналась, что всегда любила меня!

«С первого взгляда, которым мы обменялись на лионском причале перед тем, как плыть по Роне. И вот, увы!» — цитирую я самого себя.

Действительно, увы, потому что я был слишком юным и слишком трусливым. И если даже понял, насколько важен был тот самый первый взгляд для меня, то уж точно не думал, что он что-то значил для нее. Однако мое обожание, наверное, как-то на нее повлияло, потому что вся наша последующая жизнь, наш длинный путь друг к другу были предопределены тем взглядом! Старик Шекспир был прав — или это Марло? Ах, разве кто-нибудь влюблялся иначе, не с первого взгляда? Оглядываясь назад, я радуюсь тому, что был неопытен и трусоват и ничего не испортил какой-нибудь *дуростью,* потому что она тоже была совершенно неопытна физически, хотя, конечно же, психологически была совершенно взрослой и осознавала, насколько непросто наше

положение. Невежество — большое несчастье. А тут еще война, нам пришлось расстаться. Молодые не властны над своей жизнью. Так что стоило подождать. Тайна — нечто большее, чем обыкновенная загадка, и преждевременный брак может превратиться в нечто вроде интеллектуальных детских яселек.

Из записной книжки Сатклиффа

Femme à deguster CAUCHEMAR
Mais pas à boire COUCHEMAR
Homme à delester CACHEMERE
Mais pas à croire COCHEMUR[140]

БЛЭН: Там, на берегу тихих лагун, скача по розовато-лиловым в вечерний час пескам, осиянным святыми Мариями, я понял истинный смысл любви и любовного соития. «Мода меняется, и свобода женщины уже не оспаривается. Женщина соскочила с крючка. — Так говорила Сабина, когда неспешной рысью ехала между нами по краю шумевшего моря. — Новые влюбленные станут,

[140] Примечания: 140
Женщина — лишь пригубить слегка КОШМАР
Не напившись вволю КОШМА
Мужчина — оболванить дурачка КУШ-МИР
И даже приголубить — но не боле КЫШ-МОР *(фр.).*

наконец, философами, — задумчиво говорила она. — Они постигают самих себя в любовной близости и обоюдном оргазме. Никто даже и не заметит, что они умирают от одиночества».

САТ: Дон Жуан? Нет, Дон Жуан — новый герой. Вы будете бродить в раздумьях и выглядеть так, словно вашу простату хорошенько помассировали гномы. А когда умрете, то вас отнесут прямиком в уголок поэтов в Аббатстве.[141] И на дощечке напишут: «Обри не всегда был себе лучшим другом и порою достигал таких интеллектуальных высот, что враги его были просто счастливы. Наконец, измученный всезнанием, он, подгоняемый собственным бздением, отправился в Рай».

Попробуй напиши книгу, если персонажи постоянно норовят поменяться ролями, подменить друг друга! И еще по-своему истолковать основные события! Бороться с этим бессмысленно, вот и получается, что мы фальсифицируем истинную реальность, что-то прибавляем. *Вселенная играет, вселенная всегда лишь импровизирует!*

…Сатклифф спросил:

— Кому об этом известно? Вы должны сказать

[141] Примечания: 141

Имеется в виду Вестминстерское аббатство, где похоронены многие выдающиеся личности. *(Прим. ред.)*

— на благо истины.

— Догадайтесь сами.

— Сабине?

— Да. Я кое-что узнала, гуляя по берегу или находясь в душной часовне, где стоит черная восковая фигура святой Сары, посылающей колдовские чары сквозь чад от зажженных свеч. Понимаете? Нет сутр, нет молитв, никаких литературных поделок, над которыми надо рвать на себе волосы. Желание к желанию, нужда к нужде, как слюна, попадающая на раскаленное железо. Вы раскаливаете черную куклу, и она отвечает на любые вопросы, которые не касаются прошлого и будущего! Со мной история особая: я немного мошенница и чужая. Почему? Потому что я была с ними из любопытства — а это совсем не то. Надо родиться одним из них. Так что пришлось мне оставаться как бы снаружи — неравнодушной наблюдательницей. История идет себе и идет вперед, но цыгане — неосознанно — подчиняются не ей, а звездному ритму, они ни в чем не принимают участия, они, так сказать, просто наблюдают. Они отказались «классифицировать» импульс вселенной, в отличие от евреев, навязавших бытию выгодные им законы, чтобы получать доход. Сейчас, когда происходит посте-

пенный упадок детерминистского христианства, начинаешь думать, может быть, Ницше был прав, утверждая, что историческая роль еврейства заключается в том, чтобы отпереть ворота крепости, изнутри — древняя интеллектуальная пятая колонна радикализма всегда наготове и со своим мессианским фанатизмом потрясает основы традиции и стабильности. Так было с готами, и теперь то же самое они проделывают с нами. Разделяй и ной![142] Тогда как в понятиях чисто философских нет и намека на избранничество или обособленность. Для нас, цыган, и Гитлер и Сталин — дети Ветхого Завета, которые проводили в жизнь кровавую программу, во славу Молоха. Слава богу, ничего нельзя сделать, чтобы ускорить ее неизбежный конец и превращение в нечто новое, в еще какую-нибудь чудовищную затею! Люди начинают думать по шаблону, копируя друг друга. Мы имеем полное право винить христианство за смятение в наших мыслях. А что же цыгане? Цыгане не сделали даже попытки нажиться на трагедии своего заточения в концентрационные лагеря, в отличие от евреев. Они предпочли молчание — ни единого стихотворе-

[142] Примечания: 142

Обыгрывается латинское выражение «разделяй и властвуй». *(Прим. ред.)*

ния, ни единой песни, ни единой протестующей фразы в их фольклоре! Просто поразительно! Все как прежде — плетение корзин, воровство, предсказания. Игра судьбы!

— Ах, вот об этом-то я и хочу поговорить! — воскликнула Констанс. — Мне это кажется ложью. В последний раз, когда мы приезжали сюда, у всех нас были впереди разные судьбы, предсказанные разными колдуньями. Но скажи, Сабина, ведь должно же быть нечто общее?

Дочерна загорелая женщина покачала головой и улыбнулась.

— У нас столько же судеб, сколько в арбузе косточек. Так сказать, *in potentia*.[143] И никто не знает, какая из них прорастет — сбудется. Но как только что-то происходит, человек делает вид, будто все было очевидно с самого начала. Порою и предсказательница оказывается права, то есть правильно выбирает из возможных вариантов! У человека много судеб, в том числе и эта: вы могли умереть при родах. Обри догадывался об этом, хотя он не предсказатель — достаточно прочитать черновик его романа. Другой вариант: ребенок может умереть одновременно с матерью

---

[143] Примечания: 143
Потенциально *(лат.)*.

— это увидела наша таборная Мать. Это может произойти из-за какого-то несчастья, скажем, землетрясения. У всех вас, то есть у всех нас столько же судеб, сколько песчинок на берегу.

А в вашем ближайшем будущем, Обри, я увидела кое-что очень любопытное. Она вдруг обрела в вас любовь, хотя боялась, что ее больше не будет, так как потеряла всякую надежду на то, что вы очнетесь, выйдете из своей затянувшейся комы. Ей вдруг стало ясно, что если она предъявит на вас права, рискнет всем, то вы оживете, возродитесь. Ее вдруг настигло некое озарение, она осознала предназначение оргазма — со всей женской безжалостностью; она предугадала ваше метафизическое страдание, и отзывалась на него, чтобы подчиниться и постичь — именно это она старается сделать. Вы оба понимаете любовь как созидающую йогу — речь идет о ребенке, да-да, в вашем сознании ребенок, вот что говорят мне карты. Вам, конечно, известна старая провансальская поговорка: сделать ребенка может каждый, но главное сделать осмысленным его взгляд *(fait parfaire le regard).* Она свидетельствует о том, что народ прозорлив. Ребенок, зачатый благодаря обоюдному оргазму, будет умным и добрым. Констанс хочет спасти вас!

Наверняка, так оно и было, хотя бедняжка Констанс, будучи психоаналитиком, объясняла все иначе и не без чувства вины:

— В данный момент я беру на себя роль мужчины, подавляю тебя, чуть ли не кастрирую, но все это только ради того, чтобы ты ответил мне всем своим существом. Понимаешь, ты все еще не отошел от шока, полученного из-за взрыва, ты все еще мысленно съеживаешься, словно ты боишься, как бы твоему искалеченному телу не причинили боль. Но мне-то известно, что рана залечена, и если тебе еще не даются кое-какие движения, это не значит, будто тебя опять подстерегает боль. Тебе все доступно, и нечего раздумывать и сомневаться. Этой ночью я в первый раз почувствовала, что ты контролируешь себя. Сабина права, мы приближаемся к обоюдному контролю над нашими ощущениями.

Но он-то знал, что благодарить за эту любовную науку надо прежде всего Аффада.

САТ: Ну да, тут нужно действовать осмотрительно, без сноровки и хлеб не испечешь! Постепенно овладевая искусством амнезии оргазма, расширяя его ареал в сознании, мы прибавляем осмысленности в глазах будущего младенца. Добровольным расширением сознания вы посте-

пенно совершенствуете свою смерть, ту смерть, которую он унаследует от вас. Стоит вам все это осознать и действовать соответственно, и вскоре вы поймете, что стресс исчез, как и все сомнения. Вы сразу станете тем, кто вы есть на самом деле, и все благодаря ей, а она тоже обретет себя, благодаря вам! Однако констатация ваших чувственных побед не должна звучать как *constatation de gendarme*,[144] или Сатклиффу придется восстанавливать баланс в записных книжках, которые, возможно, когда-нибудь унаследует Трэш. Все эти жалкие возгласы восхищения, клише страсти! (После близости продемонстрируйте ему свое удивление — это мой совет молоденьким невестам.)

Но как можно не восхищаться золотистым телом Констанс, припорошенным пылью с арены для боя быков и забрызганным золотыми веснушками?

> Прелестна, словно юная тигрица,
> Одна стоит под жаркими лучами,
> Как кошка в течке, от желанья злая,
> От пламени в крови почти больная.

---

[144] Примечания: 144
Констатация факта полицейским *(фр.)*.

Веснушек россыпь золотом искрится…

БЛЭН: Почему это у смерти должна быть монополия, а? // *faut peaufiner la réalité, faut bricoler dans l'immédiat!*[145] Зачем оставаться жертвой грубых желаний? Что же до любви, как своего рода военного искусства, то вам следует прочитать мое новое исследование личности Клеопатры, тогда узнаете о ее тайных уловках. Она умащала груди перед близостью, а Антоний покрывал медом свой боевой инструмент! Нежное прикосновение языка — такая напасть, как истерия, не может быть результатом страстных, бесстыдных поцелуев соперничающих мужчины и женщины. Новые любовники стали философами и не уступают друг другу в одиночестве, которое они внушают. Невероятная печаль становится все богаче, а любовь, похоже, ничего не получает. *Происходит нечто прежде не виданное!*

Эти философские соображения звучат крайне поучительно, и, честное слово, многие из них могли бы безнадежно испортить любовную близость в полной неги ночи под звуки джаза, долетающие из-за подсвеченных деревьев. К чему тут мудрствованья? Неужели нельзя ограничиться

---

[145] Примечания: 145

Нужно тонко отделывать реальность, нужно работать сейчас! *(фр.).*

нежными, будоражащими, немудреными плотскими ласками? О той замечательной девушке, которую Блэнфорд сам придумал, он написал в книге: «Мужья пытались окольцевать ее, словно дикого лебедя, а она послушна лишь закону тяготения, переменам времен года, она летит то на север, то на юг по зову крови, избегая хоженых дорог и оседлых мужчин. Я всегда отыскивал ее в пустынных местах, рожденную морским приливом, одинокую, мою возлюбленную и мою подругу, само совершенство. По вечерам при свете одной свечи мы едим оливки и пьем холодное вино».

БЛЭН: Когда Сатклифф родился, было время дурных предзнаменований. Мой врач сказал: «Он наверняка умрет молодым, потому что напрочь лишен чувства юмора». Однако его французская нянька (муза?) наклонилась над его кроваткой и прошептала: «Они все принесли подарки, кто шпоры, кто колыбельку, Зевс — выжималку для чеснока, Венера — зажим для крайней плоти из чистого золота, предвещающий любовь без помех. А теперь представь: белая грудка цыпленка, пропитанная ароматом черных трюфелей, разрисованная их кусочками, как брюшко форели; горшок с черными ароматными оливками, плот-

но уложенными и любующимися собственным густым темно-золотистым маслом, *pâté de foie gras*.[146] Признайтесь, дорогой, у вас уже эрекция!» *Démon du Midi*[147] схватил его за волосы и избавил от воскресной участи.[148]

Пить кровь в обычае у недоносков-христиан,
Так есть, так было до Потопа у землян.
Мне эта жажда крови непонятна,
Меня б стошнило, вероятно.
По мне уж лучше жажда жить,
Чтоб ничего не упустить!

Мозг человека никогда не отдыхает, он всегда на волшебной частоте любви.

САТ: Формула как будто получается такая: *petit talent et gros cul*.[149] Любимый, словно целая конюшня лошадиных задов, начищенных

---

[146] Примечания: 146
Паштет из гусиной печенки *(фр.)*.

[147] Примечания: 147
Демон Юга *(фр.)*.

[148] Примечания: 148
Намек на героя детского английского стишка про Соломона Гранди, который родился в понедельник, а в воскресенье был уже похоронен. *(Прим. ред.)*

[149] Примечания: 149
Маленький талант и большой зад *(фр.)*.

так старательно, что в них отражаются улыбки конюхов. Их клеймят. Их клеймят. Вам пора принести собственный хлыст. Вот так обычно делают джентри. У нас и наших белых палеолитических лошадей все по-другому. Они ведут себя, как домашние любимицы, и обретаются на свободе, как только с них снимают седло, всегда нам улыбаются и трясут длинными белыми гривами, словно покинули свою привычную среду и больше не подчиняются порядку, предписанному им природой.

Подумать только: сперма стариков творит не стариков, а грудных младенцев, которые вырастут и станут отцами церкви, кипящими в параноидальной ярости сурового Бога. Жажда магических законов. Шизоидные состояния — это неясно выраженный мистицизм. Кундалини, дремлющая в подсознании, случайно задетая и пришедшая в движение, как еще не включенный мотор; она является из беспечных размышлений, беспечных желаний.

БЛЭН: Для принца искусство — это реальность на плоской поверхности — артефакт без объема, без глубины. Оно не выдержит основательного дознания. Осыпая его вопросами, вы рискуете проткнуть ими холст и угодить в ничто: или во

все! Есть границы даже для всего. *Bien sûr que non*,[150] как говорят французы, используя таинственное буддистское двойное отрицание. Что до женщины, то она — духовная разведчица, она ищет тропу во владениях плоти, она — заместитель, первый помощник капитана, и разделяет с ним ответственность.

Когда принц случайно услышал слова Констанс: «У нас теперь получается человек плохого качества, для которого мудрость приравнена всего лишь к информации!» — он был очарован и попросил, чтобы она дала ему несколько уроков этнологии. Вместе они стали посещать интернациональные собрания и внимательно сравнивали культуры, стараясь отыскать нужную ниточку, которая приведет к чему-то исторически значимому. Некоторые символы выступали из общего ряда и как будто помогали понять нечто важное. Например, страдающий Прометей. Он стоял на скале, повернувшись к ней лицом, когда стервятники слетались и клевали его печень; а страдающий христианин был повернут спиной к кресту, он раскинул руки, наподобие радиоантенны, с венком из дикой акации на

[150] Примечания: 150
Конечно, нет *(фр.)*.

голове… Два разных подхода к человеческому страданию! Профессор сказал: «Стремление к саморазрушению, видимо, свойственно более одаренным нациям и народам».

У принца даже вырвался тогда нетерпеливый возглас — у него появилось ощущение, что им не удастся таким образом найти искомое. К тому же гадалки предсказали смерть принцессы, и он уже мысленно рисовал похоронный кортеж — длинную процессию едущих друг за другом «роллс-ройсов», которая растянулась километров на восемнадцать на залитой солнцем дороге между Каиром и Александрией. Скрипучие мельничные колеса Египта — это его цикады. Скоро он вернется к ней, к той, без которой не мог представить свою будущую жизнь. *«C'est une affaire de tangences»*[151] — заметил кто-то в разговоре с ним на коктейльной вечеринке на озере Мареотис. И вот теперь вместе с мыслью о ее смерти эхом билась у него в голове мысль о том, до чего скучны все остальные женщины, до чего убоги все эти его кутежи! Они были предательницами и показывали ему своих лилейно-белых кавалеров, «шишек», вот и все! (Величина гипотенузы в Пи-

[151] Примечания: 151
Здесь: «главное — осязать» *(фр.)*.

фагоровом треугольнике равна пяти.)[152] Однако он должен быть справедливым. Кое-кто научил его тонкостям, которые помогли любовным отношениям с женой, а одна такая была… раздвинув ноги, она открыла ему секрет пирамид и… ну да, энтропии тоже. Но существует и закон обновления, который в достаточно короткое время может оспорить необратимость процесса — реальность смерти, неизбежность старения человека.

— Я хочу, чтобы ты произвела на свет ребенка, твое дитя, это великое испытание, — сказал он Констанс.

И она торжественно, точно оракул, спросила:

— Даже несмотря на то, что — и тебе это отлично известно, — любовники страшные эгоисты?

— Даже несмотря на это! Вопреки этому!

Блэнфорд обнял Констанс, эта ласка все еще была непривычной благодатью для их незрелых сердец и беспокойных мыслей. Он произнес с тайным лукавством:

— Во имя этого будущего я навеки твой.

Оба знали, что уже произошло нечто, и остается лишь отважно жить дальше, ожидая свершения. Реальность слишком безнадежна, чтобы кто-то

---

[152] Примечания: 152

Имеется в виду так называемый «египетский треугольник» с соотношением сторон 3:4:5. *(Прим. ред.)*

мог в нее верить; поэтому она предпочитает появляться в вечернем платье — уже в виде Истории!

Мужчины плотоядны и глупы,
Им не любовь нужна, а похвальбы,
Рожденные Первичным криком пола.
Точно лунатик, в мрак кромешный
Бредет наш горожанин хилый,
Проклятым естеством гоним, без сил,
Мечтает о красотке самой нежной…
Ну а получит то, что заслужил:
Невзрачную жену и дом постылый.

САТ: Когда всадники ехали по деревенской улице, три их фигуры отражались в витринах магазинов; золото ее загара сверкало в обрамлении белокурых волос. Этот победный блеск красноречиво говорил о ее намерениях. Жизнь без страха все равно что жизнь без полного осознания реальности — ее ценности. Мужчины, не познавшие страха, не могут быть мудрыми. Ах! Я за мужчин, которые понимают, что реальность последовательно опережает существующие интеллектуальные формулировки. Порою волей-неволей замечаешь, что мир иногда очень похож на обыкновенный фермерский двор, а люди, которые там толкутся, скорее крякают и хрюкают,

чем разговаривают. Онтология — наука о бытии! Возможно, наша цивилизация — первая, в отличие от прежних, не может определить, в науке или в искусстве заложены ответы на вопросы. Наука и искусство, видимо, порождены разными центрами в организме животного по имени человек. Теперь мужчина в состоянии познать самого себя с помощью некоего религиозного опыта, но оставаясь при этом мужчиной. Если же женщина хочет получить религиозный опыт, она вынуждена отвергнуть свое женское начало, превратившись в монахиню. Бывает ли улыбка без кота? Не уверен. Недавно один самоубийца написал: «Покидая вас, я получаю весь мир!» На обед он обычно ел лобстеров, нежных, как христианские младенцы, очень легкая еда, но перегруженное сознание ничем не лучше перегруженного кишечника — кое-что надо отдать! А потом — вот вам пожалуйста!

Когда они сделались любовниками, их объятия словно бы стали продолжением их мыслей, и Блэнфорд окончательно убедился, как велика ее власть над ним. Это немного его пугало, так как он понимал, что позднее ему придется отобрать у нее власть, лишить ее господства — господином должен быть мужчина. А ей и не нужно было

никакой власти. Она лишь пыталась пробудить его, чтобы он почувствовал себя уверенным, осознал свою ответственность. Теперь они мало разговаривали. Долгие молчаливые прогулки верхом вдоль берега моря были в высшей степени благотворными, укрепляющими. Их маленькая таверна была, как всегда, ужасна; в ней подавали жесткую ослятину, плохо приготовленную, политую прогорклым маслом, да еще совершенно остывшую. Эту таверну следовало бы переименовать: не «Мистраль», а «Кровавая зубочистка». У хозяина были мертвые, как у мухи, глаза. Вступать с ним в споры не имело смысла, он все равно ничего не понимал. А вот вино у него было чудесное, из Сен-Сатюрнена. Неожиданно приходили мысли о сути всего происходящего. *«Oui, en toi j'ai bien vendangé ma mère!»*[153] — сказал он ей. Это было самое искреннее объяснение в любви, и она именно так его восприняла, ведь она была настоящей фрейдисткой, или казалась такой!

Вот так они скакали в полном единении душ. А прожорливое море вылизывало край береговой линии, и еще оно вгрызалось и вгрызалось в берег, сужая песчаные просторы, простиравшиеся

[153] Примечания: 153
Да, с твоей помощью я снял хороший урожай со своей матери! *(фр.)*.

к горизонту, где костистые контуры дюн нежил синий-пресиний окоем неба. В конце концов она убедила его в том, что любовники те же философы, и им необходимо воспринимать время через тончайшую призму их любви. От этого они иногда становились немного занудами.

— Я считаю «Этиологию истерии»[154] величайшим документом двадцатого столетия, великой Сутрой, так сказать. И я не понимаю, почему сам Фрейд отрицает ее истинность. Это сомнение так же недолговечно, как некогда другое великое сомнение, философское отрицание («Ты отречешься от меня трижды!»), которое закончилось распятием.

Она имела в виду, что ребенок изначально будет ясноглазым, сильным, здоровым, никаких «неврозов детства» — она знала, что так будет. С другой стороны…

— Я видел *сон,* как будто заканчиваю книгу. Ты отправилась в Ту-Герц, чтобы прибраться там, а я поехал в Англию, желая приступить к своему опусу. А потом зазвонил телефон, и мне сообщили о твоей… Это непостижимое, уникальное слово…

— Какое?

---

[154] Примечания: 154

Так назывался доклад З. Фрейда (1896), в котором он впервые употребил термин «психоанализ». *(Прим. ред.)*

— Нет, это надо пережить, чтобы постичь! Смерть!

БЛЭН: Твое сознание свидетельствует об историческом *теперь*, которое ты проживаешь, пока память вспоминает другие «теперь», блекнущие по мере того, как удаляются в предысторию, называемую *прошлым.* Это картины твоей земной жизни, смутные и частично совпадающие, их воспринимает индивидуум, которого мы называем словом «я». Однако… в течение нескольких лет, полагаю, лет семи, каждая клетка в теле этого «я», этого индивидуума, изменяется и даже заменяется. Мысли, суждения, эмоции, желания претерпевают ту же метаморфозу! Что же тогда такое постоянная величина, которая называется «я»? Естественно, не имя, хотя оно определяет отличие

одного индивидуума от других… Произвольная последовательность довольно бессвязных воспоминаний, которые начинаются где-то в детстве и заканчиваются потрясающим *теперь*, *настоящим* временем — временем как величиной, воспринимаемой нашим сознанием! (Несмотря на все эти каменные барьеры, я люблю тебя больше, чем себя!) Весь этот скопившийся в памяти сырой материал странным образом преображает-

ся, очищается, и мы на физическом уровне вдруг обретаем интуицию, отчасти это напоминает состояние во время медитации — когда достигнуто «пребывание в покое», как говорят тибетцы. Так творят ковчег или дом для ребенка, зачатого в любви, чтобы он плыл по водам вечной тьмы и видел все, что мы делаем, был свидетелем каждого поцелуя, которым мы обмениваемся… Когда (или если) повезет, мы достигнем такого уровня развития сознания, что ступени причинно-следственного мышления, которое предшествует этому озарению, станут ненужными, от них надо будет избавиться! Надо будет оттолкнуть лестницу, фигурально выражаясь.

Эпитафии нам Сатклифф сочинит,
Неспешные, как маятник Вселенной,
Где людские метрономы осрамит -
Ритм жизни нашей бренной.

Улыбаясь, Констанс повернулась к нему и вздохнула.

— Ты даже представить не можешь, сколько раз я бывала на грани смерти. И в конце концов установила неплохие отношения с этой уродиной! Где-то посреди кошмара приходит великолепное чувство подчиненности неизбежному. Оно, это

чувство усиливающейся амнезии, настраивает тебя на ритм жизни растений. Это помогает понять, что любая любовь проходит — очевидно, что своим скверным нарциссизмом мы украшаем жалкое ничто. Слабака, капитулировавшего перед смертью, даже без всякой агонии. Лежишь в одиночестве, и благословенный паралич мыслей, все менее четких, отрешенность постепенно завладевают тобой, и убаюкивают, ведут, ведут… пока раз — и всё! Поцелуй меня. Обними покрепче. Какое-то время эхо пустоты преследует тебя потом в каждом уголке дома, невидимое, как гравитация, и такое же вездесущее, напоминая об ушедшей гостье…

Да, стихотворные эпитафии Роба, полные изначальной совершенной болезненности, развяжут наши путы и заставят нас спекулировать на образах свободной любви… Он знает, что плоть остывает так же, как глиняный горшок, в новом очаге молчания, сложенном в садах, похожих на прекрасных женщин и столь же бесполезных, как плод, висящий на дереве, но подчеркнуто учтивых в своем древнем могильном молчании.

Природу Фауст презирал,
За то наказан был, никак не умирал,

Тогда, наскучив белым светом,
В Чистилище нашел свой идеал,
Где получил все то, о чем мечтал.

Ему был дарован выдающийся пенис с тремя головками — Великолепная Игрушка алхимиков.[155] Теперь они любили друг друга, скрипя, как старые теннисные ракетки, и он с полным правом записал в дневнике, что *«le temps du monde fini a commencé»*...[156]

Я сделал открытие, однако ничего не могу вам о нем рассказать, поскольку еще не придуман язык, которым можно это описать. Мне известно место, но не известна дорога к нему — надо плыть или лететь — и мудрецу Фаусту тоже. Что же делать? Нельзя мешкать с реальностью, живущей на краю надежды.

Трепетанье тысячи вагин
детей бесконечные крики и стоны
гудки судов морских многотонных
творцов небесной техники вздохи и рвение

---

[155] Примечания: 155

У алхимиков философский камень символизировала трехголовая змея *(Прим. ред.)*

[156] Примечания: 156

Время кончившегося мира началось *(фр.)*.

искателей воды напряжение…

Все это смертельно выматывает, а теперь

надери мне задницу и назови Чомским![157]

Прилагательное — оплот хорошей прозы, но поэзию оно развращает; только, конечно, не лимерик, там целая витрина отменных прилагательных. В идеале, можно написать целую книгу в этой выразительной и удобной форме, чтобы не оступиться и не угодить в медленно текущий, грязный поток воспоминаний. Хотя слишком быстрый и четкий ритм лимерика, не исключено, покажется монотонным. В более неспешной, вальяжной прозе вы можете изредка подпустить тумана в виде умолчаний. Истина — не только незнакомка, она еще и старуха… Вся реальность приснилась косматому божку, разговаривающему во сне. *Eppur si muove*![158] Он выражается так, словно ему нужны заклепки для его прозы — ну

[157] Примечания: 157

Вероятно, имеется в виду американский лингвист и общественный деятель, так называемый американский диссидент, Аврам Ноам Чомский (род. в 1928 г.).

[158] Примечания: 158

«И все-таки движется» *(ит.)* — слова Галилея про Землю, сказанные инквизиторам. *(Прим. ред.)*

да, афоризмы в качестве заклепок!

Пусть борзописцы с бархатным пером
Вздыхают о Свободе Женщин. Но стоило б потом
Спросить Богов Любви и прочих сумасбродов —
Нужна ли дамам пресловутая свобода?

САТ: Дорогой, скоро они упразднят мужчин, и вам придется подумать о должности в Банке Спермы, это самый почетный пост в табели о рангах государственного чиновника. Гарантированный личный спермовый счет, форма, как у служащих казначейства. Вы только взгляните, с какой гордостью и небрежностью они носят свою золотую цепь. По ним вздыхают девицы — те, которые ничего не знают в этой жизни, кроме пластмассовых шприцов, хорошо простерилизованных, но само «лекарство» не очень чистое, а иногда и просроченное. Для настоящего-то мужчины — раз плюнуть: небольшого куска мужского мяса достаточно, чтобы оживить Застойное Общество под председательством мадам Яичник. Укрощение строптивого, говоря точнее, блудливого.

— Божий ерш! — вскричал он. — За дамою целую даму, так что будущее не претерпит сраму!

— Констанс, ты убедила меня — наверно, мы с тобой представляем устаревший культ. (Береги жаркие искры воспоминаний, и она будет твоей — говорю я себе.) Еще не все потеряно. Я сижу в детской комнате литературы, а вокруг разрозненные детали моей будущей священной колесницы — книги, и я не знаю, как мне возродить этого рухнувшего атланта. Эти клочья вполне осмысленные, хотя нет ни одной связующей нити. Некая умная и образованная девушка, с такими же незабываемыми глазами под тенью ресниц. Тоже недовольная мелочными сделками времени, она вдруг находит простую, незатейливую любовь и радуется ей; на всех парусах она устремляется во тьму, где прячется ее великая страсть. Преднамеренная путаница деталей и событий — как раз то, что нужно. В центре узаконенного беспорядка есть ощущение некоего смысла. Клюв и девственные коготки особо прославившихся девиц. Есть среди персонажей и старики, чьи краны перекрыты — безнадежная тишина все еще удерживает их, хотя, кроме заходящего земного солнца, уже нет радостей… И любовная пуповина перерезана. Невроз — норма для культуры себялюбцев. Фрейд выставил напоказ ее корни, — так дантист своим сверлом открывает

пульпу. И сразу понятно, что это больной корень виноват в несовершенных грехах! Цивилизация — это плацебо с побочным действием.

И снова они отдались друг другу, твердо веря в то, что благодаря этим объятиям, они познают истину!

Глава восьмая
Минисатирикон

— Если хотите знать мое мнение, это чисто римское бахвальство, — произнес лорд Гален. — Как подумаешь, что подобная махина была создана лишь для того, чтобы отвести воду из реки на двадцать пять километров, в засушливый Ним, куда одиннадцатый легион был послан в качестве поселенцев… чистой воды бахвальство, вот что это.

В наступающей темноте они свернули на мост в ожидании начала празднеств, наконец-то он наступил, великий день, когда предстояло сорвать завесу с тайны сокровищ тамплиеров, хранившихся в пещере.

— Возможно, — отозвался Феликс Чатто, присоединившийся к ним уже в сумерках. — Возможно, — повторил он, глядя на золотистые, как мед, арки акведука, изумительно красивые на фоне вечернего неба, — для тогдашних архитекторов такие сооружения не были особо сложными — обычные законы гидравлики, предельная функциональность. Не было даже римской девственницы, отданной заживо богине реки! Принц

кивнул.

— Да, не было. Насколько нам известно! А, может быть, строительство затеяли, чтобы избежать социальных беспорядков и примирить римских колонистов с местными жителями? Как плохо, когда чего-то не знаешь. А ведь мы не знаем, когда сугубо функциональный объект, форт, железная дорога, дамба (словно у них изменился шифр) становится бесценным эстетическим объектом.

Все эти рассуждения насчет эстетики были сейчас как-то не совсем уместны. Ибо услышав от префекта, что грядет праздник и *vin d'honneur*[159] в честь восстановления убежища святой Сары, сообразительные цыгане, поняв намек, уже хлынули в долину, туда, где меж высоких скал и влажных лесов стремительно неслась зеленая речка, бившаяся на бегу об усеянные камнями берега.

— Да, насчет эстетической ценности мы никогда ничего толком не узнаем, — вздохнул Феликс. — Много лет назад мне довелось зайти в один греческий монастырь, а там — музыкальный автомат, мы все просто остолбенели. Автомат — в монастыре! Оказывается, один из

---

[159] Примечания: 159

Здесь: праздничное бесплатное вино *(фр.)*.

монахов ездил в Америку и привез это, так сказать, достижение культуры *ex voto.* Это было даже забавно, потому что необычно. Приехав туда снова через несколько лет, мы обнаружили, что теперь во всех монастырях есть музыкальный автомат, иногда не один. И они орут-надрываются на полную мощь весь день напролет. То, что раньше казалось забавным и редким, теперь стало сущим кошмаром. Как такое произошло? Неужели объектом наших желаний и восторгов становится только нечто редкостное, и как только эта неповторимость исчезает, исчезают и восторги? Эта мысль часто не давала мне покоя.

Лорд Гален чувствовал себя не слишком уверенно, поскольку, в отличие от Аристотеля, был неважным оратором.

— Естественно, лучше всегда больше, чем меньше, — решился вставить он, — как с деньгами.

Феликс покачал головой.

— А с микробами?

— Боже мой! — воскликнул лорд Гален. — Терпеть не могу таких аргументов, ведь они ничего не доказывают. Неужели было бы плохо, если бы греческие монастыри тратили больше денег на сантехнику? Лично я был бы очень рад.

Пока этот «религиозный», но вполне друже-

любный спор, продолжался, Сатклифф делал в своей записной книжке пометки — любопытные детали, число и час, где все происходит… На случай, если Обри почему-то не приедет или опоздает, мало ли что. Самым интересным было то, что каждый из собравшихся лелеял свои мечты и планы относительно предстоящего события. Для принца и его компаньонов особо была важна материальная сторона, для сотрудников музея — эстетическая, цыгане пеклись о судьбе святой Сары, и так далее. Даже маленький доктор и мертвенно-бледный Катрфаж, с повадками эпилептика, ожидали откровений, новых сведений о таинственных тамплиерах и их заветном кладе. Все должно было решится — если повезет — после полуночи, когда собравшиеся, хорошенько напраздновавшись, отправятся в темный лабиринт коридоров и гротов. Что до цыган, то это были такие ловкачи, что проникли бы куда угодно, кибитка за кибиткой, табор за табором. Волшебные слова «Святая Сара». Они мигом облетели все кочующие таборы — вплоть до северных Балкан. Цыгане из Югославии, Италии и Алжира решили, что их посланники непременно должны присутствовать на столь важном событии. На их языке это называлось

«пробуждением». Так сказать, обряд инаугурации таборной святой, предсказательницы и предводительницы. Естественно, что местные цыгане, из городских и сельских таборов, пользовались правом наибольшего благоприятствования, так как их было больше и они были более близки к местным властям. Они запросто улаживали отношения и с полицией, и с прочими властями. Пока все шло довольно гладко, хотя префект провел бессонную ночь: неожиданно проснулся задолго до рассвета, похолодев от страха, поняв вдруг, что может начаться пожар, который мигом охватит лес вокруг Пон-дю-Гар. А ведь он сам предложил устроить небольшой *салют* в честь святой Сары. Кровь застыла у него в жилах, едва он представил, что будет, если кто-нибудь закурит… или упадет лампа… Утром он, слегка успокоившись, отправился к мессе, однако и во время службы не мог отделаться от видений горящего Пон-дю-Гар, то и дело возникавших у него перед глазами. Менять что-нибудь было уже поздно, поэтому префект вызвал команду пожарных, пусть будут наготове, если вдруг что…

Так или иначе, предстоящее мероприятие считалось событием общегородского масштаба (что льстило цыганской гордости), и было очевидно,

что и все окрестности, и овраг заполнят зрители и участники празднества. Городские *pompiers*[160] дружно взялись за дело, начав с наладки освещения. Были протянуты провода, с которых свисали гирлянды из разноцветных лампочек, в грузовике заработал переносной генератор. Впервые все здешние дома были так ярко освещены. Ведь помимо этой иллюминации в городе имелась запасная система освещения, которую использовали в дни национальных праздников или в туристический сезон. Покачивающиеся лампочки делали город похожим на волшебную страну, сказочный свет лился сверху из театральной тьмы ночных небес. На вздымавшихся вверх скалах, поросших влажным кустарником и каменными дубами, уже обосновались цыгане.

(И опять у префекта холодела кровь, так как невозможно было запретить им разжигать костры, на них цыгане готовили себе еду!) Они привезли с собой и товары, и гадальные карты, а приехали на старых грузовиках или в кибитках, держа на руках завшивевших востроглазых детишек. Привезли они и блох, если верить рапортам местной полиции! И музыку тоже.

---

[160] Примечания: 160
Пожарные *(фр.)*.

Расположившись, они тотчас начинали веселиться. Зазвучали разнообразнейшие мелодии, исполняемые на разных инструментах и в разных ритмах — плаксивые мандолины что-то мурлыкали, изнемогали под смычками пугливые томные скрипки, звуки тромбонов напоминали бормотанье деревенских дурачков, которые талдычат одно и то же. Потом пустились в пляс дети. Цыган становилось все больше, и вот уже появились столики, на которых были разложены товары: пироги с мясом, яблоками или вареньем, жареное мясо, фрукты, ячменные и пшеничные лепешки, были даже всякие безделушки и корзины — плоды трудов самих цыган, не упускавших возможности подзаработать. За другими столами-прилавками вели торговлю кузнецы, которые могли тут же подковать лошадь, изготовить отмычки для офисного сейфа и продать точило для кухонных ножей, чтобы они в мгновение ока стали острее бритвы. Были тут торговцы шарфами, кружевами, разноцветными салфетками из Турции и Югославии. И, наконец, как не упомянуть армию гадалок, нарядных, ярких, точно попугаи, и со всяким подспорьем для ворожбы…

Тем временем возвели центральный шатер, очень большой, ибо он должен был вместить

большую часть выдающихся горожан, на середине поставили некое подобие трибуны, с которой префект собирался произнести речь в честь святой Сары. Он никогда не упускал случая выступить перед публикой. Это была его работа, но еще и искусство.

Цыгане стояли группами вокруг полудюжины старомодных кибиток с маленькими окошками, украшенными яркими расписными наличниками и завешанными дивными занавесками. В центре располагалась самая красивая кибитка, в которой обитала предводительница табора, цыганская Мать. Над ней и вокруг нее витал аромат благовоний и виски, дразня обоняние клиентов, которые пришли проконсультироваться с этой почтенной дамой насчет своих денежных дел. Вечерний ветерок гнал на скалы и вниз по течению реки запахи костров, еды, табака, индийских курительных палочек.

— Поищу-ка я нашу госпожу Сабину, — сказал лорд Гален. — Хорошо бы получить от нее более солидное, подробное предсказание. В последний раз, когда мы виделись у Святых Марий, она что-то была не в форме, хотя некоторые ее слова меня поразили, и мне очень хочется расспросить ее поподробнее, если получится.

— Она не пообещала, что вы найдете сокровище? — полюбопытствовал принц.

— Нет! Кажется, нет. Мне — нет! Однако она предупредила, что ее возможности ограничены, она видит только то, что ей доступно, только то, что способен уловить человеческий глаз — на определенном расстоянии. И все же я был, как и вы, потрясен тем, что она сказала.

Феликс Чатто, решивший отдаться на волю судьбы и не очень-то доверявший гадалкам, тем не менее тоже хотел отыскать Сабину, которой всегда восхищался и считал замечательной собеседницей. У него появилось чувство, что за прошедшее время он очень повзрослел, причем во многом так неожиданно, что ему хотелось убедиться в собственной зрелости, проверить это на ком-то, чья восприимчивость, чьи взгляды были сродни его собственным. А эта женщина как раз истосковалась по хорошей беседе на родном языке, когда можно и пошутить и не мучиться, выбирая слова. Но куда она подевалась? Из-за каких-то транспортных недоразумений Сабина попала на виадук лишь ночью. За последние годдва она очень похудела, собственно, ей уже было известно, что у нее начальная стадия рака; но на какое-то время она необыкновенно похороше-

ла, и это подчеркивал театральный цыганский наряд во всей его великолепной аляповатости. Тело ее отозвалось на потерю веса, Сабина теперь и ходила иначе, как когда-то, немного покачиваясь и склонив голову на бок, словно как бы со стороны прислушиваясь к собственной красоте. Наконец в толпе раздался ее хриплый голос, и кто-то (возможно, Гален) крикнул:

— Вон она! Надо ее перехватить, прежде чем это сделает французский префект!

Им удалось ее перехватить, но похоже, Сабина сама искала Феликса, — она почти бегом бросилась к ним навстречу и схватила его за руки, не обращая внимания на протянутую руку Галена.

— Мне нужно переговорить с вами с глазу на глаз, — запыхавшись, выпалила она, — если ваши друзья не против. Я хочу кое-что вам сообщить. — И она потащила его в сторону, в лес, где усадила на обломок золотистого камня, отвалившегося от моста. — Когда мы говорили про Сильвию, я сказала вам не все, что увидела, так как главного вы все равно не поняли бы — тогда. Это было, скажем так, предварительное пророчество. Если я что-то вижу, это вовсе не означает обязательного свершения, иногда предсказание не сбывается; однако, если подсчитать, то я по-

падаю в точку примерно семь раз из десяти. Вы спрашивали про ее болезнь и о том, насколько велика вероятность самоубийства, а я перевела разговор на другое. Мне нужно было время, чтобы посоветоваться с Матерью, спросить, что я имею право раскрывать, а что — нет. Дело в том, что мне удалось заглянуть довольно далеко в ваше будущее, скажем так, в мой вариант вашего будущего. В этом варианте Сильвия не то чтобы умирает, она оказывается похороненной заживо в снежной лавине. Это случится чуть севернее от Загреба, через несколько лет. Но до тех пор вы успеете испытать с ней необыкновенное счастье. Потому что, поняв природу ее так называемой болезни, поможете ей преодолеть страх и вновь обрести разум. Став молодым послом, вы обретете богатство, вам будет сопутствовать профессиональный успех, и никаких проблем со здоровьем не предвидится. Катастрофа будет неожиданной. Они молча сидят в своем лимузине, шофер в униформе дремлет. Все ждут помощь, ждут, что их откопают. Она играет в карманные шахматы. Я слышу довольное мурлыканье кота и тиканье часов. Помощь прибудет, но поздно. Спасательная команда сделает все, чтобы пробиться к ним и вытащить тела, но автомобиль застрял в ска-

лах, и спасатели не смогут сдвинуть его с места. Придется ждать весны. К сожалению, из-за влажности ничего не останется в ее двух последних записных книжках — великая потеря для литературы, по мнению многих. — Все это Сабина проговорила, крепко держа Феликса за запястье и не отрывая глаз от его ладони, словно была в состоянии транса. Потом она вздохнула. — Вот так. А теперь прошу меня простить, мне надо отлучиться, кажется, приехали французы.

Действительно, приехали французы, то есть представители прессы с фотоаппаратами наготове, которых заверили, что будет отличный буфет — но пока еще он не одолел и половину горы. Создание этого кулинарного чуда было поручено великому Тортони, шеф-повару Нима, который помимо множества кексов и паштетов приготовил пьедестал для самого главного из своих творений: лежащей женщины, изваянной из масла, украшенной икрой разных сортов, порциями *saumon fumé*,[161] и вокруг — архипелаг из замороженного картофельного салата. Венера, возлежавшая на кушетке из балтийской икры с улыбкой спасительницы на прекрасном лице,

[161] Примечания: 161
Копченый лосось *(фр.)*.

должна была напомнить всем, что Тортони посещал уроки живописи, до того как избрал карьеру повара, принесшую ему славу и богатство. Все это великолепное сооружение следовало держать на холоде, и потребовалась недюжинная изобретательность, чтобы поместить создание мастера в холодильную камеру, которая была скрыта от глаз легкомысленными купидончиками с поднятыми леденцовыми пенисами и медовыми улыбающимися ртами.

— Должен сказать, — с гордостью произнес Гален, — иногда у вас бывают неплохие идеи.

Собственно, это принц придумал сию гастрономическую шалость, так как бюджет префекта мог бы покрыть лишь стоимость сырной корки.

— Надеюсь только, что это обошлось нам не слишком дорого, — добавил Гален, так как принц послал счет компании.

Принц с укоризной покачал головой.

— Ах, опять вы про деньги! Сегодня мне приснилось, что вы умерли, а прах потом развеяли с вертолета над вашим банком в Женеве.

Гален от души рассмеялся.

— А еще вы соорудили себе надгробие в святая святых банка!

Однако веселость Галена сменилось задумчи-

востью, словно он сообразил, что подобная идея не так уж и плоха! А принц продолжал подтрунивать над приятелем:

— Помнится, Вольтер давал совет людям, собравшимся в Женеву. Знаете, какой?

Гален не знал, так что принц любезно процитировал:

— Вольтер говорил: «Если вы в Женеве и видите, как банкир выпрыгивает из окна на четвертом этаже, прыгайте за ним. Три процента вам обеспечены!»

Цитата привела Галена в хорошее настроение.

— Старик Банко обычно повторял, что если приложить ухо к женевскому банку, можно услышать, как он урчит, словно персидский кот. Эти звуки якобы выражают благоразумный интерес к росту капитала!

Феликс укоризненно щелкнул языком, якобы недовольный всеми этими легкомысленными шуточками, разумеется, он лишь делал вид, будто они его смущают.

— Ну же, Феликс, — сказал принц. — Мы живем в мире Мутонов-Ротшильдов, и в нем почти нет места веселью. Что касается меня, то я умираю от желания запустить ложку в масляные ягодицы Венеры, сотворенной Тортони, однако, увы, при-

дется ждать префекта, или это не обязательно?

Префекта конечно же надо было дождаться, как того требовали правила протокола и масштаб праздника. Однако было очевидно, что самим цыганам отведена малюсенькая роль в этих пышных торжествах. Хотя без них никакого торжества вообще бы не состоялось, они не теряли присутствия духа, мирясь с подобной несправедливостью. Поздравительная речь префекта была записана, размножена и передана прессе; однако в ней было нечто несообразное, так как он велел написать, что статуя уже найдена — будто ее достали из пещеры заранее, так сказать! Короче говоря, речь была написана и прозвучала благожелательно, даже сердечно — благодаря некоторым неформальным оборотам, которыми часто разбавляют официальные речи. Однако в шатре, где собрались главные участники действа, цыган было совсем мало. Зато снаружи они уже составляли безусловное большинство, а их собратья все прибывали и прибывали. Дым от костров и ламп, протяжные цыганские напевы придавали празднику романтический колорит. А безудержное веселье напоминало о других, более важных цыганских праздниках — например, в честь святых Марий в конце мая. Красочное

разноцветье радовало взгляд, и Сатклифф совсем опьянел от всего этого, еще до того, как на него подействовало вино. Он спросил Сабину, не хочет ли она уединиться с ним, и в ответ она долго смотрела на него каким-то странным взглядом.

— Не знаю, кто из вас реальнее — Обри уже предложил мне то же самое.

— По-вашему, в наши времена нельзя иметь *alter ego?* — с раздражением отозвался Роб. — Я просто поддерживаю традицию. Во всех именитых домах, кстати, шут обычно подражал господину! К чему вся эта таинственность? Когда с близкого расстояния описываешь сугубо личный опыт, веселье совсем не мешает, оно нужно хотя бы для того чтобы выразить удовольствие. Поэтому я люблю тебя, ведь для тебя не тайна, что там, где задействован индивидуум, мы имеем лишь иллюзию последовательности, связности. У твоего «я», у меня, у моего «я» столько же постоянства, сколько у пара. Сабина, я превращаюсь в радугу! Я чувствую это. Медленно, но элегантно. Я полон любви и дурных предчувствий, потому что знаю, как пишутся стихи. Это когда грядут борьба, удушье, поединок с соперниками, конвульсии — перед тем, как ты решаешься сделать жизненно важный шаг в сторону неведомого! Я

хочу исчезнуть из времени посредством совершенной амнезии оргазма. Время! Ты не замечала, насколько следующее мгновение похоже на предыдущее? Время — это постоянный поток, непрерывный процесс. Это *мы* исчезаем, состарившись!

— Пойдем в мою кибитку, — сказала она.

Это был приказ.

До еды пока дело не дошло, но все уже вовсю распивали шампанское, благодаря которому наслаждалась приподнятым настроением. Защелкали вспышки фотокамер, и все почувствовали, что приобщаются к вечности. Музыка вливалась в гудение голосов, в шум общей беседы, которая уже ничем не отличалась от бесед на любой вечеринке с коктейлями — словно опрокинулась чаша «коллективного бессознательного», — как бокал вина.

— Вы тогда ужасно напугали меня рассказами о змеях и спрятанных сокровищах, — сказал Гален. — Помните ваши египетские сказки? Я даже обзавелся тяжелой тростью с металлическим набалдашником. Я на всякий случай прихвачу ее с собой. Принц хмыкнул.

— Это будет весьма кстати! Если учесть, что нынешняя опасность — это мины, на которых

можно подорваться!

Прибыли еще гости, среди них доктор Журден, угрюмый Катрфаж и даже (как ни удивительно) Макс, который еще сильнее стал походить на Бога-Отца: словно дух старости обрел дом, воплотившись в этом седом степенном красавце. Гален заплатил за то, чтобы он пришел, поскольку он был «спящим партнером».[162]

— Что случилось с Констанс? — спросил он и обрадовался, когда Феликс ответил:

— Самое лучшее — и самое худшее! Она влюбилась в Обри и исчезла. Но сегодня они обещали быть тут, поэтому не исключено, что мы скоро их увидим.

Старик склонил голову, предавшись размышлениям: «Любовь, не преодолевшая телесность, заканчивается утратой надежд и прощением. Надо спросить себя, неужели это все, что может дать жизнь? Однако у жизни свои предпочтения, и всему свой черед. Она совершенно права и ведет себя так, как должна себя вести. Следует изучать единственное искусство — как взаимодействовать с реальностью и неизбежностью!» Подумав так, он принялся ругать себя за столь

---

[162] Примечания: 162

У финансистов так принято называть партнера, внесшего пай, но не участвующего в ведении дел.

лицемерную формулировку, в то же время понимая, что на него подействовали занятия йогой — нынешняя его приверженность озарениям и обогащению кислородом. Как бы то ни было, Максу до смерти хотелось повидаться с Констанс, и он надеялся, что не заснет, не переговорив с ней. С недавних пор у него (к сожалению) появилась неодолимая привычка засыпать после обеда — досадный симптом старости, перед которой он оказался бессилен!

Появление префекта, в соответствии с его рангом, должны были возвестить три пары литавр, однако на сегодняшнем культурном мероприятии он из скромности ограничился двумя парами. Собственно, не было другого способа призвать средиземноморских жителей к тишине. А заодно дать понять, что он собирается произнести очень серьезную официальную речь. Литавры сделали свое дело — народ угомонился!

В этот вечер префект позволил себе приятный каприз: он вышел из служебного автомобиля и пешком прошел несколько сотен ярдов до моста — под звон литавр. Ему удалось произвести впечатление, — он не спеша, с достоинством шагал в своем облачении, и украшавшие его грудь знаки отличия вздымались при каждом вдохе.

Литавристы шли впереди, с торжественной медлительностью ударяя литаврами и отбивая каждый шаг префекта; цыгане, завидев его, расступались, давая ему дорогу, и тоже начинали наигрывать что-то торжественное, приветствуя этого важного господина. Между тем, он своим наметанным чиновничьим глазом подмечал решительно все. Его очень беспокоило, как ведут себя цыганские главари, то есть соблюли ли они нечто, невидимое глазу и непостижимое для ума, — протокол. Префекту стало спокойнее, когда он увидел, что старуха, Мать табора, донельзя потрепанная, чинно сидит за боковым столом, и перед ней — неизменная бутылка джина и горящая благовонная палочка для поддержания образа предсказательницы. С ней рядом расположились муж и многочисленные сыновья, которым было тут не совсем уютно из-за яркого света и «официоза», но они явно были польщены. Префект сделал круг, здороваясь за руку с приглашенными и с интересом отмечая, что некоторые из собравшихся — как будто из другого временного поля или другой реальности. Как например, Тоби или Дрексель, который тоже был там — вместе со своими очаровательными юными *великанами,* близнецами Бруно и Сильвейн,

казавшимися новыми воплощениями Пьера и Сильвии. В общем-то, собрались все, кроме двух влюбленных, которые все еще продолжали свой долгий путь, начавшийся много лет назад в Лионе с обмена первыми взглядами!

Торжественность мероприятия подчеркивали дуговые лампы у акведука, включенные ради такого случая, и теперь наконец все могли полюбоваться чудесно проявившимся на фоне неба монументом, во всей его идеально пропорциональной красоте. Нет, воспринимать его лишь как банальный образец римского водопровода невозможно, подумал Феликс, глядя на акведук и снова расчувствовавшись. И опять он невольно задал себе этот мучительный вопрос. (Прекрасное как ценное против Прекрасного как бесценного — что важнее?) Рыночная стоимость или эстетическая и духовная ценность? Стоявший рядом Макс проговорил, словно прочитав мысли Феликса:

— Очень духовное сооружение. Здесь можно отлично заниматься йогой, места вполне подходящее!

Вино делало свое дело, музыка чаровала, тень от деревьев и яркий белый свет дуговых ламп подчеркивали великолепную, буйную красоту

поздней весны. Но самые яркие впечатления ждали впереди: уже совсем скоро можно будет вызволить из плена несметное богатство и вернуть славу незабвенной святой, о которой не вспоминали долгие годы. Префект внимательно оглядел собравшихся, словно кого-то ища. И вот она, встретившись с ним взглядом, начала сквозь толпу пробираться к нему. Это была Сабина, и он, по всей видимости, ее ждал.

— Месье префект, — глубоким грудным голосом проговорила она, — я навела справки, как вы просили, и девушка придет к вам, когда пожелаете. Ее муж уверил меня, что она здорова. Я очень хорошо понимаю ваше беспокойство, у многих цыганок в самом деле есть венерические болезни. Единственное затруднение заключается в том, что он просит кое-что у вас *en contrepartie*,[163] но, вероятно, вы не захотите…

— Все что угодно, в пределах разумного, — ответил префект, краснея от удовольствия, потому что девушка, о которой они говорили, была поистине райской птичкой — нет, точнее, из породы золотистых фазанов.

Сабина продолжала:

---

[163] Примечания: 163
Взамен *(фр.)*.

— Он хочет получить центральный прилавок в Авиньоне, тот самый прилавок, который находится чуть левее старого бастиона — прилавок Г.

— Все хотят этот прилавок, — простонал префект, — он же лучший в городе. Ладно. Я поговорю с *placier*,[164] и с завтрашнего дня пусть там торгует. Надеюсь, девушка придет завтра вечером, в восемь часов. Невозможно передать словами, как я благодарен вам за посредничество. Нам, официальным лицам, иногда очень трудно самим улаживать некоторые дела. Тысяча благодарностей.

Сабина улыбнулась. Когда человеку ничего не надо, у него всегда сильная позиция. Однако она понимала, что если ей понадобится помощь властей, она теперь может рассчитывать на *piston*[165] префекта, и это было очень важно.

Однако пока еще не зашло речи о том, что сейчас наверняка занимало мысли и самой Сабины, и префекта. О забальзамированных ногах Хулио. Поэтому воцарилось многозначительное молчание, обремененное явной недосказанностью.

---

[164] Примечания: 164

Тот, кто арендует места на рынке, чтобы потом сдавать их торговцам *(фр.)*.

[165] Примечания: 165

Протекция *(фр.)*.

Префекту ничего не оставалось, как самому заговорить об этом.

— Естественно, — проговорил он наконец, — я прекрасно понимаю, что для табора принципиально важно, чтобы эта святыня была в целости и сохранности, так сказать, в рабочем состоянии. Я заинтересован в этом не меньше вас, ведь я обязан заботиться о том, чтобы ничто не нарушило общественного порядка.

— Ну да, — отозвалась Сабина, глядя на свои руки, словно старалась разглядеть в них некую тайну. — Ну да!

Префект тяжело вздохнул.

— Вы думали о моем предложении насчет ног?

— Конечно, думала.

— Тогда я повторю, что «Музей человека», хочет включить их в свою коллекцию. Тамошние сотрудники очень надеются, очень… Я уверен, все можно так устроить, что никто не узнает. В конце концов, можно сделать копию — пару ног из пластмассы, и все довольны.

— У меня другой вопрос. Я назначила цену. Они согласны или нет? Если согласны, то с моей стороны возражений не будет. Если нет, то ничего не получится!

Префект кашлянул, прикрыв ладонью рот.

— Они согласны, — сказал он и улыбнулся.

Но Сабина не улыбнулась в ответ. Карты ей предсказали некий постыдный поступок, и вот это произошло! Пластмассовые ноги, конечно же, не будут обладать целительной силой, которая вмиг, как удар молнии, избавляет страждущих от недуга! Она взяла протянутый ей чек и растерянно поглядела на него, изумленная собственным поведением. Это было похоже на ритуальное жертвоприношение, вот только что было жертвой? А в результате, как предупреждали карты, табор убьет ее — совершит ритуальное побиение камнями. Она встряхнулась, как овчарка, словно не веря себе самой, тому что происходит…

— Какая же все это чепуха! — вдруг воскликнула она.

— Чепуха? — переспросил префект. — Мне кажется, цена подходящая. Все равно это всего лишь суеверие, что же вас смущает?…

Он медленно пошел дальше, а она все думала, порвать чек или не стоит? Но в глубине души знала, что не станет его рвать.

Все складывалось самым удачным образом; на празднестве царил невозмутимый оптимизм. Пора было приниматься за угощение, и префект приблизился к великолепно накрытому столу

с пылом истинного француза, вдохновленного предстоящим пиршеством. Отдать должное еде — все равно, что исполнить религиозный долг. К этому времени вся компания уже прониклась этим настроением и последовала примеру префекта. Обрывки мыслей и разговоров летали, подгоняемые ветром, в темноте, сгустившейся вокруг римского архитектурного шедевра. Возобновлялись прежние отношения старых, много лет не встречавшихся знакомцев. Провозглашались тосты за святую Сару, и звон бокалов опять стал паролем!

— Что касается святой Сары, то теперь уж мы никогда не узнаем наверняка, кем она была, отвергнутой женой Пилата, служанкой Девы Марии или какой-нибудь забытой царицей Египта. А царица эта считалась очередным воплощением Исиды, правившей в Камарге! Возможно, это имеет значение только для смуглых детей, которые почтительно целуют ее пупок во время праздника.

Так говорил принц, очарованный великолепной едой, вином и тем, как удачно складывались обстоятельства.

Любовных меток Клеопатра не стесня-

лась,
Об этом уж Святая Сара постаралась,
Девица, коль пупок царицы целовала,
То в неземном блаженстве пребывала.

От немигающего золотого света свечей все медные предметы в маленькой кибитке мерцали, играя множеством бликов. Сабина всматривалась в обе ладони Роба Сатклиффа, стараясь сосредоточиться и проникнуть в то, что они могли сказать ей, пока они не стали для нее прозрачными, как стекло.

— Если мы спасемся, то лишь благодаря евреям, новым представителям древнего народа Израиля; преследуемые всегда совершают ошибки, и однажды они неправильно определили безопасный процент с капитала; это было зашифровано в крови как некое алхимическое инвестирование плюс вполне материальное ростовщичество. Появятся другие способы стабилизации государственных финансов. Они укажут нам новый путь.

На Сатклиффе была лишь рубашка. В записной книжке появилась еще одна запись: «Недосягаемые мечты о законных ласках». Он попросил ее выйти за него замуж, как он просил многих, и, как многие, она отказала ему. (Можно ли (об)меняться жизнями? Можно ли (об)меняться смертями?

Или их изменить?)

Лорд Гален рассуждал о снах:

— Иногда я мечтаю о пророческих снах, о, так сказать, обогащающих, которые снятся вроде бы ни с того ни с сего. Например, в прошлом году я проснулся с ужасным криком, потому что услышал голос, говоривший: «Эта война была столь разорительной, что самое время заключить контракт на сбор металлического лома». Это было откровение — хотя речь шла об очевидном! Через десять дней я уже договорился с десятью правительствами насчет полей сражений!

— Ну да, я тоже боялся змей, — проговорил Макс, — до того как отправился в Индию учиться. В *ашраме* были две королевские кобры, семейная пара, совершенно ручные; они приползали ко мне, когда становилось темно, и лакали из блюдца молоко маленькими проворными язычками. Если их не пугать, то они добрые и никогда не нападают первыми. Но за пределами ашрамов змей убивают. Я видел, как самки преданы своим избранникам и как они опасны для людей, потому что всегда возвращаются и мстят за своих возлюбленных. После убийства самца люди потом долго живут в страхе — ждут его подругу. Обычно она появляется дня через четыре. Гово-

рят, самое лучшее — устроить засаду, так как кобра действует всегда одинаково. Она выбирает место, где обычно ходят люди, и ждет — на улице, на тропинке, в кухне или у алтаря, где стоят фигурки богов. Если человек спокойно входит, забыв об опасности, она молниеносно на него накидывается. Меня потрясло, с каким страхом в доме ждали появления змеи. Мои учителя использовали это как метафору. Все на страже, как перед вторым пришествием!

Музыка заглушила его последние слова, и он почувствовал, как сон приятными волнами накатывает на его сознание.

Разные говоры накладывались один на другой, смешивались, придавая празднику великолепный варварский оттенок. Можно было без труда представить всю беседу, даже не понимая ни одного слова.

Кто этот ваш приятель, вон там? Он случайно не людоед?

Еще какой!

Неплохо выглядит.

Да, все за счет друзей. У него полны карманы смертей.

Вот я и вижу: как будто бы знакомое лицо.

В автомобиль принца набилось множество

цыганят — они упросили прокатить их, и их повезли по мосту и по обсаженным деревьями дорогам, что были в пестрых пятнах яростного света. Мощный мотор ровно урчал, урчание было мягким, как шерсть слона. Мотор, посланник из мира презренного металла, *vox pop*[166] и обработанных жителей.

— Все уже здесь, а влюбленных и Смиргела нет, — волновался префект, так как был намерен начать свою отрепетированную речь задолго до отправки в пещеру.

— Придут, — успокоил его Феликс.

Надо сказать, они действительно были уже недалеко. Влюбленные решили ехать с побережья верхом и в сумерках были в Ремулене, после чего извилистые дороги потихоньку привели их к мосту. Время от времени они видели призрачный свет между деревьями, а вскоре их уже приветствовали звуки мандолин. Появились они, будто зачарованные всадники, рука об руку. Они решили расстаться на некоторое время, вероятно, на несколько месяцев, чтобы дать себе возможность сконцентрироваться на книге, которую он давно задумал. Однако это нельзя было сделать

---

[166] Примечания: 166
Vox populi — общественное мнение *(лат.)*.

без встречи с Сатклиффом, который снова впал в неодолимое уныние — он был в отчаянии из-за недоступности Сабины. Пока беглецы кружили по темным дорогам, он изложил ей свои планы и спросил, не станет ли она возражать.

Но Констанс пылко его поддержала, ведь *œuvre*,[167] о котором он мечтал, было и ее делом, ее работой, она была не меньше его самого ответственна за этот роман. Празднование мистической свадьбы четырех измерений с пятью скандами, если так можно выразиться. Воплощение пары королевских кобр, царя и царицы аффекта, духовного мира. «Мое спинальное «я» с ее конечным "она"». Кое-что из этого они попытались объяснить Сатклиффу, которого было нелегко убедить.

— Отлично, — в конце концов произнес он, — но при условии, что вы не будете писать так, словно вытряхнули сотню мусорных ящиков. Однако сначала нужно взглянуть на сокровище, вы согласны? Утешиться перед тем, как погрузиться в холод и сырость нашего родного острова — варварского места с двумя племенами.

Принц прояснил аллюзию:

---

[167] Примечания: 167
Дело, труд, творчество *(фр.)*.

— Сначала вам трудно полюбить местных жителей. Потом понимаешь, что они делятся на два вида, на британцев и англичан. Первые — наследники Кальвина, вторые — Руперта Брука![168] Поэты и Идеалисты против Протестантских Лавочников. Отсюда как бы двойственные речи, раздвоенность, это так часто раздражает. Все же, в страшной войне, через которую мы прошли, Галифакс,[169] не следует забывать, был заодно с Гитлером: а Черчилль — против. Англия одержала верх над Британией!

Эта тема была одной из самых его любимых и как нельзя лучше удовлетворяла типично египетский темперамент принца. Хорошо теперь рассуждать!

Последние из приглашенных — Смиргел и Катрфаж — приехали в старомодной двуколке, запряженной престарелой лошадью. Оба выглядели, скажем так, оцепенело-торжествующими. Немец привез обещанную карту австрийских саперов, без которой было невозможно даже

---

[168] Примечания: 168

Брук Руперт (1887–1915) — английский поэт, продолжавший романтическую традицию английской поэзии. Погиб во время Первой мировой войны.

[169] Примечания: 169

Галифакс Эдуард Фредерик Вуд (1881–1959) — министр иностранных дел в 1938–1940 гг., сторонник политики умиротворения Гитлера.

приблизиться к сокровищу. Однако перед знаменательным вторжением внутрь прозвучали пламенные предостережения, — префект получил, наконец, возможность сказать нечто риторическое, умоляя с должной осторожностью и уважением отнестись к святой — если таковую удастся обнаружить. Время от времени его голос заглушали стоны мандолин. Но вот оно наступило, это великое мгновение. Кейд как раз выпустил изо рта дым сигареты и щелкнул аппаратом, сверкнув вспышкой — возникла полная иллюзия, что это молния сверкнула между деревьями. Еще при нем была целая связка лотерейных билетов, которую он пристроил наискосок через плечо, как патронташ. Это была идея Смиргела.

— Неплохо бы проконтролировать, кто зайдет внутрь. Цыгане такие разбойники, что их страшно впускать. Но если дать каждому по билету, то потом можно будет их сосчитать, если случится что-то непредвиденное.

Заранее были приготовлены факелы и китайские фонарики… Оставалось выработать некий порядок. Понемногу ласкающие слух официально-округлые французские фразы иссякли.

— Итак, дети мои… — Префект не смог отказать себе в отеческом обращении. — Итак, преиспол-

нившись смирения, мы сейчас отправимся на поиски нашей святой, ибо она одна защитит нас, живущих на этой земле. Ура, Сара!

Слова «Ура, Сара» прозвучали словно ружейный выстрел, после чего долго-долго рвалась ввысь музыка в победном арпеджио, тогда как отдельные голоса продолжали свирепо рявкать, обращаясь к тени святой:

— Ура, Сара! Ура, Сара!

И тут над акведуком зашипел и затрещал фейерверк — венцы и глобусы из вращающихся сгустков света в темно-синем небе. Музыка стихла, и берущий за душу женский голос запел любовную песню, народную андалузскую песню с этим невероятным и непредсказуемым — перистальтическим — ритмом, сбивчивым, словно дыхание в момент оргазма. Сатклифф мрачно произнес:

— Секс — кладовая животного начала в человеке.

И его двойник отозвался на это:

— Да. Или роковой источник силы. Мы могли бы много чего совершить с его помощью, если бы знали тайный шифр!

Принц, которому уже было известно о смертельной болезни принцессы и который улетал

на рассвете в Каир, думал совсем о другом — о смертном грехе, о том, что болезнь физической оболочки — пародия на этот грех! Он ясно видел будущее, где была ее смерть, яснее любой цыганской гадалки. Видел, как в годовщину ее ухода телефон задохнется от удушья в чайных розах — белых и алых розах. Чтобы никто не донимал утешениями и не заверял в поддержке и любви.

— Как вы думаете, — спросил Обри, — когда мы расстанемся, то будем переписываться?

— Конечно, — ответил Сатклифф. — Нам нельзя забывать о будущем собрании наших писем — об обмене иероглифами двух клинописных персонажей, как вам это? Переписка на мандаринском наречии?[170]

Процессия приняла более или менее сообразную форму. Впереди в королевском «даймлере» ехали принц и префект, за ними следовал служебный лимузин, потом другие автомобили и множество кибиток. Во главе процессии шла великолепная в своей красе певица-цыганка, а за ней еле-еле ползли, в такт ее шагу, автомобили. Так они одолели четверть мили до входа в пещеру — до устрашающей ограды и надписей

---

[170] Примечания: 170
Имеется в виду один из диалектов китайского языка.

«ОПАСНО», огромными буквами, и на каждом шагу. Тут Кейд занял свою боевую позицию, чтобы каждому вручить лотерейный билет, прежде чем пропустить за ограду. Первая пещера была просторной, почти с кафедральный собор, но она быстро заполнилась. Пора было идти во внутренние коридоры под предводительством Смиргела и Катрфажа. Влюбленные вздрогнули, полные дурного предчувствия, и Блэнфорд подумал, что эту сцену следовало бы описать такими словами: «В это мгновение реальность устремилась на подмогу вымыслу, и начало происходить нечто совершенно непредсказуемое!»

LAWRENCE DURRELL
THE AVIGNON QUINTET
QUINX OR THE RIPPER'S TALE
1985